



АРИАДНА ГРОНОВА
**ПОЕДИНОК
С СОБОЙ**

ДЕТГИЗ - 1963

Ариадна Григорьевна Громова

Поединок с собой

OCR & spellcheck by HarryFan, 2 November 2000

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138212

Поединок с собой: Государственное издательство Детской литературы Министерства просвещения РСФСР; Москва;

1963

Аннотация

Один из классических романов отечественной фантастики 60-х годов.

Ариадна Громова

Поединок с собой

*...И пойдут в неизвестность веков,
Преисполняясь тревоги, Человечеству путь
пролагать, Умирая в дороге.*

Иван Франко

На рассвете пошел дождь, и под дверь киоска начала просачиваться вода. Альбер проснулся от холода и сырости. Роже лежал, скорчившись, как младенец в утробе матери, и похрапывал. Поднятый воротник куртки и надвинутый на уши берет закрывали его лицо – виднелись лишь густая черная бровь да переносица.

– Вставай, приятель, мы сели в лужу, – невесело пошутил Альбер, тронув товарища за плечо.

Роже встал, охая от боли, уселся на прилавок и начал артистически проклинать все на свете. Он ругал Париж за то, что в нем бывают дожди, осуждал «все эти чертовы штуки с атомными бомбами», потому что из-за них определенно портится погода, и, наконец, посылал к чертям хозяина киоска за то, что он оставляет эту жалкую развалину незапертой на ночь и толь-

ко вводит в заблуждение людей, мечтающих о спокойном ночлеге... Альбер сказал, что хозяин киоска, пожалуй, ни в чем не виноват, но Роже возразил, что этот раззява мог бы, по крайней мере, починить дверь, для своей же пользы. Однако ругаться он перестал.

Альбер приоткрыл дверь, и в лицо ему хлестнул дождь. Набережная Сен-Бернар была залита водой и тускло блестела в рассветной дождливой мгле. По Сене и по лужам шла почти одинаковая, унылая, дрожащая рябь.

– Бр-р! – Альбер снова вскочил на прилавок.

– Придется идти, – подумав, пробормотал Роже. – Попытаем счастья на вокзалах. На Лионском скоро придет поезд из Ниццы.

Они успели насквозь промокнуть, пока добежали до Аустерлицкого вокзала. Потолкались там; работы не было. Они перешли на правый берег по Аустерлицкому мосту, пошли по бульвару Дидро. Дождь утих, но над городом висел студенистый туман и из него сеялось что-то невидимое и неотвязное. Дул сырой ветер.

– И все это называется – весна! – сказал Роже, стуча зубами.

Оба они потеряли работу недавно, и до сих пор им удавалось добыть денег хоть на ночлег. Сегодня в первый раз пришлось ночевать где попало – а тут

еще этот проклятый дождь!

На Лионском вокзале они дождались поезда из Ниццы, но к хорошим пассажирам нельзя было и подойти. Роже долго обрабатывал какую-то старушеницу, но она недоверчиво поглядывала на него и так быстро тащила свой чемодан, что Роже в конце концов отступился. Зато им удалось пробраться в туалет. Там они умылись, почистились, причесались и наглотались горячей воды из-под крана, – стало теплей и голод на время перестал мучить.

– Черт с ним, с вокзалом! – сказал Роже. – Пойдем к Виго.

– Не станет он с нами возиться, – возразил Альбер.

Все же они пошли. Виго плавал на одном корабле с Роже. Теперь он работал официантом в бистро на улице Ледрю-Роллена. Роже случайно разыскал его с неделю назад, и тогда Виго немного подкормил их, тайком от хозяина. На этот раз хозяин все время торчал за стойкой: в бистро, по случаю плохой погоды, было полно народу, и Виго не смог даже куска хлеба им дать. Но зато он сказал:

– Не будь дурнем, Роже, побыстрее отправляйся со своим дружком в Пасси, на улицу Тальма. Помнишь помощника капитана с «Нанси», Лебрена? Так вот, он выдает замуж дочку, и по этому случаю в доме у него аврал: все переставляют, чистят, моют. Он просил ме-

ня прийти помочь – понимаешь, насчет ковров, мебели и всякое другое. Тебя он знает. Жратва будет обеспечена, а может, и деньгами даст хоть немного. Эй, Жером! – крикнул он, высовываясь на улицу.

Около бистро затормозил крытый грузовичок, и шофер, поговорив с Виго, сказал:

– Лезьте в кузов, ребята, довезу вас до Трокадеро.

– В добрый час! – крикнул Виго и, не оглянувшись, нырнул в дверь.

От Трокадеро они шли по улицам Пасси, начисто промытым дождем, и яркая весенняя листва влажно шумела и стряхивала тяжелые капли им на плечи. Дождя уже не было, свежий ветер старательно разгонял тучи.

– Пожалуй, распогодится, – сказал Роже, поглядев на небо.

Альбер вдруг остановился, словно споткнувшись, и уставился на медную дощечку, прибитую у калитки. Калитка вела в небольшой тенистый садик, огороженный высоким каменным забором; в глубине садика виднелся двухэтажный особнячок старинного типа – такие стояли тут, должно быть, уже во времена Бальзака.

– Чего ты? – спросил Роже.

– Тут, оказывается, живет профессор Лоран, – сказал Альбер; глаза у него были отсутствующие.

– Твой приятель?

– Что ты! Я у него учился.

Роже безразлично передернул плечами:

– Ну и что? Поторапливайся!

– Ты не понимаешь, – сказал Альбер, неохотно отходя от калитки. – Это необыкновенный человек. Это гений.

– Гений? А если к нему зайти, он покормит?

Альбер не отвечал. Все это было где-то в далеком прошлом: университет, нейрофизиология, опыты профессора Лорана, мечты о будущем... Сейчас об этом не стоило даже вспоминать... не к чему...

...Не успел Раймон Лемонье прийти в редакцию, как его вызвали к шефу.

– Не в духе! – предостерегающе шепнула секретарша шефа, рыжекудрая Катрин.

Раймон вошел в просторный темноватый кабинет и остановился у дверей. Пейронель кивнул, указывая, на стул рядом со своим креслом: это было знаком доверия. Раймон осторожно присел, искоса разглядывая мясистое, тяжелое лицо шефа. Пейронель, видимо, и вправду был не в духе: нижняя губа оттопырилась, придавая ему не то обиженный, не то надменный вид; он хмурился и посапывал. Однако заговорил он, против ожидания, довольно мирно:

– Слушайте, Лемонье, вы как, не робкого десятка?

– Вы, надеюсь, имели случай убедиться в этом на Арпажонском деле, – с достоинством ответил Раймон.

– Ну, Арпажонское дело! Конечно, вели вы себя там неплохо. Но ведь это была всего-навсего небольшая перестрелка полиции с бандитами. И полиция вас охраняла.

– Как бы не так, полицейским было вовсе не до меня, – возразил Раймон: его самолюбие было задето.

– Ну-ну, ладно, не петушитесь, – примирительно сказал Пейронель. – Я ведь помнил об Арпажоне, когда прикидывал, кому бы поручить это дело. – Он постучал ребром ладони по раскрытому письму, лежащему на столе. – Только вот что: тут одной храбрости мало. Нужна выдержка, смекалка, умение играть роль... и главное, запомните это, главное – умение держать язык за зубами!

– Он очень значительно поглядел на Раймона.

– Разумеется... – пробормотал Раймон, сгорая от нетерпения: похоже, дело из таких, на которых можно сразу выдвинуться.

Пейронель с минуту разглядывал его, еще сильнее выпятив нижнюю губу:

– Да, дело сложное. Для начала – прочтите вот это!

Строчки письма резко загибались книзу, почерк был косой, стремительный, словно летящий.

«...Кроме вас, мне не к кому обратиться. Я знаю:

вы не откажете мне в помощи. Поверьте, я ничуть не преувеличиваю: в любую минуту может произойти катастрофа, и это будет ужасно, последствия трудно предугадать, я сама знаю так мало! Я совсем одна, я, теряю голову. Вчера взяла расчет моя верная Нанон, она держалась дольше всех, но и ей стало страшно. А мне еще страшнее... Я не могу написать, что это такое... Это нельзя себе представить, это невероятно и чудовищно. Я прошу о помощи не только для себя... Если произойдет катастрофа, Анри погибнет, и не он один... Я пишу потому, что по телефону скажешь еще меньше, а пойти к вам я не могу, – я боюсь выйти из дому даже на полчаса.

Вы – единственный, кто сможет мне помочь. Вам нельзя приходить, вы знаете, и вообще журналиста он не пустит в дом. Но я сказала, что мне страшно, что мне нужна помощь и что я послала телеграмму в Лилль, просила приехать своего племянника, Жозефа Леду, – он без работы и пока поживет у нас. Умоляю, пришлите надежного и смелого молодого человека. Профессор никогда в жизни не видел Жозефа. Жозефу двадцать четыре года; он высокий, смуглый, темноволосый; хорошо было бы, если б ваш посланец хоть немного походил на него. По образованию Жозеф – филолог. Я уверила Анри, что он абсолютно надежный, молчаливый человек, что на него мож-

но положиться. Помощник в доме крайне необходим, и Анри согласился. Но помните, нужен очень смелый и рассудительный человек. Вы не представляете, как все это ужасно, как сложно и непонятно...

Помогите, умоляю вас, во имя памяти моего дорогого отца!

Ваша несчастная Луиза».

– Что же это значит? – ошеломленно спросил Раймон, возвращая письмо. – Эта дама вполне здорова?

– Думаю, что да, – хмуро ответил Пейронель, – хотя от всех этих штук легко сойти с ума. Но дело тут не в ней. Ее муж – профессор Лоран. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Как же, как же, – заторопился Раймон, стараясь сообразить, что же ему, в сущности, известно о профессоре Лоране. – Он... медик, не правда ли?

– Физиолог. Нейрофизиолог.

– Да, да, я уже вспомнил! Статья в нашей газете, осенью... профессор Лоран устроил скандал, звонил...

– Именно. Кстати, поэтому я и не могу появиться в доме профессора. Он считает, что я, погнавшись за сенсацией, повредил ему... чем, кто его знает!

– Но как вы думаете, что же там происходит?

– Не знаю, – помолчав, сказал Пейронель. – Наверное, его чертовы опыты дошли до какой-то опасной

стадии. Он ведь работал все эти годы, как одержимый.

– Но о какой катастрофе пишет мадам Лоран?

– Вот это я и хочу знать. За этим я вас и посылаю. И еще, конечно, затем, чтоб поддержать и успокоить Луизу. Ей так не повезло, бедняжке!

Раймон вопросительно посмотрел на шефа.

– Да, не повезло, – повторил тот. – Первый ее муж погиб при автомобильной катастрофе, они и года не прожили вместе. Луиза в двадцать лет осталась вдовой. А в двадцать два года ее угораздило выйти за этого сумасшедшего Лорана. Он старше ее на девятнадцать лет, но дело, конечно, не в этом. Все эти три года ее жизнь была пыткой – бешеный характер, нелюбимость и эти проклятые опыты, опыты, опыты! По-моему, он никогда и не любил Луизу. Так или иначе, а он ей искалечил жизнь... да и состояние Луизы тает очень быстро... – Он оборвал речь, тяжело засопел. – Ну, так как: решаетесь идти туда? Вы же сами понимаете, это опасное дело. Словом, идите и подумайте. Через час придете и скажете, как решили. Никому ни слова, конечно. Идите.

– Мне нечего думать, я согласен! – сказал Раймон так решительно, что редактор удивленно шевельнул кустистыми полуседыми бровями.

– Что ж, я рад. Внешность у вас подходящая для

этой роли. Некоторый опыт есть. Возьмите с собой чемоданчик с вещами и плащ: вы приехали из Лилля, помните. Хорошо бы вам ознакомиться с трудами профессора Лорана. Но за последние три года он ни строчки не напечатал. Попробуйте поговорить с супругами Демаре, они вначале работали вместе с Лораном. Или – нет, не стоит... Тут, во-первых, серьезные разногласия в научной области, во-вторых, личная драма: Демаре отбил у Лорана жену. Так что говорить с ними будет трудновато. Дальше: ни слова никому, нигде, никогда. Никто из ваших знакомых не должен знать, что вы живете в доме профессора Лорана или вообще имеете к нему какое-либо отношение. У вас есть семья? Нет? Превосходно! А девушка?

– Нет! – решительно сказал Раймон и подумал: «Действительно, вовремя я поссорился с Пьереттой!»

– Очень хорошо! Никаких новых знакомств. Никаких девушек. Ни капли спиртного. Предупреждаю ради вашей же безопасности. Минимум раз в день звоните мне. Вот вам телефоны – здешний прямой и домашний.

– Какова конечная цель моей работы? – спросил Раймон.

– Возможно, крупнейшая сенсация нашего времени. Ибо профессор Лоран – гений, это я вам говорю. Он, вероятно, сумасшедший, а может быть, и мер-

завец, но он гений. Возможно, сенсации не будет, и вы просто поможете женщине, находящейся в опасности. И в том, и в другом случае – деньги. И продвижение вперед. Я не поскоплюсь – ни как редактор, ни как человек. Луиза мне все равно что дочь.

Раймон поклонился и встал.

– Вот вам адрес. Желаю успеха!

Уходя, Раймон почему-то обернулся. Пейронель кивнул ему, в глазах у него была тревога...

Раймон дернул проволоку звонка у калитки. Медная дощечка с именем профессора Лорана потускнела. «Давно не чистили, ведь прислуга сбежала», – подумал Раймон. На улице было тихо, чисто, зелено. Из-за высокого каменного забора тянулись ветви старого каштана, розовато-белые свечи сияли в его густой лапчатой листве. По дикому серому камню вился плющ. Сквозь темный узор чугунных спиралей калитки Раймон видел дорожку, вымощенную плитняком, высокие кусты вдоль дорожки и двухэтажный серый дом в глубине сада. «Окна все занавешены... Да живы ли они там?» Раймону стало не по себе. Он снова дернул за проволоку, и в ту же минуту приоткрылось окошечко в массивной темной двери дома. Потом распахнулась дверь, и худенькая светловолосая женщина почти бегом пробежала к калитке.

– Кто вы? – тихо спросила она.

– Добрый день, тетя Луиза! – уверенным тоном ответил Раймон.

– Жозеф! – Лязгнули тяжелые засовы, калитка открылась. – Здравствуйте, Жозеф, я очень рада вам.

Помедлив, женщина привстала на цыпочки и осторожно прикоснулась губами к щеке Раймона. Губы у нее были холодные и сухие. «Неужели ей всего двадцать пять лет?» – удивился Раймон. Пышные светлые волосы ее были наспех скручены в тяжелый узел на затылке; лицо казалось измученным до предела, губы подергивались. Она подняла на Раймона большие светлые глаза, окруженные тенями бессонницы: в них было затравленное выражение.

– Как хорошо, что вы пришли, – тихо сказала она. – Поговорим потом. – Она покосилась через плечо. – Анри смотрит.

Раймон увидел – занавеска в окне второго этажа чуть шевельнулась. Женщина пошла по дорожке к дому. На секунду Раймон заколебался. Он считал себя храбрым, а сейчас чуть ли не впервые в жизни ощутил страх, – словно темная, холодная вода прихлынула к сердцу. «Неизвестная опасность, тайна, вот почему страшно», – сказал он себе и невольно коснулся револьвера в кармане. Трудно было себе представить, что здесь, в чистеньком буржуазном квартале Пасси,

в этом мирном особнячке, придется пускать в ход оружие. Да и против кого? Разве от всякой опасности защитит револьвер? И все-таки прикосновение холодной стали успокоило Раймона – было в этом что-то верное, надежное, понятное...

Они вошли в темную переднюю, Раймон повесил плащ на вешалку, поставил чемодан. Витая дубовая лестница вела на второй этаж.

– Анри! – негромко позвала женщина. – Жозеф приехал.

Вверху скрипнули разошедшие половицы, послышались торопливые шаги. Луиза вытянулась и замерла, неподвижно глядя на лестницу. В смутном свете лицо ее казалось неживым. Раймон опять почувствовал неприятный холодок под сердцем и рассердился на себя.

Профессор Лоран быстро сбежал по лестнице. Раймон еле удержал восклицание испуга и удивления. Он видел фотографию Анри Лорана в газете; он знал, что профессору сейчас сорок четыре года. Перед ним стоял изможденный старик. Серые всклокоченные волосы, дергающееся лицо, невидящие глаза фанатика в красных припухших веках... «Что это с ним?»

Профессор Лоран не поздоровался. Голос у него был высокий, резковатый.

– Жаль, что вы не приехали раньше. У меня уже есть помощник. Я договорился.

– Но, Анри... – дрожащим голосом сказала Луиза. – Ведь Жозеф приехал по вашему приглашению.

– Да, я знаю. Очень сожалею. Оплати расходы.

Он повернулся и легко взбежал наверх. Луиза кинулась вслед за ним. Раймон стоял, не зная, что делать.

– Анри, умоляю вас, – говорила Луиза. – Я боюсь, я не могу одна. Я и за вас боюсь... Анри...

Высокий голос профессора раздраженно произнес:

– Я же сказал: есть помощник. Специалист. Твой племянник ни черта не смыслит. И я его не знаю.

– Но, Анри... Я боюсь... я не могу больше...

– Перестань! Глупо наконец. Пусть он переночует здесь. Мой помощник придет завтра утром. Накорми, устрой, дай денег. Только смотри... – Голос понизился до шепота.

Луиза спустилась вниз. Глаза ее были полны слез.

– Идемте, – прерывистым шепотом сказала она. – Это все так неожиданно...

Она привела Раймона в маленькую комнату с окном в сад. В комнате было прохладно, чуть темновато, но довольно уютно. На столике у кровати стояла вазочка с увядшими фиалками.

– Это еще Нанон поставила. Она не захотела остаться ни одного дня после того... – Луиза подошла

вплотную к Раймону. – Что делать? Мой план сорвался. Где и когда Анри мог найти помощника? Он ведь никуда не выходит.

– Наверное, он заподозрил что-то и хочет от меня отделаться, – сказал Раймон.

– Не знаю. Но Анри не стал бы лгать. Я уходила и недавно вернулась. За это время что-то случилось.

– Что же делать? – спросил Раймон.

Ему было досадно, так досадно, что страх исчез. Такая потрясающая сенсация ускользала из-под носа!

– Не знаю. Просто не знаю. – В голосе Луизы звучала безнадежность.

– Хорошо. Ночь мне разрешили тут провести. Утром я заболēju и не смогу уехать. А там посмотрим.

– Ничего не выйдет. Анри не поверит.

– Посмотрим. Я не могу так легко отступить.

– Не знаю, что делать, – повторила Луиза. – Идемте обедать.

В столовой было полутемно – ее окна почти упирались в высокую каменную стену, обвитую плющом. Резные дубовые панели, потемневшие от времени, тяжелые балки потолка придавали комнате еще более мрачный вид; впрочем, и все комнаты, которые успел повидать Раймон, выглядели мрачно. «Веселый домик выбрал себе профессор, нечего сказать! –

подумал Раймон. – Наверху, наверное, посветлее, но все же...»

Обедали они вдвоем: Луиза пояснила, что профессор обычно ест у себя наверху. В глазах у нее по-прежнему был страх. Раймон злился и напряженно обдумывал, как остаться здесь. Он был уверен, что никакой помощник завтра не придет.

– А в чем, собственно, надо помогать профессору? – спросил он.

– Очень во многом. Приносить книги из библиотеки. Доставать всякие химикалии и приборы. Прибирать наверху. Наверное, помогать при опытах. И... конечно, охранять Анри...

– От чего же? – нетерпеливо спросил Раймон.

– От... нет, это нельзя рассказывать... если вы будете наверху, вы сами увидите, а рассказывать невозможно, да и не к чему... – Она вдруг поглядела в глаза Раймону своим трагическим, безнадежным взглядом. – Вы должны радоваться, что моя затея не удалась... поверьте мне! Я сейчас как-то особенно ясно поняла, что не имею права подвергать человека такой опасности...

– А вы сами? Разве вам эта опасность не угрожает?

– Я – другое дело. Я не могу уйти и бросить Анри. Это моя судьба.

– Вы не должны так говорить, – сказал Раймон. –

При чем тут судьба? Но я все равно не уйду отсюда. Я обещал шефу, что буду охранять вас.

Луиза устало пожалала плечами:

– Что же вы можете сделать? Я вам очень благодарна, но...

– А я бы не пошел! – решительно заявил Роже. – Подумаешь: месяц без работы посидел – и уже согласился в омут головой лезть.

– Мне же интересно, пойми ты! – возразил Альбер. – В этом была вся моя жизнь... еще так недавно...

Они сидели на набережной Пасси и дожевывали бутерброды с сыром. У Лебрена их неплохо накормили, а эти бутерброды толстуха кухарка сунула Роже в карман, – «чтобы бедному мальчику было чем поужинать». Но не успели они пройти сотню шагов, как почувствовали, что опять голодны. Тогда Роже сказал, что глупо таскать бутерброды в кармане и глотать слюнки, раз у них есть деньги на ужин и ночлег, а завтра Лебрен велел опять прийти с самого утра.

Парапет набережной уже просох и даже нагрелся – солнце светило вовсю, дождя как не бывало. В воде плыли легкие белые облака, пронизанные светом, листва деревьев стала зеленей и гуще. Роже сбросил башмаки и вытянулся на теплых плитах.

– Я вот чего не пойму: когда ты успел поговорить с этим своим гением? – спросил он, ковыряя спичкой в зубах.

– Кухарка попросила меня сбегать за перцем и уксусом. Ты в это время был в погребе.

– Ну и что же? Ты сам к нему подошел?

– Нет... или, может быть, да... Я не знаю, как это получилось. Я шел мимо его дома и вдруг увидел лицо... вернее, глаза... Он стоял у калитки, прижавшись лицом к прутьям. Вот так... и держался обеими руками за калитку...

Роже сплюнул.

– Это – как арестанты в тюрьмах, – сказал он. – Они вот так смотрят в окна. Влезут на подоконник и смотрят сквозь решетку. Я сколько раз видел.

– Я его не узнал сначала. Он очень изменился. Очень. По-моему, он тяжело болен. Но он меня сам окликнул. Я даже не думал, что он меня помнит.

– Если тебе это польстило, ты олух, – проворчал Роже. – Твою рыжую шевелюру и очки всякий за милю узнает.

– Профессор Лоран – это не всякий. Такие люди рождаются раз в столетие.

– А ты считал? Ладно, я верю, не злись. Так что же он?

– Ну, он спросил, как я живу, и так далее. А потом

сказал, что вполне полагается на меня, потому что хорошо помнит меня по тем временам... по работе на кафедре... и что я мог бы ему помочь. И предупредил, что это очень опасно.

– Да в чем опасность-то? Взрывы у него, что ли, бьют?

– Взрывы? Не думаю... Еще он сказал, что берет с меня слово – молчать, что бы ни случилось, и не вмешиваться, а только выполнять его поручения.

– Это дело, по-моему, плохо пахнет, вот что! – Роже сел и свесил ноги через парапет. – Опасность, тайны какие-то, молчи как убитый. Что он – фальшивомонетчик, что ли?

Альбер молчал.

– А насчет платы ты с ним уговорился? – спросил Роже.

– Нет... я об этом не подумал...

– Вот, пожалуйста! Гениям, конечно, не до этого.

– Он сказал, что ночевать придется у него. И работать день и ночь.

– И ты согласился?! – Роже побагровел от возмущения. – Нет, посмотрите на этого олуха!

– Можно подумать, что у меня есть выбор, – сказал Альбер.

– По сравнению с такой штукой? Конечно, есть! Разбей первую попавшуюся витрину и сядь в тюрьму. Мо-

жешь мне поверить – это безопасней, чем твоя затея.

– Послушай, Роже, – терпеливо сказал Альбер. – В тюрьме сидеть я не хочу. А нейрофизиология – это моя профессия. И я ее люблю. Все эти годы я мечтал, что найду работу по специальности. А тут еще – такой руководитель, как профессор Лоран.

– Хорошо. Ты мне все же объясни: какое отношение к науке имеют все эти разговоры об опасности и тайне? Я ведь тоже не сегодня на свет родился!

– Этого я не знаю. Послушай, Роже! – Альбер положил свои длинные худые пальцы на смуглую волосатую руку моряка. – Давай уговоримся так. Завтра у Лебрена не много работы, ты справишься один. Если я не успею забежать к Леброну до того, как ты освободишься, – жди меня на площади Шопена, ладно? Я хоть на минутку да появлюсь. Идет?

– Идет, – угрюмо сказал Роже. – Не нравится мне вся эта история, говорю тебе.

– Ну, я посмотрю, что там такое, – примирительно проговорил Альбер. – А тогда решим, как быть.

Роже снова лег на спину и закрыл глаза. Альбер сидел, разомлев от тепла, от праздничного сверкания Сены, от блаженного ощущения сытости. Мимо проплыла баржа; загорелая черноволосая девушка босиком ходила по палубе, развешивая белье, и что-то напевала низким приятным голосом. Колеблющиеся от-

светы водяной зыби пробежали по борту баржи, смуглые крепкие ноги девушки ступали легко и уверенно по чистым доскам палубы, разноцветное белье пестрело на веревках, окно каюты было оплетено душистым горошком, и все это было так мирно и спокойно, что Альбер следил за баржей, пока она не нырнула в тень под мостом Пасси.

Не хотелось думать о том, что ждет его завтра в доме профессора Лорана. Не хотелось думать ни о чем вообще. Только сидеть на нагретых камнях, закрыв глаза, видеть теплый красный свет, проникающий сквозь веки, и слышать легкие равномерные всплески воды... Больше ничего...

...Раймон сидел в своей комнате и читал «Восстание ангелов». Читал он невнимательно: Анатоль Франс ему никогда особенно не нравился, да и не до чтения было. Раймон прислушивался к каждому звуку в доме: вот тихие, еле слышные шаги Луизы, вот она открыла какую-то дверцу, – должно быть, шкафа или буфета... поворот ключа и легкий скрип... Наверху – шаги... Неужели это профессор так тяжело ступает? По лестнице он бежал, как юноша. Вот теперь – легкие, быстрые шаги... Наверное, что-нибудь перетаскивал. Черт возьми, хоть бы одним глазком взглянуть, что у него там делается, наверху!

Уже темнело. Свет зажигать не хотелось, и Рай-

мон отложил книжку. Что же делать? Пойти позвонить шефу? Нет, не стоит. Нельзя начинать с жалоб на неудачу. Да и уходить отсюда опасно: профессор, чего доброго, не впустит обратно. Посмотрим, что будет утром.

В дверь тихо постучали: Луиза приглашала ужинать. Раймон с удовольствием глотал рагу, хоть оно было приготовлено не бог весть как. Луиза почти ничего не ела и с несмелой бледной улыбкой смотрела на Раймона через стол. Она выглядела спокойней, чем днем, и даже немного принарядилась: изящная белая блузка, воротник заколот бирюзовой брошью, волосы хорошо уложены. «Да она, в сущности, прехорошенькая, бедняжка, – подумал Раймон, потихоньку разглядывая ее. – Ей бы вырваться из этого веселого местечка, да месяц-два пожить где-нибудь у моря. Право, чудесные волосы, фигурка, словно у девочки-школьницы...» Он не замечал, что уже открыто смотрит на Луизу, не сводя глаз.

– О чем вы думаете? – нервно передернув плечами, спросила она.

– О вас, – откровенно сказал Раймон. – Это ужасно, что вы ведете такую жизнь.

Луиза опустила глаза.

– Я налью вам чаю, – тихо сказала она и вдруг замерла, прислушиваясь.

Сверху доносился частый стук пишущей машинки. Невероятно частый, сливавшийся в сплошную дробь. То и дело звенели звоночки сигналов и двигалась каретка. «Каждые полсекунды – строка, вот черт!» – подумал Раймон. Призрачное оживление уже сошло с лица Луизы: это опять была застывшая маска страха.

– Что вас пугает? – тихо спросил Раймон.

– Не знаю... не понимаю... Вы слышите, как стучит машинка?

– Да, очень быстро.

– Нельзя так быстро печатать. Человек не может так, я знаю. Я сама печатаю быстро. Еще недавно я сама все перепечатывала для Анри... Он больше никому не доверял, а я быстро напрактиковалась... Я хотела быть ему полезной.

– А теперь он и вам не доверяет?

– Не в этом дело. Но когда он мог выучиться? Да еще с такой быстротой? Он совсем не умел.

Раймон прислушался. Бешеный непрерывный стук. И... будто кто-то говорит, очень быстро, неразборчиво.

– Это профессор разговаривает? Да? – спросил он.

– Да. Это Анри.

«Что же, он сам себе диктует? Странно», – подумал Раймон.

– Вы уверены, что он там один?

– Я ни в чем не уверена, – сказала она с выражением глубокого отчаяния и ужаса. – Временами мне кажется, что я схожу с ума.

Пулеметная дробь машинки вдруг оборвалась. Послышался топот, прыжок, потом наверху упало что-то тяжелое, затрясся потолок, закачалась люстра. Луиза вскочила, кинулась к лестнице.

– Анри! Анри! – отчаянно крикнула она. – Что там? Что с вами?

Она забарабанила в дверь. Раймон стоял на лестнице, инстинктивно сжав револьвер.

– Откройте, Анри! Отзовитесь! – кричала Луиза.

Из-за двери послышался задыхающийся голос:

– Подожди, я сейчас! Перестань стучать!

Луиза прислонилась к стене. Она дрожала. За дверью творилось что-то непонятное: топот, шум, невнятное бормотание. «Голову дам на отсечение, что он там не один!» – думал Раймон, прислушиваясь.

Дверь внезапно открылась. Профессор Лоран быстро перешагнул через порог и захлопнул дверь.

– Я голоден, – все еще задыхаясь, сказал он. – Ты меня чем-нибудь покормишь, Луиза?

«Ну и вид!» – подумал Раймон. Ворот домашней блузы профессора был разорван, лоб наискось рассекла свежая рана, на нее свешивались всклокоченные седые волосы.

– Анри, вы ранены? – тихо сказала Луиза.

– А, это? Чепуха, я упал и ударился об угол шкафа.

Закружилась голова. Перевязывать не надо, к утру заживет.

– Но, Анри...

– Говорю тебе: я проголодался. Больше ничего.

Раймону показалось, что профессору больше всего хочется увести их подальше от двери. Там, внутри, что-то грузное беспокойно ворочалось, вздыхало, скрипело.

– Ну? – нетерпеливо сказал профессор. – Что-нибудь для меня найдется?

– Да... конечно... – Луиза медленно, цепляясь за перила, начала спускаться с лестницы.

Раймон подхватил ее под руку. На повороте лестницы он невольно обернулся. Профессор Лоран все еще стоял у двери и, вытянув шею, прислушивался. Потом он облегченно вздохнул. Лицо его сделалось вдруг таким усталым, что Раймону показалось: сейчас он упадет. Однако профессор легко сбежал по лестнице и, обогнав их, крикнул:

– Надеюсь на ужин! Иду мыть руки!

Он не появлялся довольно долго. Луиза, двигаясь как во сне, поставила на стол третий прибор, достала из буфета бутылку вуврэ и бокалы. Из туалетной доносился шум и плеск.

– Вы говорили, что профессор ест наверху? – тихо спросил Раймон.

– Да... обычно... Он вообще редко спускается вниз. Умывается тоже наверху, в своей туалетной. Я его иногда целыми днями не вижу.

– А почему сегодня?

– Не знаю... ничего не знаю... Я так боюсь... – Голос Луизы звучал монотонно. – Я устала бояться...

Раймон осторожно погладил ее руку, безжизненно лежавшую на столе. «От нее, похоже, ничего не добьешься, – подумал он. – А ведь надо же хоть что-нибудь знать...»

Профессор Лоран вышел из туалетной, приглаживая рукой влажные волосы. Он накинулся на рагу, на сыр, попросил кофе. От вина, немного подумав, отказался. Лоб у него был рассечен глубоко, но рана почему-то совсем не кровоточила. Раймон исподтишка наблюдал за ним. Легкие, юношески быстрые движения, волчий аппетит – и эти седые волосы, бескровное, истощенное лицо... Эти неестественно блестящие светлые глаза в припухших красных веках... «Что все это значит, черт возьми! И почему рана не кровоточит? Дьявольщина какая-то!» Впервые Раймон подумал, что Пейронель ошибся, послав сюда его; надо было выбрать кого-нибудь более опытного, одной храбростью тут не возьмешь... Он все искал предло-

га заговорить с профессором, расположить его в свою пользу. Но Лоран молча ел и пил, глаза у него были отсутствующие, он будто не замечал, что за столом сидит посторонний. Ужин кончился неожиданно. Профессор Лоран, не допив кофе, порывисто встал и шагнул к двери. Луиза тоже вскочила.

– Ах да, спасибо, я сыт, – быстро проговорил профессор.

Он остановился у порога и как-то растерянно поглядел вокруг. «Не очень-то ему хочется идти наверх! – подумал Раймон. – Ну что ж, это последний шанс!» Он подошел к Лорану.

– Может быть, вы разрешите помочь вам сегодня вечером? – почтительно спросил он. – Пока нет вашего помощника.

Профессор молча, словно недоумевая, смотрел на Раймона. Бескровное лицо его слегка подергивалось.

– В самом деле, Анри... – начала было Луиза.

– Нет, нет! – Профессор нетерпеливо взмахнул рукой. – Яне нуждаюсь сегодня в помощи. Ни в какой помощи!

Он стремительно выбежал из столовой. Луиза безнадежно поглядела на Раймона и начала убирать со стола. Раймон закурил. «Дело, похоже, проиграно», – сказал он себе. Было слышно, как профессор бежит по лестнице. Скрипнули половицы наверху... Мгнове-

ние тишины... И вдруг – снова слышались стремительные легкие шаги на лестнице... в соседней комнате... Дверь распахнулась.

– Где вы спите? – отрывисто, не глядя ни на кого, спросил профессор Лоран. – Где ты постелила ему, Луиза?

– В красной комнате... – прошептала Луиза.

– Постели на диване у лестницы, – скомандовал профессор. – У вас чуткий сон?

– Очень чуткий, – сказал Раймон: он решил не смыкать глаз всю ночь.

– Если услышите три удара в дверь, в пол, все равно куда... – три удара, поняли? – немедленно бегите вверх. Вот вам ключ от двери. Ты, Луиза, не смей ходить, слышишь? Пока я не позову тебя.

– Три удара, я понял. – Раймон стоял навытяжку.

– Не испугаетесь? Вы можете увидеть много неожиданного, – неохотно проговорил профессор. – Луиза, ты предупредила, что нужно уметь молчать?

– Я буду молчать, – сказал Раймон.

– Хорошо. У вас есть оружие? – вдруг резко спросил профессор.

Раймон достал револьвер. Профессор схватил револьвер и сунул себе в карман.

– Забудьте об этом! – приказал он. – Никакого оружия! Только мускулы и разум.

С порога он опять вернулся:

– Если даже не будет трех ударов, а вообще что-то покажется подозрительным... шум, крик... понимаете?

– Понимаю, – сказал Раймон.

– Спокойной ночи! – неожиданно сказал профессор и хлопнул дверью.

Раймон прислонился к буфету и жадно затянулся сигаретой.

Луиза схватила его за руку; глаза ее были полны слез.

– Я не имела права приглашать вас сюда... это преступление!

– Успокойтесь, бога ради! – твердо сказал Раймон. – Я знаю, что делаю.

– Нет, вы не знаете! Вы не знаете! Я не имела права! – Она судорожно стиснула руки. – Уходите сейчас же, уходите!

Раймон заставил ее выпить воды, усадил за стол. Крепко сжимая ее безвольные холодные пальцы, он сказал:

– Скажите мне все, что знаете. И не терзайтесь попусту. Чем больше я буду знать, тем легче справлюсь. Что у него там, наверху?

– Я не могу вам по-настоящему объяснить... я сама не понимаю. По-моему, там люди... или что-то вроде

людей.

– Вроде людей? – недоумевая, спросил Раймон.

– Я не знаю, как это назвать...

– Роботы, может быть?

– Анри не любит этого слова... Да это и не роботы, это живые существа. Я давно, очень давно не была наверху. Анри работает дни и ночи. Я не знаю, мне кажется, там уже несколько этих... Позавчера был вот такой же шум, как сегодня... Я и Нанон кинулись наверх. Анри открыл дверь, выскочил, а за ним тянулась рука... страшная рука, будто без кожи... Нанон больше ни минуты не захотела остаться в нашем доме. Я заставила ее поклясться на библии, что она будет обо всем молчать... ради меня...

Раймон снова закурил. «Ну и ну!» – подумал он.

– Ничего, Луиза, все обойдется, – успокоительно сказал он. – В конце концов, наука требует жертв, не правда ли?

«Револьвер был бы кстати», – думал он, сидя на диване у лестницы. Наверху было тихо. Луиза спала в шезлонге – Раймон заставил ее проглотить таблетку снотворного «Лечь, что ли? После такой порции черного кофе все равно не уснешь...» Он подошел к окну. Ночь была безлунная, теплая, тихая. Узкая полоска света лежала на плитах дорожки и на кустах: на вто-

ром этаже все еще не спали. Вдруг полоска мигнула... еще раз... наверху послышался шум. Раймон отскочил от окна. Шум борьбы... падение тяжелого тела... металлический лязг... стон... Все это он слышал, уже взбегая по лестнице. Он повернул ключ, и дверь сразу распахнулась, – он едва успел отскочить. На площадке выкатилась какая-то темная, бесформенная масса.

– Закройте дверь! Скорее! – Он еле узнал в этом сдавленном хрипе голос Лорана.

Он захлопнул дверь – кто-то пытался выбраться на площадку, нелепо размахивая большими неуклюжими руками. В глубине комнаты высокий вибрирующий голос вопил:

– А-ла-ла-ла! А-ла-ла-ла!

Раймон запер дверь и выдернул ключ. Темная масса на площадке конвульсивно вздрагивала.

– Достаньте у меня из левого кармана шприц! – командовал Лоран.

Раймон теперь уже видел, что профессор лежит на площадке, подмятый каким-то уродом с короткими толстыми лапами. Чтоб достать шприц, Раймону пришлось подсунуть руку под бок этого создания. Пальцы ощутили теплую упругую оболочку, похожую на человеческую кожу. Рука профессора Лорана крепко сжимала трубку, отходящую от короткой шеи чудища.

– Дайте мне шприц! – сказал Лоран. – Нет, сначала

перехватите рукой эту трубку. Держите крепко, не выпускайте!

В гибкой трубке напряженно пульсировала теплая жидкость. «Кровь?» – подумал Раймон. Профессор Лоран изогнулся, голова его вынырнула из-под темного трепещущего тела. Он пошарил свободной рукой по шее чудища, потом уверенно ткнул иголку шприца в небольшую впадину. Через секунду трепет затих, пульсация в трубке под рукой Раймона почти замерла. Темная туша обмякла, осела, свалилась набок.

Профессор Лоран сел на полу. Руки у него дрожали. – Если б не вы... – Он не смог продолжать.

Раймона тоже трясло. Непослушными пальцами он достал сигарету. Дым показался ему горьким и едким; все же стало немного легче. Он увидел, что профессор Лоран глотнул какую-то желтую крупинку и вскоре вслед за этим легко вскочил на ноги.

– Луиза! – позвал он, сбегая по лестнице. – Э! Ну, так я и думал. Перестань, все в порядке. Перестань!

Раймон тоже спустился вниз. Луиза сидела на нижней ступеньке и беззвучно рыдала, охватив голову руками. Профессор Лоран смотрел на нее с досадливой гримасой. Поколебавшись, он достал из верхнего кармана блузы тоненькую прозрачную трубочку, заткнутую ватой, открыл ее и высыпал на ладонь два белых шарика.

– Вот, прими! – приказал он. – Скорей!

Луиза оторвала руки от лица. Расширенные светлые глаза ее показались Раймону безумными. Впрочем, теперь-то страх Луизы был ему понятен. Он невольно покосился наверх: не ожило ли это темное коротколапое чудище? Луиза проглотила таблетки. Мгновение она сидела неподвижно, глядя перед собой. Потом ее глаза остекленели, утратили напряженное выражение. Она слабо пошевелила губами, словно стараясь что-то сказать, и вдруг, закрыв глаза, начала сползать на пол. Профессор Лоран быстро наклонился и поддержал ее.

– Давайте отнесем ее в спальню, – сказал он.

– Я понесу. Покажите дорогу, – ответил Раймон.

Тело Луизы было почти невесомым. Раймон взглянул на ее бледное спокойное лицо и вдруг почувствовал острую жалость к этой женщине. Жалость и нежность. За что ей такая судьба?

– Вот сюда, – сказал профессор, открывая дверь.

Раймон положил Луизу на кровать, снял с нее туфли, развязал пояс халатика, укрыл ее одеялом.

– Она проспит до утра. Только, наверное, голова у нее будет болеть, – сказал профессор. – Идемте, нам нужно еще Пьера внести в комнату. Это Пьер

– тот, что на площадке... Теперь вот что: если кто-нибудь на вас кинется, хватайте его за шею и старай-

тесь покрепче зажать трубку. Видели трубку у Пьера? Трубки у всех слева... Только за трубку, поняли?

– Понял, – сказал Раймон, слегка поежившись.

– Вы боитесь? – Профессор быстро взглянул на него. – Тогда я сам...

– Нет, нет, – запротестовал Раймон. – Просто мне...

– Понимаю, – профессор кивнул. – Это неприятно...

Раймон шел за ним, кусая губы. Он и в самом деле испытывал не столько страх, сколько отвращение.

Они подтащили неподвижного Пьера к самой двери, подняли его на ноги. Раймон невольно отворачивался, касаясь этой странной, теплой и упругой массы. Пьер напоминал творение скульптора-модерниста, в котором лишь отдаленно и приблизительно угадываются человеческие черты – коротконогий, короткорукый, с бесформенным туловищем и круглой темной головой. У него был круглый рот – темная дыра без зубов и языка, дырки на месте носа и ушей и что-то вроде глаз, похожих, впрочем, больше на блестящие пуговицы, вделанные в кожу. Темная туша безвольно болталась в руках людей.

Профессор Лоран осторожно приоткрыл дверь. В комнате было тихо. Они втащили Пьера, уложили его на кушетку. Раймон осторожно огляделся и вдруг почувствовал противную тошнотную дрожь.

В углу в кресле сидел и внимательно глядел на него

некто, очень похожий на человека. У него была белая кожа и светлые волосы. Под пушистыми бровями ярко блестели синие глаза. Раймон рассматривал это существо, стараясь понять, чем оно отличается от человека.

Профессор Лоран осторожно приблизился к сидящему в кресле. Тот был неподвижен.

– В чем дело, Мишель? – спросил профессор. – Почему ты не спишь?

– Вы знаете почему. – Голос звучал глуховато, без интонаций, но слова произносились отчетливо. – Пьера надо переделать. В таком виде он не годится. Он опасен. Франсуа – тоже. Я вам уже говорил.

– Хорошо, ты прав. Я это сделаю.

– Со мной тоже плохо. У меня разладился процесс торможения. Вы это видели. Я кричал.

– Да, ты кричал. Почему?

– Повторяю: процесс торможения нарушен. Реагирую на внешние возбудители слишком резко. На высоте возбуждения волевые импульсы перестают действовать, хотя контроль сознания остается. – Мишель помолчал, потом добавил: – Считаю, что я тоже могу быть опасным.

– В чем опасность? – спросил профессор.

– В выключении сознательной воли. В бессмысленном двигательном и речевом возбуждении. Вы долж-

ны в первую очередь заняться моими тормозными центрами.

Раймону показалось, что он бредит. Ярко освещенная большая комната; окна задернуты шторами; длинные столы вдоль окон уставлены колбами, пробирками в деревянных штативах, закрытыми стеклянными сосудами различной формы и величины; книжные полки до потолка у одной из стен; коротколапая темная туша на кушетке; чье-то шумное дыхание за высокой ширмой; и этот ровный, неживой голос, эти неестественно блестящие глаза на белом, правильном и все же адски уродливом лице! Этот ужасный, бредовый разговор!

– Что с ними? – спросил профессор, кивком головы указывая на ширму.

– Я им дал Т-21. Двойную дозу.

– Как ты с ними справился? Ты ведь сам был перевозбужден?

– Да. Но контроль сознания сохранялся. Я смог заставить себя принять Т-24. Это было трудно. Я не мог управлять руками. Особенно руками. И горлом. Я хотел кричать.

– Да, я знаю. И все же ты справился.

– По-видимому, существуют добавочные центры. Но их трудно включить.

– Они должны существовать. Ты не механизм. Жи-

вая структура всегда избыточна, это ее коренное свойство. Она дублирует функции для страховки. Ты понимаешь меня?

– Да, я отчетливо понимаю. Это правильная мысль. Но у меня надо укрепить основные центры.

– Конечно. Что делал Франсуа?

– Он хотел ходить. Хотел бегать. Хотел все трогать и хватать.

– Если он не делает расчетов, ему надо ходить и хватать. Он для этого создан. Ему нужно дело. У него слишком сильные мускулы.

– Да. Я сунул ему в руки палку и приказал выбивать пыль из дивана. Он послушался. Это отвлекло его. Я сделал укол. Он спит.

– А Поль?

– У Поля, после того как вы с Пьером оказались вне комнаты, сразу наступило резкое торможение. Он перестал двигаться, но стоял и не хотел ложиться. Пьер на него, по-видимому, влияет слишком сильно. Это – недостаток.

– Да, конечно. Я подумаю над этим. А теперь тебе надо спать.

– Я думаю о себе и не могу спать.

– Я дам тебе снотворное.

– Дайте. Вы будете делать мне операцию?

– Не знаю. Постараюсь обойтись без этого. Почему

ты спрашиваешь?

– Я ощущаю страх.

– Страх? Откуда ты знаешь, что это страх?

– Я знаю. Я читал. Это страх. Раньше его не было.

– Ты слишком усложняешься.

– Это не зависит от моей воли.

– От моей тоже. Чего ты боишься? Боли?

– Нет. Я боюсь уничтожения.

– Смерти?

– Да. Это называется смерть.

– Ты знаешь, что этого не будет. Ты вечен.

– Я в этом не уверен.

– Что? – быстро спросил Лоран.

– Я не уверен. Во мне что-то переменялось. И тогда появился страх.

– Вздор! Ничто не могло перемениться! Это атавистические ощущения.

– Атавизм? У меня?

– Черт возьми, ты начинаешь острить! – сказал, помолчав, Лоран. – Пока давай спать. Я устал. Ах, да! Познакомьтесь с Мишелем. Мишель, это Жозеф.

Гибкая теплая рука Мишеля крепко сжала руку Раймона. «Совсем как человек!» – подумал Раймон.

– Теперь вы можете отправляться вниз и спать. Ночь пройдет спокойно, да и утро тоже... Утром... ах, да, утром придет мой помощник... – Профессор Ло-

ран подумал с секунду. – Я думаю, вы мне оба пригодитесь. Вы мне, в сущности, сегодня спасли жизнь... Словом, если хотите, оставайтесь, я буду рад!

– Я останусь, – сказал Раймон. – Я хочу остаться с вами...

...Когда Альбер показался из-за угла, Роже облегченно вздохнул.

– Где ты пропадал? Я тут целый час толкусь.

– Еле вырвался! – оживленно сказал Альбер; глаза его сияли сквозь стекла очков.

– Тут на углу бистро, зайдём? – предложил Роже.

– Можно в бистро. – Альбер поколебался. – Если там пусто. У меня к тебе серьёзный разговор.

В бистро было пусто. Лысый хозяин дремал за стойкой. Они уселись у окна.

– Мне ничего не надо, я сыт, – сказал Альбер. – Разве что кофе. Или перно.

– Меня кухарка Лебреннов тоже накормила, ого! – Роже захохотал. – Просила заходить. Но уж очень толста, не люблю я этого! Эй, приятель, два перно!

– Послушай, Роже, – начал Альбер, когда официант принес рюмки с мутно-белым перно. – Хочу предложить тебе работу в доме профессора Лорана...

Роже долго слушал. Потом расхохотался.

– Ты спятил, дружище! – сказал он. – Конечно, я буду об этом молчать, раз ты просишь. Но чтоб я, Роже

Леруа, пошел в прислуги!

– Послушай, Роже, – мягко сказал Альбер. – Я, должно быть, плохо объяснил. Это – как на войне. Нас будет пятеро, включая мадам Лоран. Я знаю, что ты все умеешь по хозяйству. Я в этих делах ни черта не смыслю, а Жозеф не парижанин, и вообще он не такой... Мадам Лоран очень слабенькая, ей трудно. А ни одна служанка в этом доме не проживет и двух дней. Понимаешь? Без тебя нам плохо придется. Кроме того, мы с Жозефом будем то дежурить наверху, то бегать по поручениям профессора. А мадам Лоран все время одна, и ей страшно.

– Ты думаешь. Роже Леруа годится, чтоб успокаивать старушек? – проворчал Роже.

– Почему – старушек? Мадам Лоран совсем молодая.

Роже сразу оживился:

– Молодая, говоришь? Только такой очкастый растяпа, как ты, мог не сказать этого с самого начала! Что, блондинка? И тоненькая? Черт побери, да это же мой вкус!

Альбер бледно улыбнулся:

– Роже, дело обстоит серьезней, чем ты себе представляешь. И мадам Лоран... Когда ты ее увидишь, то поймешь, что о ней нельзя говорить в таком тоне. Она смертельно измучена, ей надо помочь. Сегодня она

еле встала с постели.

– Что тут долго разговаривать, я готов! – уже серьезно сказал Роже. – А профессор как, не возражает?

– Нет. Он сказал, что дела приняли серьезный оборот и помощь необходима.

Роже расплатился и встал.

– Идем. Знакомь меня с твоим гением.

Они вышли опять вместе: Роже шел на рынок, Альбер – в библиотеку и в лабораторию.

– Мне тут не нравится, – заявил Роже. – Не знаю что, но тут нечисто.

– Побываешь наверху, так поймешь, в чем дело, – сказал Альбер.

– Но ты можешь мне объяснить, что там, наверху?

– Там... – Альбер запнулся, ища подходящих слов, – там искусственные люди.

– Машины? Роботы? Это я слыхал!

– Нет, не машины. Живые существа. Ну, люди. Только их создал профессор Лоран.

– Слушай, куда ты меня затащил? – спросил Роже, ухмыляясь. – Если б не мои правила, я бы плюнул на это грязное дело.

– Какие правила?

– Не бросать приятеля, если ему туго приходится.

Не оставлять женщину без защиты. Такой олух, как ты, этого второго правила наверняка не поймет.

– Какого ты мнения о Жозефе? – спросил вместо ответа Альбер.

– Я скоро сообщу тебе, какого я о нем мнения, – пообещал Роже. – И как его зовут на самом деле, тоже узнаю, он у меня не отвертится.

– Что ты, Роже! Да ведь Жозеф – племянник мадам Лоран!

– Такой же он ей племянник, как мы с тобой! Не знаю, для чего они придумали эту штуку, но Роже Леруа не проведешь.

– Нет, ты серьезно? – обеспокоился Альбер. – Тогда надо поговорить с профессором...

– Ни слова профессору! – запротестовал Роже. – Я и сам все узнаю. Твоему профессору сейчас не до того, чтобы следить за поведением жены. Даже если этот парень и в самом деле ее дружок... А я в этом не уверен.

Альбер рассердился:

– Что ты плетешь, Роже! Ты и видел их мельком, а навывдумывал...

– Ладно, сам увидишь, – пообещал Роже. – У меня – глаз, я тебе скажу! Теперь вот что: надо бы запастись оружием. Он нам денег будет давать хоть немного?

– Не в этом дело. Профессор запрещает иметь ору-

жие. Он отобрал у Жозефа револьвер.

– А у Жозефа был-таки револьвер! Я так и знал: это парень не промах... Ладно, если нельзя револьвер, надо хоть кастет носить в кармане.

– Роже, лучше тебе вообще не ходить наверх, – встревоженно сказал Альбер. – Мы втроем всегда справимся.

– Ладно, как хочешь. Я вижу, что добром эта история не кончится. Но я не сбегу, можешь быть уверен. Роже Леруа не бросает приятелей в беде, говорю тебе.

– Спасибо! – Альбер поглядел прямо в глаза Роже. – Ты молодец.

– Какой я молодец, знают только девчонки! – засмеялся Роже. – Ну, мне сюда!

Он свернул в узкую зеленую улочку. Альбер стоял, глядя ему вслед. За эти сутки вся жизнь переменялась так неожиданно и круто, что дух захватывало. И неизвестно было, что ждет в ближайшие дни, даже часы...

– Но до чего интересно! – сказал самому себе Альбер. – Интересно так, что за это и жизни не жалко!

Раймону Лемонье удалось выйти из дома профессора только под вечер. Весь день он помогал профессору в лаборатории. Вниз он спускался только, чтобы

поест, и поскорее уходил: насмешливый изучающий взгляд Роже ему не нравился. Но теперь, по крайней мере, можно было не очень беспокоиться за Луизу: у этого черномазого моряка железные бицепсы, он с любым роботом справится. Да и по хозяйству Роже здорово помогает...

Вернулся этот рыжий очкастый Альбер, и профессор немедленно послал Раймона в аптеку: видно, хотел поговорить с Альбером наедине. Раймон сразу же позвонил Пейронелю – шеф был еще в редакции.

– Приезжайте! – сказал Пейронель. – Хватайте такси, поскорее.

Он выставил всех из кабинета, как только появился Раймон, и слушал, тяжело сопя и выпятив нижнюю губу.

– Черт возьми! – сказал он наконец. – Сенсация сверхъестественная, а вы, мой мальчик, попросту героиней. Но что же будет с Луизой?

– Мне эти новые помощники профессора не нравятся, – сказал Раймон. – Мадам Лоран они, возможно, облегчат жизнь... особенно Роже... но мою задачу они очень осложняют.

Пейронель тяжело сопел, раздумывая.

– Может быть, это тоже журналисты? – предположил он.

– Не думаю. Альбер действительно ученик profes-

сора. Он фанатик науки. Я видел, как он знакомился с Мишелем и со всеми этими чудищами. Он даже не испугался, поверьте мне. Он вел себя так, словно его знакомят с Чарли Чаплином или, допустим, «мисс Европой»: восторг и бешеный интерес, ничего больше. Профессор был очень доволен. А Роже парень необразованный, грубоватый, но хитрая бестия. Уж скорее можно подумать, что он полицейский агент и втерся в доверие к этому чудаку Альберу.

– Да... – пробормотал Пейронель, отдуваясь. – Я думаю, вам надо продержаться там еще хоть пару дней. Попросите, чтоб Луиза позвонила мне или написала. Если эти ребята ее в самом деле будут защищать, то ваше дело

– набрать побольше сведений. Снимки, Лемонье, помните, снимки! Возьмите вот эту штучку, пригодится. – Он протянул Раймону миниатюрный фотоаппарат, вмонтированный в портсигар. – Я не представляю себе пока, что и когда мы сможем дать, но надо готовить материал! Упускать такую штуку нельзя! Послушайте, Лемонье, – спросил он вдруг, выкатывая глаза. – Ну неужели этот самый Мишель вот так разговаривает?

– Разговаривает, слово чести, – сказал Раймон, передернувшись.

– А вы уверены, что это не человек? Ну, то есть по-

нимаете: что его родила не мама, а сделал профессор Лоран в лаборатории?

– Человек? – возразил Раймон. – Да нет, видели бы вы его! Похож, очень похож на человека, но не человек!

– Хорошо. Звоните мне каждый день. Если от вас не будет звонка, я сочту, что случилась катастрофа... Вы согласны идти обратно? А?

– Согласен! – Раймон встал.

– Хорошо, мой мальчик! – Шеф тоже встал. – Я во-евал дважды: и в первую мировую войну, и во вторую. Могу сказать, что я видал виды, и опасностью меня не удивишь. Но то, на что идете вы сейчас... – он помолчал, – это... Я этого боюсь, даже сидя у себя в кабинете. Если все будет в порядке, Лемонье, мое вам слово, ваша карьера обеспечена!

Раймон вышел, не чувствуя под собой ног от радости. Вот это настоящая жизнь, ничего не скажешь. Грандиозная сенсация, необыкновенные приключения, очаровательная женщина и молодой герой-защитник... Черт возьми, какой материал для целой серии статей! И впереди – обеспеченная карьера. Еще бы! Не каждый справится с таким заданием!

– Я знал, что с Шамфором будет трудно, – сказал профессор Лоран. – Но все же не думал, что он так

заартачится. Придется мне завтра самому идти. Вы со мной пойдете. Тут останутся Жозеф и ваш Леруа. И Мишель, конечно, – добавил он.

Альбер вздохнул. Он все еще не мог отрешиться от чувства нереальности: может, все это снится с голоду? Все: и эта удивительнейшая в мире лаборатория, и эти человекоподобные странные существа, и синие, неправдоподобно блестящие глаза Мишеля... Да нет, такого и во сне не увидишь!

– Шамфор не объяснял, почему он отказывается работать? – помолчав, спросил профессор.

– Нет. Принял меня стоя и сказал, что он давно предупреждал вас... что он не может больше заниматься этой работой. И еще сказал, что он не может забыть Сент-Ива... Даже крикнул.

– Ну конечно, – устало сказал профессор. – Он не может забыть Сент-Ива. А я? Он думает, я забыл? Вот Мишель знает, забыл ли я Сент-Ива.

Мишель сказал своим ровным глуховатым голосом:

– Сент-Ива вы вспоминаете очень часто. Потребность помощи и чувство вины. Сложный комплекс.

Профессор Лоран, шагавший по комнате, круто остановился перед Мишелем.

– Что ты болтаешь? – резко спросил он.

– Разве это неправда? – невозмутимо проговорил Мишель. – Это очень легко заметить.

Профессор Лоран рассмеялся довольно принужденным смехом:

– Вот, пожалуйста! Совершенно ненужное усложнение. Он начинает изощряться в психологическом анализе моей особы. Ты, чего доброго, фрейдистом станешь!

– Этого я не понимаю, – сказал Мишель.

– И не надо. Фрейда мы с ним не читали, – пояснил профессор Альберу. – А вообще он уйму читал, и по многим вопросам с ним можно консультироваться лучше, чем со мной. У него ведь идеальная память, почти как у электронного устройства. И способность мыслить, которой нет у такого устройства. Нам он кажется странным потому, что лишен эмоций... почти лишен.

– Это – гормональная недостаточность, – сообщил Мишель.

– Вот видите! – Профессор Лоран усмехнулся. – Он, в общем, все знает. Ну-ка, расскажи Дюкло, как ты устроен, а я пока поработаю с Франсуа. Мне нужно закончить один расчет. Расскажи и насчет других.

Профессор Лоран отошел к столику, за которым сидел погруженный в расчеты Франсуа – странное существо с красноватым лицом, в котором едва проступали грубо намеченные человеческие черты.

– У меня много отличительных особенностей по

сравнению с другими, – сказал ровным, спокойным голосом Мишель, кивнув в сторону своих странных собратьев. – Создавая нас, профессор Лоран ставил перед собой различные задачи. Я создан для демонстрации. У меня наиболее совершенный и гармонично развитый мозг. В известном смысле я совершеннее человека: я почти не устаю и у меня очень развита память, я ничего не забываю. Я многого не знаю совсем, но это уже вопрос воспитания и среды. Я ни с кем не говорил, кроме профессора Лорана и Сент-Ива...

– Что ты опять болтаешь о Сент-Иве! – с раздражением крикнул профессор.

– Я говорю только, что я знал Сент-Ива, – спокойно пояснил Мишель.

Профессор Лоран быстро подошел к нему:

– Ты еще и фантазировать начинаешь! Ты не мог видеть Сент-Ива!

– Вы не учитываете многого, – сказал Мишель. – В то время мой мозг был уже вполне развит. И я умел видеть, у меня ведь уже было сканирующее устройство. Я хорошо помню Сент-Ива.

– До последнего момента? – странно изменившимся голосом спросил профессор Лоран.

– Да. Хотя в конце я многое воспринимал уже неясно. Двигательное возбуждение и затемнение сознания...

Профессор Лоран не отвечал. Губы его дрожали.

– Как выглядел Сент-Ив? – спросил он глухо.

– Невысокий, худощавый. Светлые волосы, голубые глаза, очень белые зубы, часто улыбался. Он нравился женщинам.

– Черт знает что! – растерянно сказал профессор Лоран. – А это ты откуда знаешь?

– Это говорили и вы, и Шамфор, и он сам. Я знаю, что это правда.

– Ты и Шамфора, оказывается, знаешь?

– Да, знаю. Он очень любил Сент-Ива. Но не вас.

– Ты воспринимаешь разумом эмоции, я знаю. Но тогда ты не мог их воспринимать.

– Да, но я все помню. Я теперь сделал выводы.

– Ладно, рассказывай дальше. – Профессор пошел к Франсуа.

– Череп и скелет у меня из пластмассы. Кожу и мышцы лица сначала наращивали на эту основу. Но с кожей у профессора выходит почему-то плохо. Я предназначен для демонстрации, поэтому и лицо мне тоже сделали в конце концов искусственное. И у меня зубы, хоть они мне и не нужны.

– Не нужны? – переспросил Альбер.

– Конечно. Мы все питаемся искусственно, у нас даже нет кишечника. Только у Поля есть все, даже половые железы, но он тоже питается искусственно

и весь пищеварительный тракт у него недоразвит...
Поль, подойди сюда, – позвал Мишель.

С узенького диванчика, обитого темно-красной клеенкой, поднялся Поль и странной вихляющей походкой направился к ним. Лицо у него было перекошенное, будто от паралича. Мягкий, слегка скривившийся налево нос, рыхлые щеки, низкий покатый лоб, приоткрытые мокрые губы, маленькие тусклые глаза. Альбер невольно отвел взгляд от этого лица, словно принадлежащего постоянному обитателю психиатрической лечебницы.

– Сядь, Поль, – сказал Мишель, и тот послушно сел, положив длинные руки на колени. – Поль был задуман иначе. Он должен был сам расти. Все было сделано так, чтоб он сам рос. Конечно, быстрее, чем растут люди, и с помощью профессора. Он за четыре года стал такой, каким человек смог бы стать лишь в семнадцать-восемнадцать лет. Гормональный режим проверялся только на нем. Поль получился слишком эмоциональным, очень возбудимым. Поль, как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

Поль криво улыбнулся, показав неровные желтоватые зубы.

– Скажи, Поль... Он не любит говорить. Его надо заставлять... Ну, скажи.

– Я хорошо выспался, – тихим скрипучим голосом

сказал Поль. – Но у меня болит спина.

– Она всегда у него болит. Наверное, слишком слабый позвоночник... Посиди около нас, Поль.

– Я хочу к Пьеру, – проскрипел Поль.

– Не надо к Пьеру, сиди тут... Пьер на него почему-то влияет. Мы не можем еще понять почему.

– Я люблю Пьера, – криво улыбнувшись, скрипнул Поль.

– Это чепуха, – авторитетно заявил Мишель. – Любить можно человека, а Пьера – нельзя.

– Можно, – настаивал Поль. – Пьер хороший. А больше мне некого любить. Профессора я боюсь. А ты бессердечный.

– У меня искусственное сердце, – пояснил Мишель. – Так надежней. И легкие тоже. Профессор Лоран и Сент-Ив не хотели рисковать, они берегли мой мозг... Но это не значит, что я бессердечный, – сказал он Полю. – Чувства – это совсем другое.

– Ты даже не понимаешь, что значит любить. У тебя только мозг и есть, – сказал Поль. – А Пьер хороший, и он меня любит. Больше никто меня не любит.

– Вы слышите, профессор, как много он говорит? – Мишель с интересом смотрел на Поля. – Он развивается и усложняется.

– Я слышу. – Профессор Лоран снова подошел к ним. – А ну-ка, объясни мне, что такое любовь.

Поль растерянно зашевелился.

– Объяснить? Я не могу этого объяснить. Пьер лучше всех, вот и все! И он меня любит.

– А я? Разве я тебя не люблю? – спросил профессор.

– Вы? Нет! – Лицо Поля странно дергалось. – Вы хотите меня переделывать, я знаю. И Пьера тоже. А мы не хотим. Мы хотим оставаться такими, как есть. Иначе мы можем забыть друг друга.

– Что-о? – спросил пораженный профессор Лоран. – Черт возьми, Дюкло, слышали вы что-нибудь подобное?

– Но это же нормальные человеческие эмоции, – робко сказал Альбер. – Если у Поля не только мозг, как у Мишеля...

Профессор провел рукой по лбу и отвернулся.

– Да, конечно... нормальные человеческие эмоции, – пробормотал он. – Нормальные эмоции... нет, просто мы слишком мало обращаем внимания на его мозг!

– Можно усилить и несколько изменить питание мозга, – вмешался Мишель.

– Это еще не поздно. Поль продолжает расти. Я записываю все данные.

– Почему ты мне ничего не сказал об этом?

– Вы считали, что Поль – неудачная модель, что

его нужно переделать. Я с вами согласен. Но, может быть, стоит попробовать другую комбинацию питания. Он стал интересней. Но зато и опасней.

Поль быстро посмотрел на Мишеля и на профессора. Альбер готов был поклясться, что в мутноватых, невыразительных его глазах сверкнула ярость. Но он опустил глаза и снова улыбнулся своей жалкой, кривой улыбкой.

– Я всегда был лучше, – заскрипел он. – Я всегда любил Пьера. Вы просто не видели.

Профессор Лоран смотрел на него со смесью острого интереса и печали.

– Всегда? – переспросил он. – Даже тогда, когда вы с Франсуа хотели уничтожить Пьера? Ты помнишь это?

Расплывчатое лицо Поля задергалось, пятна на нем проступили заметней.

– Это был не Пьер, – с трудом сказал он. – Только мозг.

– Вот мозг ты ему и повредил. Поэтому он такой.

– Он хороший! – с вызовом сказал Поль. – Просто у вас не хватило на него материалов. Он в этом не виноват.

Он гримасничал, размахивал своими нескладными длинными руками. Альберу показалось, что Поль похож на развинченного, плохо воспитанного подростка.

Профессор потрогал пульс Поля, завернул ему веки.

– Мишель, измерь ему кровяное давление, – приказал он.

Мишель достал аппарат, Поль покорно закатал рукав синей бумажной блузы, обнажая вялую пятнистую руку с четко проступающими, словно припухшими суставами.

– Верхняя граница – двести десять, нижняя – сто двадцать, – сообщил Мишель.

– Видишь, тебе вредно волноваться, – мягко сказал профессор. – Иди отоспись. Возьми Т-24, проглоти. – Он протянул Полю таблетку.

– Я просто полежу: я выспался, – упрямо возразил Поль.

Он побрел своей развинченной походкой в уголок за ширму. Пьер тут же поднялся и пошел вслед за ним; они уселись, обнявшись, и Поль принялся шептать что-то на ухо Пьеру. Профессор озабоченно поглядел на них.

– Да-а, вот так штука! – сказал о» и опять пошел к Франсуа.

– Поль все-таки неудачен, – сказал Мишель. – Дело даже не в повышенной возбудимости. Он просто слишком слаб и нежизнеспособен. У него непрочный скелет, он не выдерживает быстрого роста, Поль все чаще жалуется на боли, у него немеют руки и ноги.

Потом – видели, что у него с лицом? Оно совсем перекосилось. Я делаю ему электромассаж, это плохо помогает. Он может умереть, ведь он совсем как человек, у него все свое: и руки, и ноги.

– А разве у вас?.. – удивился Альбер.

Мишель вытянул свою белую, аристократической формы руку с продолговатыми выпуклыми ногтями, безукоризненно отделанными.

– Нет, конечно. Это, в сущности, протезы. Управляются биотоками. Ощущаю все при помощи специальных преобразователей – датчиков. У меня тонкая чувствительность и, во всяком случае, более точная, чем у Поля: у него вечно какие-то нелепые разлады, то боли, то онемение, то он жалуется на жар или холод. Я все воспринимаю точно. И движения у меня точные. Конечно, Польша – первая модель такого рода, дальнейшие, может быть, окажутся гораздо лучше. Но я убежден, что моя модель лучше в принципе. И не только для демонстрации. Зачем заново создавать человека, если он так несовершенен? Надо исправлять природу.

– Ты стал бахвалом, Мишель, – сказал профессор Лоран, усмехаясь. Он встал и потянулся. – Ну, Дюкло, как вам нравится Мишель?

У Альбера выступили слезы на глазах:

– Профессор, это чудо! Мне все кажется, что я во

сне!

– Мне тоже иногда кажется, что это какой-то бред, – сказал профессор. – Хотя пора бы уже привыкнуть... Вы есть хотите?

Альбер смущенно улыбнулся. Профессор достал коричнево-красную таблетку, положил ее в рот.

– Тогда пойдите вниз. Я привык к таблеткам, а вас не хочу приучать, да и запас у меня небольшой.

Внизу было тихо. Альбер заглянул в столовую, на кухню – Роже нигде не было.

– Эй, Роже! – громко крикнул Альбер.

Послышались тихие торопливые шаги.

– Чего ты орешь? – полушепотом спросил Роже, появляясь откуда-то из глубины коридора.

Альбер с изумлением уставился на него. Роже был чисто выбрит, его щеки и подбородок отливали синевой, и весь он был какой-то чистенький, отглаженный, торжественный.

– Тише, Луиза спит! – сказал он.

Альбер зажал рот рукой, чтоб не расхохотаться во все горло. Роже просто неподражаем! Достаточно ему увидеть женщину...

– Ты просто с ума сошел, приятель! – сказал Альбер, отдышавшись. – Луиза, подумать только!

– Это ты с ума сошел! – азартно зашипел Роже, отесняя его к кухне. – Не могу я называть эту милую

девочку «мадам». Это не в моих правилах, ты знаешь... Не думай – ничего такого, я ведь не болван, понимаю, что ей не до того. Но вы тут все помешались на каких-то чудовищах, а о бедной девочке никто не думает, даже муж... этот самый твой гений! Лопать хочешь? Садись, и ты увидишь, на что способен Роже Леруа для друга!

Он навалил Альберу полную тарелку дымящейся, аппетитно пахнущей снеди, по-южному острой и жгучей. Альбер, зажмурив глаза от удовольствия, поглощал это блюдо со сказочной быстротой. Роже благоклонно улыбался, глядя на него.

– А вот это, – он слегка приподнял крышку на маленькой голубой кастрюльке, – это для Луизы. Куриный бульон и котлетки. Ей надо подкрепляться. – Он налил Альберу кофе. – Пей! Я вас тут буду кормить на славу. Мы шли в Вальпараисо, и среди океана у нас заболел кок... Я тебе скажу: команда на этом не проиграла, потому что на борту был Роже Леруа! Капитан предлагал мне двойной оклад...

Альбер уже знал эту историю, но всегда подозревал, что Роже привирает, так же как и насчет своих успехов у женщин. Но пока все оказывалось очень близким к истине...

– А мадам Лоран не обижается, что ты с первого дня начал звать ее по имени? – осведомился он.

– Женщины никогда не обижались на Роже Леруа! – торжественно заявил Роже. – А кроме того, я вовсе не зову ее по имени. С женщинами это опасно, еще перепутаешь имя. Гораздо лучше говорить: «моя девочка», «моя крошка» – это всем подходит, даже тем, кто ростом с Эйфелеву башню.

– Послушай, Роже... – Альбер всерьез обеспокоился.

– Не волнуйся, все зависит от тона, – авторитетно заявил Роже. – Вот она спит. Без снотворного, а сама сказала, что даже по ночам не спала от страха. А почему она спит? Потому, что любая женщина, если она не стопроцентная идиотка, знает: на Роже Леруа можно положиться!

Альбер встал. Болтовня Роже начала его злить.

– Пойдем-наверх, – сказал он. – Я попрошу, чтоб профессор познакомил тебя со своими друзьями.

– Что ж, пойдем, – сказал Роже не очень бодрым тоном. – Мне-то они, ясно, ни на черта не нужны, но все же интересно.

Профессор Лоран согласился, что Роже нужно показать лабораторию и объяснить, как обращаться с ее обитателями. Альбер открыл дверь, и Роже вошел, осторожно оглядываясь. Все было по-прежнему: профессор работал с Франсуа, Поль и Пьер сидели за ширмой, Мишель в кресле читал книгу, делая пометки

в большой тетради.

– Мишель, познакомьтесь с моим другом Роже Леруа, – сказал Альбер.

Роже осторожно протянул руку, во все глаза глядя на Мишеля. Когда Мишель пожал ему руку, он так же осторожно убрал свою руку назад, зачем-то понюхал ее и сунул в карман.

– Я не имею запаха, – своим бесстрастным голосом сказал Мишель.

– Это я так просто... не обижайтесь, – пробормотал Роже.

– Я не умею обижаться, – сообщил Мишель.

Роже исподлобья взглянул на него.

– А я вот умею, – проговорил он многозначительно.

– Не валяй дурака. Роже, никто тебя не разыгрывает, – сказал Альбер. – Познакомься теперь с Франсуа.

Франсуа так стиснул руку Роже, что тот охнул.

– Ну и медведь! – сказал Роже. – Это что – чемпион по боксу?

– Нет, Франсуа – математик, – ответил профессор Лоран. – Но мускулы у него тоже очень хорошо развиты. С ним трудно справиться.

– Все-таки можно, я думаю, – сказал Роже. – Джуиджитсу знаешь, приятель?

Франсуа покачал головой.

– Ну вот, а это такая штука, я тебе скажу! – Роже

воодушевился. – Хочешь, поборемся?

Профессор Лоран слегка усмехнулся, с любопытством глядя на Роже.

– Франсуа сейчас занят, – сказал он.

– Идем, Роже, – заторопился Альбер. – Погляди еще на Поля и Пьера, а остальное я тебе объясню внизу.

Они с Роже заглянули за ширму. Поль лежал на кушетке с открытыми глазами, неподвижно устремленными в потолок. Пьер сидел рядом.

Внизу Роже сказал:

– Если бы я верил в бога, я бы подумал, что твой профессор – сам дьявол. – Он был потрясен. – Черт, да это если и рассказать кому, так не поверят! Этот вот, Мишель, он совсем как человек. Я действительно подумал, что ты меня разыгрываешь. Но другие – жуть! И он все время был с ними один? Нет, я тебе скажу: Роже Леруа не трус, но это – совсем другое дело! Один я бы там и часу не согласился просидеть.

– Роже, – сказал Альбер, – завтра мы с профессором уйдем часа на три. Жозефу одному там тоже будет страшно. Да и опасно. Придется тебе с ним подежурить наверху. Профессор оставит точные инструкции, как поступать, если что случится. Помни – никакого оружия. Не бить их. Только прижать трубку у шеи покрепче, пока Мишель сделает укол.

– Веселенькое занятие, нечего сказать, – проворчал Роже.

– Помни, что это опасно. Особенно следи за Франсуа, которого ты хотел обучить джиу-джитсу, и за Полем – это тот, который лежал за ширмой. Мишель, наверное, будет вам помогать.

– Ладно, – хмуро сказал Роже. – Буду следить. А этот, Жозеф, он не струсит, не удерет?

– Профессор говорит – он храбрый. Сегодня ночью он спас профессору жизнь.

– Ладно, – повторил Роже. – Посмотрим, какой он храбрый.

Ночью Раймону не спалось. Он лежал и глядел в потолок. Там качалось смутное световое пятно – ответ далекого уличного фонаря. Деревья за окном глухо и тревожно шумели, несколько раз начинал накрапывать дождь, и редкие капли тяжело ударялись о карниз.

Раймон вертелся на неудобном раскладном кресле и удивлялся, как безмятежно, полураскрыв рот, спит Альбер. В смутном ночном свете лицо его, без очков, выглядело совсем детским.

«Зачем, собственно, мне спать здесь? – думал Раймон, с невольным страхом и отвращением прислушиваясь к странному хриловатому дыханию Мишеля и

Франсуа, спавших неподалеку на жестких кушетках. – Кто-то простонал во сне... Это, наверное, Поль... он за ширмой... Внизу спать удобнее... Почему именно этот Леруа спит внизу... Там Луиза, а он смотрит на нее так, словно сто лет с ней знаком... Ах, да, ему надо раньше всех вставать и идти на рынок... Но все-таки лучше бы и мне спать внизу... Профессор, кажется, тоже не спит... Какая странная комната... Ах, вот что, тут были две комнаты, от стены осталась только плохо заделанная полоска на потолке. Получился почти зал, двусветный... Понятно, так удобней наблюдать за всем, что делается в лаборатории... Боже мой, что за жуткая жизнь у профессора... все время наедине с этими чудищами, да еще и в опасности... Какая нужна сила воли, чтоб держаться так, в одиночку, без помощи... Луиза... да, Луиза несчастна из-за него...»

Он открыл глаза и не сразу понял, где находится. За окнами ярко сияло солнце, щебетали птицы, а здесь, в лаборатории, продолжалась своя, фантастическая и зловещая жизнь. Из туалетной вышел Мишель, на ходу расчесывая свои густые светлые волосы. Альбер, сидя на постели, проводил его восхищенным взглядом.

– Понимаете, он моется и чистит зубы, – тихонько сказал он Раймону.

Мишель услышал это и сообщил своим ровным го-

лосом:

– Мне следует соблюдать гигиену. Иначе засорятся поры кожи, да и зубы могут скорее изнашиваться.

Раймон поежился. Черт знает что! Он начал поспешно одеваться. Профессор Лоран уже сидел в углу за столиком и смотрел, как Франсуа делает расчеты. Лицо у него было такое бескровное, что когда он опускал глаза, то казался мертвецом.

Вскоре появился Роже, позвал их вниз, накормил вкусным завтраком. Напившись крепкого черного кофе, Раймон почувствовал себя бодрее.

– Так, значит, нам с вами предстоит провести пару часов в приятном обществе, – сказал он, обращаясь к Роже.

– Ладно, чего ж, – без большого воодушевления отозвался Роже.

Профессор Лоран тоже побывал внизу и явился тщательно выбритый, в хорошем сером костюме, в белоснежной рубашке. Но лицо его выглядело еще более усталым.

– Мишель, с тобой останутся двое, – сказал он. – Мне нужно ненадолго уйти. Если Франсуа или Поль будут неправильно вести себя, помоги справиться с ними. Если ты сам разладишься, тебе дадут Т-21.

– Может быть, сразу дать им Т-24? – спросил Мишель.

– Нет. Франсуа должен к вечеру закончить важный расчет. Он будет работать со счетной машиной. А Поль и по ночам плохо спит без снотворного, нельзя его приучать к T-24. Да я ведь сегодня не делал с ними никаких опытов, должно все обойтись без шума. Мы скоро вернемся. Ты беспокоишься?

– Да. Франсуа не в порядке. Поль – тоже. А значит – и Пьер.

– Ничего. Втроем вы справитесь, – помолчав, сказал профессор. – Заприте дверь.

Он ушел с Альбером. Раймон и Роже заперли дверь и сели неподалеку от Мишеля. Мишель внимательно смотрел на них своими странными ярко-синими глазами.

– Вы будете работать вместе с профессором? – спросил он.

– Да... – кашлянув, отозвался Раймон.

– Это хорошо. Ему одному трудно. Очень трудно. Франсуа помогает только в расчетах, а я читаю литературу и веду записи, провожу некоторые опыты. Но профессор давно не мог никуда выходить. Я тоже не мог. Я ведь ничего не знаю, что там делается. – Он широким жестом указал на окна.

– А вам тут не скучно? – спросил Раймон, чувствуя, что говорит глупость.

Мишель снисходительно улыбнулся.

– Мне не бывает скучно, – сказал он. – У меня есть книги, есть мои обязанности. А с тех пор как я стал усложняться, я вдобавок часто задумываюсь о себе...

Роже вытаращил глаза.

– Я думаю о своем будущем... о том, что я собой представляю и чем отличаюсь от людей... и какая польза от моего существования...

Раймон нервно забарабанил пальцами по спинке стула:

– Гм... да! Все это очень благородные мысли...

– Благородные? – переспросил Мишель. – Этого слова я по-настоящему не понимаю.

– Не понимаете? Но вы же прекрасно говорите... по-французски.

– Я могу говорить еще по-английски, по-немецки и по-русски, – сообщил Мишель. – Но я читаю только техническую литературу. Сент-Ив говорил, что мне нужно давать и другую литературу... беллетристику, для расширения кругозора и словаря... Но профессор пока не находил для этого времени, я был слишком загружен.

– А если вы сейчас попробуете почитать? – предложил Раймон. – В моей комнате есть Мопассан, есть Толстой и Хемингуэй. Кому из нас идти вниз, Роже?

– Я схожу, – поспешно отозвался Роже: он чувствовал, что не сможет остаться здесь один. – Кстати, я

посмотрю, как себя чувствует... мадам Лоран.

Луиза спала. Бледное лицо ее слегка разругалось, губы приоткрылись, она казалась совсем девочкой. Роже на цыпочках вышел из комнаты и помчался за книгами. Он прихватил еще себе детективный роман в яркой обложке.

Наверху все было тихо. Мишель с любопытством посмотрел на книги. Раймон, подумав немного, протянул ему томик рассказов Мопассана. Роже уткнулся в детективный роман.

Мишель с удивительной быстротой перелистывал страницы. Раймон исподтишка наблюдал за ним. Мишель дочитал до конца один рассказ, начал читать другой, потом остановился и пожал плечами. Потом снова перечитал первый рассказ.

– Да, это литература совсем другого рода, – заметил он.

– Вам что-нибудь непонятно? – спросил Раймон.

– Мне не вполне понятно, с какой целью все это написано.

Раймон заглянул в книгу. Мишель говорил об одном из самых поэтических рассказов Мопассана – о «Лунном свете».

– Вот вы говорите, что задумываетесь о себе, – сказал он. – Почти все люди думают о себе: кто они, зачем они, что ценного в их жизни. Естественно, что они

думают и о любви...

– Я знаю, что такое любовь, – спокойно сказал Мишель. – Она основана на инстинкте продолжения рода и еще – на сходстве характеров.

Роже открыл было рот, чтоб возразить, но Раймон сделал ему знак.

– Это, пожалуй, слишком упрощенное объяснение, – сказал он. – Иногда речь вовсе не идет и даже не может идти о продолжении рода. А характеры любящих бывают даже диаметрально противоположными.

– Такая любовь не может быть прочной, – доктринерским тоном заявил Мишель. – В ней нет подлинной основы.

Роже все-таки не выдержал.

– Послушай, приятель, – заговорил он. – Вот я, например, не был женат и детей у меня нет. Что ж, по-твоему, я никогда не любил?

– Наверное, нет, – сказал Мишель. – Это называется: случайные связи. Я читал.

– Читал! Вот если б ты сам... – язвительно начал Роже, но осекся.

– У меня отсутствует пол. Я, в сущности, только мозг, – все так же спокойно ответил Мишель. – Но разумом я все понимаю.

– Ну хорошо, – сказал Раймон. – Если вы все пони-

маете... Вот, например, профессор Лоран и его жена – ведь у них нет детей, однако... – Он замолчал: пример был явно неудачен и даже бестактен.

– А они и не любят друг друга, – бесстрастно констатировал Мишель. – Профессор вообще не может любить. Он тоже – прежде всего мозг.

– Вот это да! – восхитился Роже. – Метко сказано! У тебя, приятель, я вижу, котелок неплохо варит!

– Котелок? – недоуменно переспросил Мишель.

– Это морской язык. Роже – моряк, – пояснил Раймон. – Он хочет сказать, что вы очень интересно рассуждаете.

– Тогда почему же вы со мной не соглашаетесь? – спросил Мишель.

– Жизнь гораздо сложнее, чем вам представляется, – осторожно сказал Раймон.

– Это, наверное, кажущаяся сложность... – начал Мишель.

Его слова прервал грохот. Франсуа вскочил, опрокинув стул и стол. Он стоял, угрожающе пригнувшись, и монотонно мотал головой, как медведь. Лицо его побурело. Мишель схватил шприц.

– Постарайтесь схватить его сзади и держать, – шепнул он. – Главное – поплотнее перехватите трубку у горла.

Роже и Раймон попробовали обойти Франсуа с ты-

ла, но он медленным угрожающим движением повернулся спиной к стене.

– А ну-ка! – Роже вдруг кинулся ему под ноги и перебросил грузную тушу через себя. – Хватай его!

Раймон уже сидел верхом на Франсуа и крепко сжимал упругую трубку, отходящую от его короткой, могучей шеи. Франсуа хрипел. Мишель осторожно приблизился и ткнул иглу шприца в трубку у самой шеи. Франсуа откинул голову набок, тело его обмякло, глаза закрылись.

– Вы сможете отнести его?.. Вот туда... – голос Мишеля вдруг прервался.

– Заставьте меня... проглотить...

Он широко раскрыл рот, руки и ноги его беспорядочно задергались, словно в нелепом танце, изо рта вырвался-высокий вибрирующий вопль. Раймон схватил со столика заранее приготовленную таблетку.

– Глотай! – резко приказал он. – Глотай! – Он стиснул горячую дрожащую руку Мишеля, преодолевая инстинктивный страх и отвращение, сунул в дергающийся, раскрытый рот таблетку.

Мишель судорожным усилием глотнул. Он стиснул кулаки, прижал руки к груди, словно удерживая крик. Через несколько секунд он начал дышать ровнее, напряжение заметно схлынуло. Он устало опустил на стул, закрыл глаза.

– Это – действие стимуляторов... – бормотал он. – Пока оно плохо поддается учету...

Роже неопределенно хмыкнул, во все глаза глядя на него.

– Что делать с этим? – Он кивком указал на Франсуа.

Мишель вскочил. Он, по-видимому, совсем оправился.

– Франсуа нужно отнести на кушетку в угол, – деловым тоном сказал он. – Меня беспокоит другое... – Он заглянул за ширму. – Что это значит, Поль?

За ширмой молчали. Раймон и Роже подошли к Мишелю. Поль лежал с закатившимися глазами и открытым ртом, Пьер стоял над ним, нелепо расставив короткие темные руки.

– Что он сделал, Пьер? – спросил Мишель. – Покажи, что он сделал!

Пьер растерянно задвигал руками и круглым бесформенным ртом, показывая, что Поль проглотил что-то... один... два... три... четыре... пять...

– T-24? Да? То, от чего спят?

Пьер закивал головой.

– Плохо! Пять таблеток! – Мишель задумался на секунду. – Так!

Он кинулся к шкафчику, висевшему на стене.

– Замок испорчен. Недаром я все время наблюдал

за Полем! Я знал, что он опасен! – Мишель достал пробирку с красноватым кристаллическим порошком и две ампулы с желтой маслянистой жидкостью, приготовил смесь, наполнил шприц. – Пьер, накладывай жгут!

Пьер с неожиданной ловкостью перетянул безвольно висящую руку Поля резиновым жгутом. Мишель ввел шприц в вену у сгиба локтя. Поль не шевелился, из-под приоткрытых век все так же мертвенно голубели белки.

– Теперь надо теплой воды, – сказал Мишель, извлекая шприц. – Сделаем ему промывание желудка.

– Я принесу снизу, – вызвался Роже.

– Что, собственно, случилось? – спросил Раймон.

Мишель взял Поля за руку:

– Пульс очень плохой... Это называется самоубийство. Поль хотел умереть.

– Но почему?

– Не знаю. Это глупо... Нет, пульс улучшается. По-видимому, удастся его спасти...

После промывания желудка Поль продолжал лежать все так же неподвижно и безвольно, но лицо его несколько изменилось: глаза закрылись, губы сомкнулись, он выглядел спящим.

– Пульс все еще очень слабый, – сказал Мишель. – Сейчас я ему впрысну камфару. Пьер, объясни, зачем

Поль глотал Т-24?

Пьер несвязно жестикулировал и мычал. Мишель внимательно слушал.

– Пьер не может говорить как люди, – объяснил он. – На него не хватило материалов. Но я его понимаю. Он говорит, что Полю все время было очень больно, он устал. И он не хотел, чтоб профессор его переделывал. Он» не хотел расставаться с Пьером. Говорил, что он любит Пьера.

Пьер усиленно закивал головой, тыча себя рукой в грудь.

– Что тут – инстинкт размножения или сходство характеров? – съязвил Раймон.

– Просто нелепость, – ответил спокойно Мишель. – Поль – неудачная модель, вот и все. На нем нельзя было проводить опыты с гормонами. Его действительно нужно переделать. Теперь профессор со мной согласится...

Пьер издал глухое злобное рычание и вдруг вцепился в горло Мишелю. Раймон и Роже еле оттащили его. Мишель потер горло и задумчиво посмотрел на Пьера, яростно бившегося в руках людей.

– Подержите его еще минуту, – сказал он и пошел за шприцем.

Пьера уложили на кушетку неподалеку от Поля. Мишель недоумевающе посмотрел на Раймона и Роже:

– Что с ними делается, не понимаю. Почему у всех сразу разладились тормозящие центры? Нельзя же все объяснить действием гормональных стимуляторов.

– Послушайте, Мишель, – сказал Раймон. – Вам не кажется, что дело тут не в каких-то центрах и стимуляторах? Просто они действуют как люди...

– Как люди? Не понимаю...

– А я вот понимаю! – заявил Роже. – Посиди я тут с недельку, да еще без всякой надежды выйти на волю, да еще ожидая, что меня переделают... Боже мой, я бы тут всю вашу лабораторию к черту разнес!

Мишель удивленно посмотрел на него.

– Нет, правда, – сказал Раймон. – Франсуа надоедает делать бесконечные расчеты, Поль измучен постоянной болью и слабостью, а к тому же не хочет разлучаться с Пьером...

– Но ведь если б не я, он бы никогда больше не увидел Пьера! Это нелогично! – запротестовал Мишель. – И, наконец, Пьер...

– А Пьер мстил вам за своего друга...

– Мстил? За друга? – недоумевающе повторил Мишель. – Не понимаю.

– Чего ж тут не понимать? – рассердился Роже. – Человек ты или не человек?

– Я думаю, что я не человек, – спокойно сказал Мишель. – Я только мозг.

Раймон и Роже молча переглянулись.

Когда поезд метро подходил к станции Распайль, Альбер поднялся.

– Выйдем на следующей станции, – сказал профессор Лоран, не глядя на Альбера.

С площади Данфер-Рошери они свернули в лабиринт узких, кривых улочек. Альбер недоумевал – они шли вовсе не к лаборатории Шамфора, но не решался спросить.

– Здесь посидим, – сказал профессор, указывая на маленький скверик. – Я должен вам кое-что сказать.

Они сели на скамейку под старым платаном. На другой скамейке, поодаль, старуха вязала носок; у ног ее лежал, высунув язык, толстый бульдог. В скверике, с двух сторон окруженном почерневшими брандмауэрами, было прохладно и тихо. В доме на противоположной стороне улицы кто-то разучивал гаммы.

– Вы уже знакомы с результатами моих опытов, – без предисловия начал профессор Лоран. – Какое бы впечатление ни производили эти результаты на вас или на кого-нибудь другого, я должен сказать: это далеко не то, о чем я мечтал вначале. Но я ничего не мог поделать – один, почти без помощи. Вы видите, во что я превратился за те пять лет, что мы с вами не виделись... Вы думаете – это перенапряжение? Ко-

нечно... Но я боюсь, что больше всего тут подействовал Сиаль-5. Вот он. – Профессор достал из кармана прозрачную трубочку с желтыми крупинками. – Сиаль – это наши инициалы, Сент-Ив и Анри Лоран, мы его нашли для опытов, а потом стали применять для себя. Чудодейственное средство, моментально снимает усталость, заменяет сон, обостряет мысль... быстро становится необходимым при таком образе жизни, какой я веду все эти годы, – и тогда начинает разрушать организм. Признаться, я понял все это слишком поздно... Да если б и раньше понял, что изменилось бы? Я иначе не мог, не получалось. Пока был Сент-Ив... Да, вот о Сент-Иве я и хотел вам рассказать, тем более что Шамфор тоже заговорил о нем.

Профессор Лоран откинул голову на спинку скамейки, закрыл глаза. Лицо его было бескровным, серым, как у мертвеца.

– Вам плохо, профессор? – встревожился Альбер.

– Нет. Просто голова кружится от свежего воздуха. Я уж и не помню, когда выходил на улицу. Если б не Сиаль-5, я бы, наверное, свалился, едва выйдя за калитку...

Большой полосатый кот в белых чулках важно прошел по аллее, зашипел на равнодушно лежащего бульдога и, перепрыгнув через низкую изгородь, уселся на газоне. Из окна на втором этаже высунулась рас-

трепанная светловолосая женщина и звонко закричала: «Жанна! Жанна! Твой Жером опять пьяный идет!»

– Сент-Ив был самым молодым среди нас, – опять заговорил профессор Лоран. – Ему не было и двадцати восьми лет, когда он погиб. Самый жизнерадостный, самый разносторонний, его все интересовало. Он был кибернетик, нейрокибернетик, работал вместе с Шамфором, Шамфор его очень любил... да и все его любили, и все считают, что я завлек его на ложный путь и погубил... Шамфор мне так и не простил смерти Сент-Ива. Впрочем, разве я себе это простил? Ведь Мишель недаром подметил у меня чувство вины по отношению к Сент-Иву... Конечно, если б не я, Сент-Ив не увлекся бы до такой степени нейрофизиологией, не взялся бы за такие сложные и рискованные опыты... Мы работали очень много, потому что, кроме опытов, проводившихся всей группой, начали ставить свои... Они все больше усложнялись, мы начали прятаться, работать по ночам... потом завели отдельную лабораторию, потихоньку от остальных товарищей... Она была неподалеку отсюда, на улице Бенар... Но Сент-Ив для всего находил время. Я тогда сердился, считал, что он разбрасывается... Нет, это все ни к чему рассказывать, да и некогда сейчас. – Профессор Лоран выпрямился и вздохнул. – Я хочу сказать, что Сент-Ива убил вот этот са-

мый Мишель... то есть не такой, каким вы его сейчас видели, а его мозг, заключенный в гораздо менее совершенную оболочку. Теперешнюю оболочку Шамфор уже приготовил, мы должны были проделать пересадку. Тогда это был мозг в питательной среде, сканирующий механизм, подсоединенный к нему, чтоб обеспечить зрение, и довольно примитивные преобразователи для усиления биотоков,двигающих конечностями. Двигался он совершенно хаотично, еле научился ходить, держать книгу и перелистывать страницы. Но читал и запоминал он и тогда прекрасно. Даже не знаю, почему я так удивился, когда он заговорил о Сент-Иве. Просто мне некогда было проверить как следует его знания того периода. А они, по-видимому, полностью сохранились в его памяти. Правда, он тогда не мог говорить, только писал. Поэтому мы многого в нем не учитывали.

– Почему же он убил Сент-Ива? – спросил Альбер, невольно поежившись. – Ведь он и сейчас, кажется, лишен эмоций.

– Да он вовсе не хотел его убивать! Это было какое-то нелепое, неожиданное двигательное возбуждение, с выключением тормозящих центров. Вы же слышали: он сам сказал. Видите ли, даже электронное устройство, имитирующее мозг, не вполне подчиняется контролю. Чем оно сложнее, тем чаще быва-

ют всякие случайности, неожиданности, отклонения от нормы. А здесь речь идет о живом белке, о бесконечно сложных клетках мозга. От того, что этот мозг выращен искусственным путем, ничто не становится проще. Наоборот, еще труднее предугадать, будет ли он развиваться нормально в таких необычных условиях, можно ли в самом деле добиться высокой специализации каких-либо функций, так или иначе сочетая элементы питательной среды.

– А Мишель тоже специализирован?

– Мы старались развить у него в первую очередь память и выносливость. Многого удалось добиться, хотя действовали мы, в сущности, на ощупь. Ведь об устройстве человеческого мозга известно невероятно мало. Мы только ищем, предполагаем, спорим. Мы выяснили, где сосредоточена память у осьминога. А где она у человека, мы не знаем.

Альбер жадно слушал. Он успел многое забыть с тех пор... да и не удивительно, такие трудные были годы, так далека была его жизнь от лекций, от шумных споров Латинского квартала...

– По-видимому, память рассредоточена по миллионам клеток мозга. Каждое событие запечатлевается не в одной клетке, а во множестве... Ну, впрочем, я не об этом хотел... – Профессор Лоран вдруг поднялся со скамейки. – Идемте, я боюсь надолго оставлять

лабораторию.

Они прошли квартал по узкой, мрачноватой улице, завернули за угол.

– Вот... это было здесь... – сказал профессор Лоран, кивком головы указывая на темно-серый, с ржавыми подтеками дом. – Здесь была наша лаборатория. И здесь погиб Сент-Ив. Мишель пытался выпрыгнуть из окна, Сент-Ив его удерживал... и сам упал с третьего этажа.

Он ускорил шаги. Альбер поспешил за ним, невольно оглядываясь на мрачный дом.

– Он сразу умер... – пробормотал профессор Лоран. – Когда я сбежал вниз, он хрипел... он уже не узнал меня...

Секретарша сказала, что мсье Шамфор просит их войти. Они вошли. Шамфор стоял у окна.

– Я не пойму, Лоран, чего вы добиваетесь, – сказал он, не здороваясь. – Я же объяснил этому молодому человеку, что не имею возможности далее помогать вам.

– Почему же вы не имеете возможности? – устало спросил профессор-и сел, не ожидая приглашения.

Шамфор впервые посмотрел на него – до тех пор он стоял вполоборота к посетителям и не поднимал глаз. Его мохнатые черные брови взлетели к полусе-

дым курчавым волосам, толстые негритянские губы раскрылись.

– Да что это с вами, Лоран! – с ужасом сказал он. – Вы черт знает на что похожи! Больны вы, что ли?

– Нет, просто устал. И потом – Сиаль-5. Вы же знаете... – Профессор Лоран криво усмехнулся.

– Черт знает что! – повторил Шамфор растерянно. Он уселся рядом с профессором, кивком указал Альберу на стул. – Так-так! Вот она, эта ваша штука в действии. Помните, как вы ликовали тогда: «Сиаль-5 помогает обгонять время! Он помогает красть время у самого себя, вот что». Есть предел физиологической выносливости организма, я ведь вам говорил.

– Я слышал. Нет предела только для ваших полупроводников.

– Конечно. На то они и полупроводники, – не то насмешливо, не то грустно отозвался Шамфор. – Ладно, я сдаюсь, вы добились меня своим видом. Выкладывайте, что вам нужно от моих полупроводников и пластмасс.

Он слушал, и толстые губы его кривились в презрительной и жалостливой усмешке.

– Ну к чему это все, Лоран? – сказал он наконец. – Я сделаю, конечно, мне это не так уж трудно. Почти все может сойти за заказ для клиники, ну, а остальное я как-нибудь тоже объясню своим ребятам... Ох, и на-

доели мне эти ваши тайны! Но скажите: чего вы хотите добиться? Вам мало Сент-Ива, хочется и самому вслед за ним? Вы видите: я даже сердиться на вас перестал, уж слишком меня пугает то, что вы делаете с собой. Сколько вы еще рассчитываете протянуть в таких нечеловеческих условиях? И во имя чего?

Профессор Лоран молчал, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза.

– Я в самом деле очень устал, Шамфор, – тихо сказал он наконец. – Я и сам не знаю, долго ли протяну. Но если я брошу дело, не докончив, то мне прямая дорога либо в Сену, либо в психиатрическую клинику. Я этого наверняка не выдержу. Да и как бросить? Вы не вполне представляете себе, в каком положении у меня дела... – Он опять помолчал. – Я обычно чувствую себя лучше – очевидно, резкая перемена обстановки... свежий воздух... Я ведь больше года сидел взаперти, даже в сад боялся выйти...

– Сделать вам укол? – спросил Шамфор.

Профессор Лоран отрицательно покачал головой:

– Нет, просто придется принять добавочную дозу...

Он достал из стеклянной трубочки желтую крупинку, проглотил ее и опять откинул голову на спинку кресла. Через минуту-две лицо его оживилось, глаза заблестели.

– Вот вам Сиаль-5 в действии, – заметил он с иро-

нической усмешкой. – Опыт, как в лаборатории.

Шамфор шумно вздохнул:

– Повторяю, мне хотелось бы знать, чем и когда кончится вся эта занимательная история. Чего вы рассчитываете добиться в ближайшее время?

– Демонстрации, – сказал профессор Лоран. – Мишель, в сущности, почти готов для демонстрации. Но хотелось бы еще подготовить, по крайней мере, Франсуа. Одного мало. Специалистам можно показать и Пьера, и Поля. Они оценят. Но для широкой аудитории Пьер и Поль не подходят. А одного Мишеля

– мало. Поэтому я и просил вас сделать Франсуа лицо. Только индивидуальное. У Мишеля слишком правильные черты, а это производит неестественное впечатление. Я сам этого не замечал, но вот Дюкло говорит... да и другие тоже...

– Ах, у вас большой штат? – живо заинтересовался Шамфор. – Вы все-таки решились?

– У меня три помощника. Со вчерашнего дня, – неохотно ответил Лоран. – Да, так вот, Франсуа нужно было бы что-то простое, волевое, может быть, грубоватое... как бы вам объяснить? И не белое лицо, а смуглое или слегка красноватое. Я бы и Мишелю переделал лицо, да боюсь его травмировать: он слишком нужен мне...

Шамфор думал, смешно оттопырив толстые губы.

– А если б я с вами пошел, Лоран? – вдруг сказал он. – В вашу лабораторию? На месте било бы легче сообразить, что и как вам сделать.

– Это самое лучшее, что можно придумать! – Лоран встал, подошел к Шамфору, поглядел ему в глаза. – Мне кажется, что я возвращаюсь в прошлое...

Шамфор отвел глаза. Лицо его, только что сиявшее оживлением, помрачнело.

– Прошлого не вернешь, – сказал он. – Не вернешь ни жизни Сент-Иву, ни здоровья вам... Ну ладно, показывайте мне свою чертовщину.

На улице Лоран вдруг забеспокоился и настоял на том, чтобы взять такси.

– Меня слишком долго не было в лаборатории, – сказал он. – А Жозеф и Леруа – новички.

– Удачно я вас привел, Шамфор, нечего сказать! – Профессор Лоран устало провел рукой по лбу и повернулся к Мишелю. – Ты же за ним наблюдал. Как ты мог допустить это?

– Я ожидал совсем другого, – сказал Мишель. – Я убрал от него все опасные предметы. Я думал, он упадет на нас. А этого я не мог предусмотреть... это слишком нелепо.

– Вот как! – вмешался Шамфор. – Ты, значит, считаешь, что самоубийство нелепо, а убийство – нет?

– Убийство тоже нелепо, – спокойно пояснил Мишель. – Полю нет никакого смысла убивать меня или профессора. Но у Поля есть представление, что мы его ненавидим. Кроме того, у него, как и у всех нас, бывают опасные вспышки двигательного возбуждения.

Шамфор не отрываясь глядел на него.

– Как у всех, сказал ты? – переспросил он. – Значит, у тебя тоже?

– Да. Сейчас – менее сильно. Но вы же помните, как было с Сент-Ивом, – неожиданно ответил Мишель своим ровным голосом.

Шамфор вскочил. Его смуглое скуластое лицо посерело. Профессор Лоран прикусил губы.

– Я вас не успел предупредить, Шамфор, – сказал он очень тихо. – Я сам лишь недавно обнаружил, что Мишель помнит Сент-Ива. Оказывается, он и вас помнит.

– Конечно, я помню вас, Шамфор. – Блестящие синие глаза Мишеля внимательно вглядывались в лицо Шамфора. – Вы мало изменились за эти три года. Это интересно. Значит, не все люди меняются так быстро, как профессор Лоран. Я так и предполагал, но хотел проверить это на опыте. Это правильное суждение?

– Разве ты умеешь рассуждать неправильно? – принужденно улыбаясь, сказал профессор Лоран. – Перед вами, Шамфор, образчик несокрушимой логи-

ки.

– Ваш первый ученик? – Шамфор усмехнулся. – Да, любопытно... А не хотите ли в таком случае познакомиться с моим первым учеником? Насколько я понимаю, у вас в ближайшие часы будет все спокойно. Вот и пойдете.

– Хорошо. – Профессор Лоран еще раз проверил пульс у Поля, потом встал.

– Мы можем пойти. Дюкло, вы с нами. А вас обоих я прошу подежурить здесь. Как здоровье Луизы?

– Ей лучше, – тихо отрапортовал Роже, выдвигаясь вперед, хотя профессор обращался к Раймону. – Она выпила чашку бульона, съела котлетку. Но ей нужен полный покой. Пускай лежит.

– Вы, я вижу, настоящий клад, Леруа. – Профессор Лоран слегка усмехнулся. – Значит, Луиза у себя? Тогда я на минутку загляну к ней, а потом мы пойдём.

– Ладно, я пока посмотрю вашего Франсуа, – сказал Шамфор.

– Мишель вам все объяснит, – кинул профессор Лоран с порога.

– Вот как? – Шамфор покосился на Мишеля. – Ну что ж, объясняй.

Они пошли к Франсуа, неподвижно лежащему на кушетке. Раймон, подумав, направился вслед за ними. Альбер и Роже посмотрели друг на друга.

– Ну, как дела, дружище? – спросил Альбер. – Не сердись на меня?

– Брось об этом говорить! Решено – я тут, что бы ни было. Без Роже Леруа эти молодчики вас прикончат в два счета, поверь мне. Я нарочно присмотрел себе диван внизу у лестницы – если начнется у вас тут заваруха, я сразу услышу и прибегу. А уж вы с Жозефом тут спать будете. В обнимку с этими красавчиками! – Он подмигнул. – Ох, и веселенькая история! Посмотрел бы ты, как я этого самого Франсуа на пол бабахнул. А сильный, черт! Куда там его еще джиу-джитсу учить, он и так быку шею скрутит.

Он внимательно разглядывал Мишеля, который с очень деловым видом что-то объяснял Шамфору.

– Ты все же выбери часок и объясни мне как следует, что означает вся эта штука. – Роже повел рукой по лаборатории. – Как это делается и для чего. Ладно?

– Присоединяюсь к этой просьбе, – сказал Раймон, подходя. – Я, признаться, ровно ничего не понимаю, что здесь творится. А ведь надо же хоть немного разобраться.

– Ребята, дайте мне самому хоть немного разобраться! – взмолился Альбер. – Я уже основательно позабыл даже то, чему нас учили на медицинском факультете. А здесь кто хочешь станет в тупик. Ничего подобного в мире нет, поймите.

– Расскажи хоть что-нибудь, – настаивал Роже. – Все равно ты понимаешь больше нас в этом деле.

– Ладно, объясню, как только будет подходящая минутка, – пообещал Альбер, вздыхая.

Вернулся профессор Лоран.

– Я все понял и усвоил, – сказал Шамфор. – Сделаю в ближайшие дни. Но вот Мишель считает, что эта операция очень опасна.

– Да, я не знал, что вы хотите переделывать ему лицо, – сказал Мишель.

– Франсуа нужно либо переделывать мозг оперативным путем, либо попробовать другие сочетания гормонов и лекарственных смесей. А в теперешнем его состоянии всякая другая операция может совершенно вывести его из равновесия. Наркоз, физическая травма, потеря крови, процесс приживания...

– Ты помнишь это по себе? – быстро спросил профессор Лоран. – Да, конечно. Но ведь с тех пор нам кое-чего удалось добиться. Вот посмотри: Франсуа вчера рассек мне лоб, и я тут же смочил рану Бисти-3. Боль и кровотечение прекратились почти сразу, а заживление идет блестяще...

Раймон поглядел на тонкую красноватую линию, пересекающую лоб профессора. Так это все, что осталось, от вчерашнего зияющего разреза?

– Наркоз можно сделать местный, боли не будет...

– продолжал профессор.

– Франсуа не сможет сказать, больно ли ему. Ему будет, может быть, очень больно или вообще плохо, а мы примем это за ярость или двигательное возбуждение. Это очень опасно. Я сам плохо понимаю Франсуа, даже когда он в нормальном состоянии. И зачем вам готовить для демонстрации Франсуа, если он не умеет говорить? Вы же сами считали, что это произведет отрицательное впечатление.

– Хорошо, но что же мне делать, по-твоему? – серьезно спросил профессор Лоран. – Готовить Поля?

– Поль тоже не годится, совсем не годится. Неизвестно к тому же, каким он проснется, как все это на него повлияло... Нет, лучше продемонстрировать меня одного. Если мне станет плохо, можно пустить в ход Т-21. А может быть, все обойдется спокойно. У меня пока что было только два приступа... если не считать того, первого периода.

– Возможно, ты прав, – неуверенно произнес профессор Лоран. – Но мне кажется, что Франсуа можно как следует подготовить к операции... ну, скажем, за неделю. Наконец, можно рискнуть заодно проделать и операцию на мозге. Это ведь, в сущности, не так сложно, то, что я решусь с ним делать...

– Вы боитесь погубить математические способности Франсуа, а рискуете погубить себя и все свое де-

ло, – бесстрастно сказал Мишель, словно констатируя факт, а не споря. – Между тем Франсуа, если его привести в порядок, может быть в высшей степени интересен для демонстрации, даже если он утратит свой необыкновенный математический талант. Лучше бы взамен научить его говорить. Он ведь умен – Франсуа, и ему очень мешает немота. Мы с ним два дня тому назад переписывались по этому поводу целый час. Вы спали и не знаете. Могу показать вам записи.

Он достал из своего столика два больших листа бумаги, исписанных вдоль и поперек двумя почерками. Мелкие, четкие, аккуратно выписанные букочки сменялись угловатыми размашистыми строками.

– Вот. – Мишель показал на фразу, написанную крупными буквами, немного наискось. – «Если профессор признает, что свободное общение с себе подобными развивает ум, и если он ценит мой ум, то почему он не дает мне речи? Он ведь должен понимать, что немота сковывает мой ум и портит характер? Объясни мне это».

– Ты как-то странно ему ответил, – сказал профессор Лоран, прочитав дальше. – К чему эти таинственные намеки на какую-то высшую целесообразность? Ты же хорошо знаешь, что дело обстоит просто: когда я делал Франсуа, у меня не хватало и материалов, и времени. Да и вообще я не ожидал, что Франсуа так

усложнится. Я считал: это будет нечто вроде живой вычислительной машины, мозг без эмоций, узко специализированный... Ты мог все это ему объяснить.

– Не следует внушать им, что вы не всемогущи, – поучительно произнес Мишель.

Шамфор захохотал:

– Смотрите-ка! Он додумался до идеи бога.

– Бога нет, – сообщил Мишель таким тоном, каким говорят: «Дождь перестал».

Роже смотрел на Мишеля, вытаращив глаза:

– Ну и тип! Видал ты что-нибудь подобное?

– Никогда не видал, – вполне искренне ответил Альбер.

– Нам обязательно надо обо всем поговорить втроем, – сказал Раймон. – Это необходимо.

Они говорили шепотом. Мишель продолжал спорить с профессором. Наконец Лоран, усмехнулся и сказал:

– Я же вам сказал: у Мишеля железная логика, его не переспоришь. Пойдемте, Шамфор, я хочу познакомиться вас с Луизой. Дюкло, через десять минут ждите нас внизу.

– Вот что, ребята, я пока сбегая вниз, – заявил Роже, как только они ушли. – Надо разогреть обед. Луизу пора кормить, да и нам не мешает перекусить. Тебе, Альбер, я принесу чашку бульона.

Он убежал. Альбер и Раймон подошли к Мишелю – тот кипятил шприц и готовил ампулы.

– Полю нужно пока почаще давать укрепляющие и тонизирующие средства. Он очень слаб, – пояснил Мишель.

– Я слушал ваш разговор с профессором, – сказал Альбер. – Насколько я знаю, вы позавчера предполагали, что профессор и вас будет оперировать. А вы, как я заметил, противник операций.

Ему показалось, что Мишель трусит, и он хотел проверить, правда ли это. Мишель спокойно ответил, наполняя шприц:

– Нет, меня не следует оперировать, я уже проанализировал этот вопрос. Надо применить гормональное и нейрохимическое лечение.

– А профессор какого мнения на этот счет?

Мишель взял шприц и пошел за ширму. Молодые люди последовали за ним. Альбер наложил резиновый жгут на безвольно обмякшую руку Поля. Мишель ввел шприц в вену. Полю не приходил в себя, но на щеках его проступил слабый пятнистый румянец. Пьер неподвижно и понуро сидел в ногах у Поля.

– Профессор считается с моим мнением, – сказал Мишель, выходя из-за ширмы. – И вообще профессор занят слишком многим, его внимание крайне рассредоточено. Его занимают и волнуют многие вещи, ко-

торых он просто не должен бы замечать. Я отношу это за счет перенапряжения. Он не может выключиться, не может полностью сосредоточиться на одном. Это ему мешает.

Мишель медленно двигался вдоль длинных столов с термостатами, колбами и ретортами, проверял показания приборов, записывал что-то в блокнот. Говорил он медленно, спокойно, словно с самим собой:

– Вот, например, Сент-Ив. Профессор слишком много о нем думает. О Шамфоре – тоже. Но это еще понятно: ведь в его работе многое связано с идеями Сент-Ива и с сотрудничеством Шамфора. Это хорошо, что они помирились: помощь Шамфора необходима профессору. Надеюсь, что я произвел достаточно сильное впечатление на Шамфора. Я нарочно стал спорить с профессором, чтобы показать, что я умею самостоятельно мыслить. Вы понимаете?

Альбер с изумлением поглядел на Мишеля.

– Вы очень умны и находчивы, – сказал он.

– Да, ум мой развит хорошо, – согласился Мишель. – Но, конечно, настоящий творческий ум, то, что называется гением, – это свойство профессора. Я все делаю быстрее и точнее, чем он, я ничего не забываю и не утомляюсь, как он, – и все-таки, я знаю, он сильнее меня. Но ему надо лечиться, иначе это может кончиться катастрофой. Он перенапряжен и рассе-

доточен. Он думает о массе совершенно различных вещей. Почему его, например, так сильно интересует мнение Демаре о его работе? Или здоровье Луизы?

– Позвольте, но Луиза – его жена! – возмутился Раймон.

– Ему вовсе не нужна жена, ему сейчас не до личных дел, – спокойно отпарировал Мишель. – И вообще у профессора сложные следы в психике. Масса наслоений! Он вспоминает какие-то совсем бессодержательные эпизоды детства: например, как он дразнил своего школьного учителя, как купался в реке. Зачем это все?

– Но ведь вы, кажется, еще более прочно и неразборчиво фиксируете все в памяти, – заметил Альбер. – Профессор говорит, что вы практически ничего не забываете.

– Я – другое дело, – сказал Мишель, обернувшись к ним. – Я всю жизнь провел в лаборатории. Почти все мои воспоминания имеют отношение к делу. А у профессора в памяти много абсолютно постороннего. И, главное, он не просто хранит прошлое в памяти: многое продолжает его волновать, выводить из равновесия. Он волнуется, вспоминая о смерти матери, а ведь это случилось чуть ли не тридцать лет тому назад. Он волнуется, вспоминая о войне, о своем участии в... – Мишель запнулся, потом четко выговорил: – в движе-

нии Сопротивления, так это называется.

Раймон и Альбер переглянулись.

– Но ведь человек – это человек, – сказал Альбер. – Вы, если даже считать, что вы появились на свет вполне сознательным существом, хотя бы в виде мозга, снабженного зрением и слухом, вы прожили всего четыре года. И только в лаборатории. А профессор Лоран прожил на сорок лет больше, и жизнь его была сложной и разнообразной, как и всякая человеческая жизнь.

– Дюкло! – крикнул снизу профессор Лоран. – Мы вас ждем!

Альбер спустился с лестницы. Из кухни выскочил Роже, неся на подносе три чашки бульона и тарелку с пирожками.

– Выпейте все трое! – скомандовал он.

Шамфор рассмеялся и взял чашку.

– Ну и помощники у вас, Лоран! На все руки мастера, я вижу!

Лоран кивнул. Он с жадностью глотал крепкий золотистый бульон.

– Спасибо! – сказал он, дожевывая хрустящий пирожок. – Я уже совсем отвык от человеческой пищи. А вы готовите, как в первом классе ресторана.

– Пойдите, Лоран! – вдруг спросил Шамфор. – Вы что же, на одной диете с ними? – Он кивком головы

указал наверх.

– Да. Я решил проверить на себе, насколько это питание обеспечивает организм необходимыми ингредиентами. А потом как-то привык. Быстрее, во многих отношениях удобнее... Иногда только хотелось поесть по-настоящему, и я спускался вниз.

– Нет, вы с ума сошли, Лоран! Есть эту отвратительную кашу!

– Мне не до гастрономии, Шамфор, уверяю вас, – устало ответил профессор Лоран. – Я отказался от многих вещей поважнее. И, кстати, ничего отвратительного в этом питании нет. Вот Дюкло может подтвердить, он пробовал.

– Я тоже пробовал! – Шамфор нахмурился. – Нет, вы сумасшедший, Лоран. Ставить эксперименты над самим собой при такой сверхъестественно трудной жизни... это же... И, наконец, у ваших красавцев нет пищеварительного тракта, а у вас-то есть! Вам же вредно жить на искусственном питании!

– У Поля тоже есть пищеварительный тракт. Из-за него-то я и начал проверять эту штуку на себе. Организм ее неплохо переносит. Полю я все время давал еще глюкозу, витамины и всякие тонизирующие средства.

– Заставляйте его нормально есть три раза в день! – сказал Шамфор, обращаясь к Роже. – Он гу-

бит себя!

– Профессор будет есть три раза в день, чего бы это мне ни стоило! – уверенно заявил Роже.

Профессор Лоран с интересом поглядел на него:

– Вы мне решительно нравитесь, Леруа.

Они ушли. Роже покачал головой и ухмыльнулся:

– Хм! Я ему нравлюсь, вот как. А мне лично нравится бедняжка Луиза. И не нравятся все эти штучки за спиной у господ бога. Старику и без того невесело на небесах, да и нам на земле не лучше...

– Знакомьтесь, – сказал Шамфор. – Его зовут Сократ.

Коричневый гигант, около двух метров ростом, стоял у чертежной доски. Он мало походил на человека; только руки были человеческие, с гибкими сильными пальцами.

Сократ не повернулся к вошедшим, он продолжал чертить. Профессор Лоран и Альбер стали за его спиной, глядя, как на листе ватмана с удивительной быстротой возникает какой-то непонятный и сложный чертеж.

– Что это? – спросил профессор Лоран.

– Я поручил Сократу рассчитать другую конструкцию робота, подобного ему. Задача: уменьшить размеры до нормального человеческого роста, добиться

максимального сходства с человеком; для этого, конечно, надо изменить строение нижних конечностей да и туловища. У Сократа, как видите, гусеницы вместо ног.

– Вы готовитесь к демонстрации?

– Ну конечно, – Шамфор усмехнулся. – Я тоже, как и вы, хочу пустить пыль в глаза публике.

– И что же, этот робот, созданный для демонстрации, будет слышать и говорить?

– Разумеется. Ведь Сократ тоже слышит и говорит. Только он не на все реагирует. Наш разговор его не касается, и он продолжает чертить. Вернее всего, он включает внимание, если назвать его по имени. Сократ, когда ты рассчитываешь закончить работу?

Робот, не отрываясь от чертежа, сказал приятным звучным голосом:

– Мне понадобится еще около часа. Пришлось переделывать схему обратной афферентации.

– Теперь ты уже решил эту задачу?

– Да.

– Хорошо, продолжай работать...

– Голос у него гораздо приятней, чем у Мишеля, – заметил профессор Лоран.

– Да, я кое-чего достиг за последние два года, – согласился Шамфор. – И потом, у Сократа легче было все это сделать, чем у вашего Мишеля. Так как же вам

нравится Сократ? Вот вы, Лоран, так яростно напали на примитивную логику машины. Говорили, что электронные устройства построены по принципу «данет», что они не умеют применяться к изменчивой обстановке, лишены способности к творчеству, фантазии, воли и так далее. Но ведь к Сократу, как и к тому роботу, которого он проектирует, эти упреки не относятся. Сократ умеет ориентироваться в самой различной обстановке – ну, я хочу сказать, в пределах умственного труда, я же не собираюсь заставлять его ездить верхом или плавать, для этого не годятся его ноги, прежде всего. Задание, которое он выполняет, я разъяснил ему в общих чертах, – так, как вы растолковываете мне, что вам нужно. И он сделает все не только во много раз быстрее и точнее, чем я, – он сделает не хуже, чем я, понимаете? А ведь задача, сами понимаете, творческая.

– Не выношу, когда о машине говорят: думает, понимает, творческое решение... К чему это очеловечивание? – сказал профессор Лоран.

– Да бросьте, не в словах дело! Что ж нам, вырабатывать специальный словарь только для того, чтоб не оскорблять ваши нежные чувства? И вы, и я

– мы прекрасно знаем, в чем тут разница, и можете мне не растолковывать, что электронное устройство моделирует только физические функции мозга, остав-

ля в стороне химические и физиологические, а в живом организме все это взаимосвязано, и так далее. Нам с вами незачем повторять таблицу умножения. Но все-таки Сократ делает все, что мне от него нужно. И делает лучше, чем ваши белковые конструкции. Вдобавок, у него идеальный характер, он не способен на истерики, драки и самоубийства, к чему ваших питомцев определенно тянет.

Лоран смотрел на темно-коричневые руки робота – гибкие, быстродвигающиеся.

– В принципе – то же, что у вашего Мишеля, – объяснил Шамфор, поймав его взгляд. – Пластмасса, искусственные мышцы, полупроводники, миниатюрные электродвигатели, датчики. Только управляется все это не биотоками живого мозга, а электронным устройством.

– Он может говорить только о конструкциях?

– Нет, почему же... Правда, я его не тренировал для разговоров на общие темы. Он ведь делался не для демонстрации. Задайте ему вопрос.

– Сократ, тебе нравится эта работа? – спросил профессор Лоран.

– Я считаю, что эта работа очень полезна, – сказал робот.

Шамфор засмеялся:

– Уклончивый ответ! Так вам и надо, Лоран, не оче-

ловечивайте его. Кстати, что ответил бы ваш Мишель на такой вопрос?

– Эти эмоции ему вполне доступны. Интерес к работе, жажда знаний, желание искать истину...

– И честолюбие. И властолюбие, – добавил Альбер. Профессор Лоран резко повернулся к нему:

– Что?! С чего вы это взяли, Дюкло?

Альбер смутился:

– Я это заметил. Это же видно. Может быть, он это не вполне сознает. Но в мыслях он соперничает даже с вами.

– Со мной? – недоумевающе повторил профессор Лоран. – Да вы бредите, Дюкло!

– Мальчик прав, мне кажется, – вмешался Шамфор. – И что вы так удивляетесь, не пойму. Ведь это вполне человеческие качества. А ваш Мишель не машина.

– Думаю, что вы фантазируете и неверно оцениваете некоторые рассуждения Мишеля, – сказал профессор Лоран. – Я примерно понимаю, о чем идет речь: что я разбрасываюсь, устаю, плохо сосредотачиваюсь...

– Да. Что вы слишком много помните... детство, войну и так далее.

– Ну, это уже зависть неполноценного существа. Ему-то что помнить, бедняге, кроме лаборатории да

книг, которые он читал? Но это не значит, что он жаждет власти и славы... Ладно, мы еще поговорим об этом... Ну, Шамфор, так в чем же особенность вашего робота?

– Пластические нейроны, – сказал Шамфор. – Они способны изменять свои логические свойства в зависимости от того, чем занимается в данное время робот. Мне-то он нужен прежде всего как конструктор, и я вовсе не собираюсь много экспериментировать с ним. Но эти пластические нейроны удивительно емки, нервные сети, составленные из них, невероятно сложны. И Сократ может обучиться чему угодно. Я могу сделать его физиологом, специалистом по древнегреческой литературе или железнодорожным диспетчером. Он выучится всему гораздо быстрее и прочней, чем человек. Он сможет действовать, как я говорил, в изменчивой обстановке, приспосабливаясь к ней, на ходу меняя свое решение или выбирая новые пути для его осуществления. Селективная способность у него развита даже сильнее, чем у человека: он очень экономно отбирает то, что ему нужно, из потока внешней информации.

– При такой сложности у него, конечно, бывают неожиданности в поведении?

– Бывают. Но сказываются они куда более безобидно, чем у ваших питомцев. Был случай, когда Сократ

целый день говорил только по-русски. Он свободно владеет еще английским и немецким: на этом я проверял его способность обучаться, а кроме того, он должен следить за литературой по специальности. Читает он очень быстро и делает для меня сводки. Да, я знаю, так же как Мишель – для вас... Так вот, он начался русских технических журналов и почему-то на время разучился говорить по-французски. По-русски я не понимаю, так что день был испорчен. Потом я сообразил: он-то ведь меня понимает. Дал ему задание, он начал чертить и проработал до вечера. К утру у него все наладилось.

– Сократ, почему ты говорил по-русски? – спросил профессор Лоран.

– Этого я не знаю, – сказал робот. – Это случайность.

– Конечно, он не знает. Не задавайте таких нелепых вопросов, Лоран. Лучше скажите: какое впечатление производит на вас Сократ?

– Великолепное создание, что и говорить. Но это все же другой путь...

– Конечно, другой... Но согласитесь, что те успехи, о которых вы мечтаете, достигаются на этом пути быстрее и верней, чем на вашем...

– Дело в принципе, а не в наличии успехов, – хмуро сказал профессор Лоран. – Вы же знаете, в каких

условиях работал я, особенно в последние три года. А если б у меня была такая лаборатория, как у вас, с таким штатом? Хотя, честно говоря, для моих дел и такой лаборатории мало. В конце концов, Шамфор, вы идете по проторенному пути. Электронных роботов в наши дни делают повсюду. Помните, мы с вами читали о роботе, которого в Советском Союзе сделали школьники? А мои опыты...

– Господи, Лоран, не считайте меня дубиной! Разве я не понимаю? Да, вы человек подлинно гениальный, вы далеко обогнали современную науку. Да, вы ведете жизнь героя и мученика, вы губите себя, работая сверх сил и искусственно подхлестывая мозг. Но во имя чего? Лоран, человек есть человек. Он прекрасен, да, он гениален, он все глубже проникает в тайны природы. Но он и силен, и слаб. Стремления его духа далеко превышают его физические возможности. Ему понадобилось умение добывать огонь и делать орудия из камня. А потом ему понадобились колеса, рычаги, самолеты, и электричество, и ядерная энергия, и полупроводники, и кибернетика. Как ни тренируй руки, они не поднимут такого груза, который шутя поднимает башенный кран. Как ни упражняйся в беге, поезд не обгонишь. И летать не будешь без самолета, и на расстоянии не поговоришь без телефона или радио. Нет, Лоран, не вам бы шарахаться от нашей ки-

бернетики, вы ей слишком многим обязаны.

– Да, я знаю... – пробормотал профессор Лоран.

– Вы знаете, да... Вся беда в том, что у вас архаическая психика, Лоран. Вы из тех, кто считает в глубине души, что человеку унизительно происходить от обезьяны. Вот вам и хочется во что бы то ни стало помочь человеку превзойти машину...

– Не говорите чепухи, Шамфор! – вспыхнул профессор Лоран. – Совсем не в этом дело! Разве вы не понимаете, что если мы научимся воздействовать на мозг, развивать его способности в нужном направлении, то это откроет путь к созданию идеального человечества, содружества мудрецов и поэтов, избавленного от всех моральных уродств и несовершенств духа!

Шамфор взмахнул руками и уставился на профессора Лорана. Его смуглое, негритянского типа, лицо потемнело от прилива крови.

– Мой бог, что за идеи! Лоран, не будьте олухом, вы же воевали, вы были в маки!

Профессор Лоран, наоборот, побледнел еще больше, так что даже губы побелели.

– А при чем тут маки? – спросил он сдавленным голосом.

– Да при том! Гитлер, например, в юности рисовал, правда, говорят, довольно паршиво. Так что ж, по-ва-

шему, если б усилить его способности к рисованию и сделать его хорошим живописцем, то второй мировой войны и не было бы?

– Но ведь я говорю не только о развитии талантов. Вообще можно и нужно помочь человеку с детства избавиться от всяких неправильностей. Хорошие качества есть в каждом человеке, их нужно развивать...

– Это вы все выдумали, сидя взаперти в своей клетке! – решительно заявил Шамфор. – Нет, серьезно, Лоран, если б вы жили по-прежнему нормальной жизнью, вам бы и в голову эта чепуха не пришла. Сказали бы вы об этом Сент-Иву... Да что говорить!

– Объясните же, что вы находите нелепого в моих идеях? – спросил профессор Лоран.

Альбер видел, что у него дрожали губы; он прислонился к стене. Шамфор тоже заметил это.

– Лоран, успокойтесь! – сказал он. – Ну, сядьте вот сюда, в кресло. Так... дайте пульс... К черту ваш Сигаль-5, я вам сейчас сделаю укол.

Он вышел из кабинета. Альбер сел возле профессора, с тревогой глядя на его полураскрытые посиневшие губы.

Робот вдруг отвернулся от чертежной доски и двинулся к ним. Альбер невольно вскочил. Темно-коричневый блестящий исполин двигался на своих гусеницах с удивительной легкостью.

– Вам что-нибудь нужно, Сократ? – спросил Альбер.

– Мне нужна стенограмма симпозиума нейрофизиологов и кибернетиков, проходившего на медицинском факультете в октябре прошлого года, – ответил Сократ своим приятным, баритонального тембра, голосом.

Альбер принужденно улыбнулся и сел. Робот прошел к книжному шкафу, стоявшему в углу, достал толстый том в темном переплете, нашел нужную страницу и задумался. Альбер внимательно наблюдал за ним. Робот снова полистал стенограмму, потом вернулся к прежней странице. Вошел Шамфор, неся шприц.

– В чем дело, Сократ? – спросил он.

– Мне кажется, лучше будет иначе расположить фосфатные электроды. Профессор Грин на симпозиуме высказал мысль, что...

– Сократ, делай как знаешь. Решай сам, – перебил его Шамфор. – Ну-ка, Лоран, давайте вашу руку.

Робот положил стенограмму на место и вернулся к чертежу. Лоран усмехнулся.

– Если вы хотели поразить меня, Шамфор, вы этого добились, – тихо сказал он. – Ваш Сократ просто чудо. Я не поверил бы, если б мне рассказали. Это ничуть не похоже на всех обычных роботов с их удручающе

прямолинейной, школьной логикой, с полным отсутствием воображения и свободы выбора. Я поздравляю вас от всей души. Мы с вами не виделись меньше двух лет, и за такой короткий срок такие успехи...

– Лоран, не говорите, сидите спокойно. У вас тоже поразительные успехи, да еще и в одиночку...

– Я буду молчать и слушать. А вы мне пока объясните, почему вы так решительно отрицаете мои идеи.

– О боже мой! Да если вам пожить хоть месяц подальше от лаборатории, вы и сами поймете, до чего это все нелепо... Хорошо, хорошо, не сердитесь, я попробую объяснить вам, что дважды два – это все-таки четыре, а не лампа. Допустим, что можно действительно научиться управлять развитием мозга, искусственно усиливать способности, создавать добродетели и уничтожать пороки. Признаюсь, я не очень-то верю в такую возможность, но – допустим! Кто же будет осуществлять такой контроль над сознанием всего человечества, как, по-вашему, Лоран? Сказать вам кто?

– Говорите, – сказал профессор Лоран, закрывая глаза.

– Да, конечно, те, в чьих руках власть! Капиталисты, Лоран, боссы войны, а может быть, и фашисты! Что вы, черт возьми, не видите, как устроен наш мир? Забыли гитлеровские крематории, забыли Хиросиму?

Кому попадет в руки сказочная сила, если она будет открыта вами?

– Об этом я-не думал, – сказал профессор Лоран, не открывая глаз.

– Как же можно не думать о последствиях того, что мы делаем?

– А вы? – Лоран не шевелился. – Вашего Сократа не могут использовать боссы войны?

– Конечно, могут. Но Сократ – всего только робот. Он не дает своему обладателю власти над сознанием людей. А ваши опыты со стимуляторами, с нейрехимией, с токами высокой частоты, если их направить по такому пути, о котором вы мечтаете, если за них возьмется хорошо финансируемая лаборатория... Бог мой, Лоран, неужели вы не понимаете, что это, пожалуй, опасней, чем водородная бомба!

Профессор Лоран долго молчал.

– Может быть, вы и правы, Шамфор, – устало сказал он. – Все это надо обдумать. Но как вы-то, при таких настроениях, продолжаете работать?

Шамфор развел руками:

– Ну что поделаешь, дорогой мой! Я, как и большинство людей, надеюсь на лучший исход, вот и все. Я, по-видимому, неисправимый оптимист...

– Я бы не назвал вас оптимистом...

– Не назвали бы? Знаете, Лоран, вы действитель-

но сумели начисто изолироваться от жизни. Вот послушайте, что пишет один умный и порядочный человек. – Он достал из шкафа небольшую книжку. – «Те из нас, кто способствовал развитию новой науки – кибернетики, находятся, мягко говоря, не в очень-то утешительном моральном положении. Эта новая наука, которой мы помогли возникнуть, ведет к техническим достижениям, создающим огромные возможности и для добра, и для зла. Мы можем передать наши знания только в окружающий мир, а это – мир Бельзена и Хиросимы, Мы даже не имеем возможности задержать эти новые технические достижения. Они носятся в воздухе, и самое большее, чего мог бы достичь кто-либо из нас своим отказом от исследований по кибернетике, – это отдать развитие всего дела в руки самых безответственных и самых корыстных из наших инженеров. Самое лучшее, что мы можем сделать, – это позаботиться о том, чтобы широкая публика понимала общее направление и значение этой работы, и ограничиться в собственной деятельности такими далекими от войны и эксплуатации областями, как физиология и психология»... Ну, тут у него, как видите, заблуждения вроде ваших... Правда, он, сколько мне известно, не занимался проблемами воздействия на человеческий мозг... И вот дальше: «Есть и такие, кто надеется, что польза от лучшего понимания челове-

ка и общества, которое дает эта новая отрасль науки, сможет предупредить и перевесить наше невольное содействие концентрации власти (которая всегда, по самым условиям своего существования, сосредоточивается в руках людей, наиболее неразборчивых в средствах). Но я должен заявить, что надежда на такой исход очень слаба»... Вот! – Шамфор захлопнул книгу. – Так что не меня следует считать пессимистом...

– Это Норберт Винер? – спросил профессор Лоран. – Ну да, я так и думал. Но у него в мозгу так прочно застряла идея о неизбежности тепловой смерти Вселенной, что я удивляюсь, как это он еще занимается социальными проблемами.

– Он считает, что даже на тонущем корабле надо сохранять порядочность и человеческое достоинство. Вероятно, поэтому.

– Но ведь вы тоже, по сути дела, думаете, что наш мир – это мир Хиросимы и крематориев.

– Нет, я так не думаю. Да и что такое «мир Хиросимы»? Хиросима искалечена, но жива, и люди, борясь против войны, вспоминают именно о Хиросиме. Нет, я не разделяю пессимизма Винера ни в прогнозах насчет будущего Вселенной, ни в размышлениях о судьбах человечества. Но это не значит, что вы вправе закрывать глаза на ту яростную борьбу, которая идет

сейчас по всему миру, и думать, сидя у себя в лаборатории, что вы живете в счастливой Аркадии.

– Я вижу, вы стали заправским политическим деятелем, Шамфор, – вместо ответа сказал профессор Лоран, поднимаясь. – Благодарю за вашего Сократа и за ваши поучения, достойные современного Сократа. Мне, пожалуй, льстит, что вы обращаетесь ко мне как к случайно заблудившемуся единомышленнику. Но, откровенно говоря, вы ошибаетесь. Война, маки – все это далекое прошлое, тогда я был моложе, проще и на многие вещи смотрел иначе. А сейчас я далек от политики. Да и вообще – это ведь была война против фашистов. Что ж, я и остался противником фашистов. Но Гитлера нет на свете...

– Вот из-за таких, как вы, и появляются на свете Гитлеры! – вскипел Шамфор. – Вы в своих лабораториях создаете могучие силы, а потом равнодушно смотрите, как эти силы используются против человечества, и говорите: «Я далек от политики».

Лоран усмехнулся:

– Да что это с вами, Шамфор? Вас не узнать. Какой накал политических страстей! Значит, вы меня обвиняете в пособничестве Гитлеру? А ведь раньше у вас было нормально развитое чувство юмора...

Шамфор сжал кулаки и с усилием глотнул.

– Ладно, Лоран, – сказал он. – Заказ ваш я выпол-

ню.

– Заранее благодарю, – церемонно произнес профессор Лоран.

В лаборатории было тихо. Раймон и Роже читали, Мишель делал какой-то сложный анализ. Солнце светило прямо в окна, на белых шторах четко и зловеще чернели кресты решеток, на зелени линолеума, устилавшего пол, лежали скрещенные узкие полосы. «Светлая, просторная тюремная камера», – вдруг подумал Альбер.

Кажется, профессор Лоран подумал то же самое. На его сером, бескровном лице выразилось отвращение и тоска; он постоял на пороге, обводя взглядом комнату. Роже отложил книгу.

– Пойду приготовлю поесть, – сказал он. – Хорошо, что я вчера набрал продуктов на два дня. А то сидели бы сейчас голодные.

Раймон ушел вслед за ним. Профессор Лоран», волоча ноги, прошел по комнате, тяжело опустился в кресло у окна, откинул голову на спинку.

– Что нужно сделать, профессор? – спросил Альбер.

– Ничего. – Профессор Лоран пошевелился, достал Сиаль-5, проглотил крупинку. – Многовато на сегодня, но что поделаешь, слишком большая нагрузка

на сердце и мозг... Мишель, все благополучно?

Мишель впервые повернул голову от своих проби-рок:

– Поль просыпался. Он чувствует себя очень плохо. Франсуа еще спит.

– Что с Полем?

– Сердце работает слабо. И потом – у него что-то неладное с психикой. Он словно впервые меня видит и не знает, кто я такой.

– Плохо. Очень плохо. А что Пьер?

– Он очень встревожен. Не отходит от Поля.

– Ладно. Подождем, пока Поль снова проснется.

Мишель, даю тебе срочное задание: самым подробным образом запиши все, что помнишь об окружающем. С самого начала, с первых минут. Пусть это будут отрывочные, неясные, неполные впечатления. Пусть ты не все осознал. Все равно – записывай то, что видел, слышал и так далее. Главное – подробность, последовательность, точность. Понятно?

– Понятно, – сказал Мишель, внимательно глядя на профессора. – Хорошо. Я все подробно запишу.

– Начинай это сейчас же.

– Хорошо. – Мишель явно колебался. – А если там будут личные мотивы, не относящиеся к делу?

– Какие личные мотивы? Я ведь прошу тебя записать все, что ты помнишь. Ты лично, с первого дня. По-

старайся не путать последовательность восприятия, вот и все.

– Я многое видел и слышал, а понял, что это значит, только потом.

– Ладно. Напиши в скобках: потом я понял – это означает то-то и то-то. А сначала точно запиши: это я увидел, я услышал, я понял в этот момент, в этот день, а не в другой. Мне важно выяснить, как формировалось твое сознание.

Мишель Достал из шкафа пишущую машинку, пачку бумаги, уселся за стол в углу и, немного подумав, начал с удивительной быстротой стучать по клавишам. Профессор Лоран посмотрел на него и вздохнул.

– Все-таки в Мишеле есть какие-то нечеловеческие черты, – сказал он тихо. – И хорошие и плохие. Ни один человек не может в два дня выучиться так быстро печатать. Да, я думаю, и вообще не может. Мишель печатает быстрее самой лучшей машинистки, которую я знал. И не делает ошибок. То есть опечаток. Ошибки у него есть, и иногда очень курьезные: он не понимает многих простых вещей, потому что не жил по-настоящему.

– Профессор, вам надо лечь, мне не нравится, как вы дышите, – тревожно сказал Альбер.

– Да... Сиаль-5, конечно, не панацея, особенно если им злоупотреблять... – Лицо профессора Лорана

подернулось синевой, он задыхался.

– Мишель! – позвал Альбер.

– В чем дело, профессор? – спросил Мишель, подходя. – Вы... вы больны?

– Мишель удивляется, видите? – Профессор Лоран слабо усмехнулся. – Я все время держался хорошо. Но сейчас, когда есть помощь, я позволил себе расклеиться...

– Вы слишком много ходили, говорили, волновались, – поучительно сказал Мишель, считая пульс профессора. – Пульс частит... перебои... Я сейчас сделаю вам укол. Сиаль-5 не принимали?

– Я принял сегодня уже три таблетки.

Мишель внимательно поглядел на профессора. Лицо его стало напряженным, словно он решал какую-то трудную задачу.

– Три таблетки? Но ведь вы знаете, что больше двух нельзя! Это же нелогично!

Профессор Лоран молча усмехнулся. Мишель еще секунду неподвижно глядел на него, потом пошел готовить шприц.

– Если дальше так пойдет, – тихо сказал профессор Лоран, – Мишель будет считать меня моделью, нуждающейся в переделке... Нелогические поступки, нечеткая работа тормозящих центров, физическая слабость... Вы слышали, как он объяснял, что я дол-

жен быть в глазах здешних обитателей всемогущим?

– Да. Но Мишель, по-моему, все больше склоняется к той мысли, что он сам по меньшей мере равен вам. В чем-то сильнее вы, в чем-то – он, а в общем – так на так.

– Да... возможно...

Мишель принес шприц.

– Что это? – спросил профессор Лоран.

– Не беспокойтесь, это то, что вам нужно, – сказал Мишель, помогая профессору закатать рукав.

– Ну что ж, полагаюсь на тебя, – сказал профессор, переглянувшись с Альбером.

– А теперь вам надо полежать, – сказал Мишель, сделав укол. – Мы вам поможем перебраться на диван.

Профессор Лоран со вздохом облегчения вытянулся на диване у окна. Альбер снял с него туфли, растянул пояс, накинул на ноги плед. Белая штора мирно колыхалась от ветерка, за окном шелестели деревья, и не хотелось думать о том, что от вольного ветра и майской зелени тебя отгораживает решетка добровольной тюрьмы.

– Посидите со мной, Дюкло, – тихо сказал профессор. – А ты, Мишель, иди писать.

Он долго лежал молча. Альбер смотрел на его истаявшее, почти прозрачное лицо, на высокий лоб, на-

искось рассеченный-тонкой красной линией... Боже мой, ведь всего пять лет назад профессор Лоран выглядел самое большое тридцатилетним! Альбер почти увидел, как профессор Лоран стремительно и легко вбегает в аудиторию и проводит рукой по густым волосам, откидывая прядь со лба. Он увидел яркие глаза Лорана, тогдашние его глаза, сверкающие огнем жизни, а не призрачным оживлением, какое дает ненадолго Сиаль-5. Альбер тихонько вздохнул. Сидна, глубокие морщины, серая бескровная кожа – и это Лоран, Огонь-Лоран, как звали его студенты?

Профессор Лоран словно угадал его мысли.

– Сходите вниз, попросите у Луизы зеркало, – тихо сказал он. – В туалетной есть зеркало, но оно очень потускнело, да и темно там...

Альбер, вздохнув, отправился вниз. Навстречу ему откуда-то выскочил Роже.

– Проголодался? – спросил он хмуро. – А, ты к Луизе? Что ж, иди... она у себя... Только не забудь постучать! – прибавил он со значением.

Альбер недоуменно поглядел на него.

– У нее этот молодчик, – пояснил Роже. – Если ты продолжаешь думать, что он ей доводится племянником, то я не знаю, чему тебя учили в университете! Ну, иди, иди, чего ты!

На стук Альбера в комнате отозвались не сразу. По-

слышались шаги, Раймон распахнул дверь.

– А, это вы! – сказал он слегка смущенно и посторонился, пропуская Альбера.

Луиза лежала в кровати, но больной вовсе не выглядела. Наоборот, со вчерашнего дня она удивительно похорошела. Разрумянившаяся, с мечтательно блестящими глазами, она казалась совсем юной. Луиза сразу же заговорила, с несколько неестественным оживлением:

– С тех пор, как вы трое в доме, все так изменилось! Мне уже не страшно, и за Анри я спокойна, вы такие храбрые, сильные, умные...

– Боже мой, – сказал Альбер, от души расхохотавшись. – Что это вы?

– Нет, правда! Вы не представляете, как было жутко, особенно последний месяц... да и раньше... – Она побледнела, уголки ее губ скорбно опустились. – Я одна целыми днями, Нанон плачет и молится, наверху творятся какие-то ужасы, Анри еле на ногах держится...

– Да, я понимаю, – пробормотал Альбер. – Я рад, что вам лучше...

Он чувствовал себя неловко. Может быть, из-за намеков Роже, но ему казалось, что между Луизой и этим парнем, который называет себя ее племянником, действительно существуют какие-то тайные от-

ношения. Да и в самом деле, почему это Луиза выглядит такой счастливой и молодой? Вчера утром она была еле жива... В конце концов Альбер решил, что ему до всего этого нет дела, и попросил у Луизы зеркало.

– О, пожалуйста! – весело сказала она. – Вот, на туалетном столике лежит ручное зеркало, возьмите. Кстати, можно мне вас называть по имени? Мы ведь все примерно ровесники, я знаю.

Альбер сказал, что он в восторге, и Луиза рассмеялась.

– Да, так будет лучше. А то Роже Леруа уже зовет меня по имени без спросу.

Когда Альбер ушел, Раймон опять сел у кровати.

– Рассказывайте дальше, Луиза, – сказал он, взяв ее руку.

– Но это ведь нельзя рассказать... ничего словами не объяснишь... – Луиза не отнимала руки. – Он ходил всегда один, у него были такие удивительные глаза, будто он жил в каком-то другом мире, гораздо более прекрасном, чем этот. Он казался сильным, необыкновенным... Потом я узнала, кто он. Приехал мой родственник, врач, говорил о нем с таким восторгом и преклонением. Меня познакомили с Анри, он заинтересовался мной, и я была польщена. Мы ходили вме-

сте по берегу моря... Был такой странный и чудесный закат после сильной грозы, весь темно-фиолетовый и багровый, и на горизонте еще вспыхивали беззвучные бледные молнии... Песок был сырой, мы шли, и за нами оставался четкий двойной след. Анри сказал мне, что он одинок, что жена его оставила, вышла замуж за его друга... А я тоже чувствовала себя такой одинокой и несчастной после гибели Фернана... И вот... ну, понимаете, мне казалось тогда, что Анри меня любит, по-настоящему...

– Я понимаю, – сказал Раймон, глядя ее пальцы. – Бедная девочка, жизнь обошлась с вами не очень-то ласково.

Глаза Луизы заблестели от слез, она отвернулась.

– Мне впервые за долгие месяцы, даже годы кажется, что снова светит солнце... нет, не тот зловеще-прекрасный закат над морем, а тихое и ясное утреннее солнце... – Голос ее прервался.

– Луиза, милая, не плачьте. – Раймон притянул ее к себе, поцеловал горячий лоб, шелковистые спутанные волосы. – Все наладится, вот увидите...

Они сидели не шевелясь. Голова Луизы лежала на плече у Раймона, он вдыхал запах ее волос, светящихся в луче солнца, и чувствовал, что этот нежный горьковатый запах опьяняет его. «Однако это же нелепо, – вдруг трезво подумал он. – Прийти с таким слож-

ным поручением, в такой необычайный дом... и вдруг влюбиться в чужую жену... Нет, это просто сумасшествие!» Он мягко отстранился.

– Вам надо отдохнуть, Луиза, – сказал он. – Кто знает, что ждет вас завтра или даже сегодня. Надо набраться сил.

– Конечно, вы правы... – Луиза, закрыв глаза, откинулась на подушку. – Мне кажется иногда, что лучше всего было бы умереть... тогда можно ни о чем не думать, ничего не желать... Ведь бывают же люди, которым не суждено счастье...

Она говорила это, не жалуясь, спокойным, усталым голосом. «Как она действительно измучилась, бедняжка! – подумал Раймон. Он нерешительно гладил руку Луизы. – Черт возьми, как все это сложно... Хотел бы я знать, чем кончится эта проклятая история с чудовищами... Впрочем, дело не в чудовищах... Луиза – очаровательное создание, такая милая, чистая, романтичная, так мечтает о любви... и, конечно, заслуживает настоящей любви... Но как быть?»

Профессор Лоран долго смотрел в зеркало. Потом, не говоря ни слова, отдал зеркало Альберу и лег, закрыв глаза. Сначала лицо его слегка подергивалось, потом нервная дрожь утихла, и Альберу показалось, что профессор спит. Однако вскоре он приоткрыл гла-

за.

– Вы здесь, Дюкло?.. Скажите, вы сразу узнали меня, когда я вас окликнул из-за калитки?

– Сразу, конечно, – соврал Альбер: он не был уверен, что узнал бы профессора, если б заранее не выяснил, что это его дом.

– Да... вы не поверите, я в первый раз увидел себя... за два с лишним года... Конечно, Сиаль-5 нельзя рекомендовать для постоянного употребления, – неожиданно деловым тоном произнес он. – А впрочем, дело не только в этом препарате... Сумасшедшая жизнь, Дюкло! Что за сумасшедшая жизнь! Неужели вот так я и умру, не закончив работы... среди этих странных созданий, полулюдей, полумеханизмов? Я ведь до сих пор не привык... Иногда утром открою глаза – и кажется, что ты еще не проснулся, что все это только неотвязный кошмар.

– Я вполне понимаю это чувство, – сказал Альбер, невольно оглядываясь.

– Ведь вы создали то, что другим может только во сне присниться.

– Да, конечно, но какой ценой! По-видимому, я заплатил минимум вчетверо за каждый год, проведенный здесь... Дорогое удовольствие! Все равно что самого себя сослать в ртутные рудники... В окопах, по колено в воде, было лучше... были товарищи, хоро-

шие ребята, было открытое небо над головой, и если тебе угрожала смерть, то это была честная смерть в бою, такая же, как для всех, кто с тобой... В 1942 году, в маки, я с тремя товарищами пошел ставить мины на железную дорогу, и мы попались. Нас здорово исколотили, потом заперли в сарае. Наутро нас должны были допрашивать уже «по-настоящему»: придет следователь гестапо... Мы лежали избитые, связанные, ждали пыток и смерти. Но перед рассветом товарищи напали на деревню, разгромили жандармерию и освободили нас. Шамфор прикладом автомата сбил замок с двери сарая... Но и это была человеческая жизнь, среди людей, среди друзей... А тут? Ведь я отказался от жизни гораздо более прочно и последовательно, чем монах-затворник: от всего, что составляет человеческую жизнь, оставил себе только познание и творчество, только сумасшедшие, жадные, слепые поиски, только бесконечное напряжение, нечеловеческий труд... и во имя чего? Вот теперь Шамфор высмеивает меня как мальчишку, и, может быть, он прав, потому что такие страшные годы вдали от жизни не проходят даром, можно незаметно для себя потерять какие-то частицы души, утратить широту мысли... А как вы считаете, Дюкло, кто прав – Шамфор или я?

– Пока не знаю, – сказал Альбер, мучительно крас-

нея. – Право, я еще не разобрался в этом вопросе... Да и что вам мое мнение, профессор, я ведь фактически невежда, я перезабыл за эти годы даже то, что знал в университете...

– А что вы делали все эти годы, собственно?

– Иногда искал работу, иногда работал. Кем приходилось. Конторщиком, грузчиком, лифтером, расклейщиком афиш... Последние три месяца мы с Роже Леруа работали в прачечной. Потом месяц были без работы. И вот попали к вам...

– Невесело... – сказал профессор Лоран. – И все-таки вы сохранили молодость и здоровье, и у вас все впереди... Сколько вам лет, Дюкло?.. Двадцать семь? Ну, вот видите...

Появился Роже с подносом, уставленным тарелками.

– Это – профессору, – сказал он. – А ты, Альбер, шагай вниз, будем обедать на кухне.

– Идите, – сказал профессор Лоран. – Пока все спокойно. Да и Мишель тут.

– Садись. – Роже придвинул табуретку к чисто выскобленному дощатому столу. – Сейчас придет этот красавчик, он кормит Луизу. Ты пока ешь.

Раймон вскоре явился с пустыми тарелками. Некоторое время все молча уплетали обед. Альбер упра-

вился скорее других, потому что начал раньше. Роже налил ему черного кофе.

– Ты вот что, – сказал он, – допивай кофе побыстрей да хоть немного растолкуй нам, что происходит наверху.

– Ну, право, ребята, я мало что могу объяснить, – заговорил Альбер. – Ведь профессор Лоран настолько обогнал современную науку, что это кажется фантастикой. Как об этом говорить?

– Валяй, валяй, не мямли! – поощрил его Роже, додая бифштекс.

– Ну, я думаю, вам не очень интересно знать, какими путями шел профессор Лоран. Да я все равно ничего пока об этом и не знаю. Но результат ясен: ему удалось искусственным путем, в лаборатории, вырастить человеческий мозг, некоторые органы и даже целиком человека – я говорю о Поле.

– А остальные, значит, не целиком люди? – спросил Роже.

– Да, не целиком. У всех у них – живой мозг. Видали, у них трубки у шеи? Они ведут к нагруднику, наполненному питательной средой. Если плотно зажать трубку, наступает потеря сознания, а потом и смерть, если долго держать. Поэтому профессор Лоран и рекомендует, если начнется какая-нибудь вспышка, прежде всего стараться зажать трубку, а потом сделать укол,

вести наркотик. Потом у них – пластмассовый скелет; у Франсуа на этот скелет удалось нарастить мышцы – и даже очень сильные – и кожу. У Мишеля, кроме мозга, все искусственное, даже сердце и легкие, даже лицо. Все – протезы на биоэлектрическом управлении...

– Что такое биоэлектрическое управление? – спросил внимательно слушавший Раймон.

– Это управление при помощи биотоков мозга. Ну, понимаете, для того, чтоб, допустим, поднять вилку, наш мозг отдает мышцам соответствующий приказ, и они приходят в движение.

Роже взял со стола вилку и недоверчиво поглядел на свою руку. Альбер улыбнулся:

– Нет, Роже, это делается автоматически. Если б мы постоянно думали о том, какую группу мышц привести в движение, мы сошли бы с ума. Думать сознательно о механизме каждого вдоха, каждого удара сердца, каждого шага просто невыносимо. Это делает наша вегетативная нервная система, без участия сознания. Она автоматически учитывает, как действовать в изменчивой среде. Мы поднимаемся в гору или просто идем вверх по лестнице

– и мускулы напрягаются сильнее, учащается дыхание и сердцебиение, потому что увеличилась нагрузка, нужно к ней примениться. Становится жарко – и

на коже проступает пот: это организм старается отрегулировать внутреннюю температуру, повысить теплоотдачу. Ну, и так далее. С тех пор как удалось выяснить, что весь этот сложный механизм управляется токами, исходящими из мозга, стало в принципе возможным создавать протезы, которые управлялись бы этими биотоками, как их называют... Русские еще в 1958 году построили «Железную руку» – она подсоединялась к руке человека и делала то, что приказывал ей мозг: сжимала пальцы, разжимала и тому подобное. Тогда это всех поразило. В будущем, безусловно, появятся в массовом масштабе не только биоэлектрические протезы для инвалидов, полностью заменяющие потерянные руки или пеги, но механизмы, которыми мозг человека будет управлять на расстоянии – даже очень издалека... И вот то, что я видел сегодня в лаборатории Шамфора, – это и есть путь к будущему. Хотя Шамфор, собственно, занимается этим только попутно, у него другие цели.

– А чем же занимается Шамфор? – заинтересовался Раймон.

– Он создает удивительных роботов, способных самостоятельно мыслить... ну, понимаете, это не совсем то слово, потому что у них это иначе, чем у людей, но другого слова нет. Но обыкновенный робот действует по заранее определенной программе, рас-

считанной на какие-то условия, на ту или иную обстановку. А если обстановка изменится так, как этого не предвидел человек, составлявший программу, то робот станет в тупик. Человек всегда будет как-то реагировать на любую неожиданность, попытается искать выхода, а робот просто остановится и перестанет действовать. Это и был главный козырь людей, скептически относящихся к дальнейшим перспективам кибернетики: что, мол, это все же машина, которая «знает» только то, что вложил в нее создатель – человек, не имеет воли, воображения, сложной памяти и свободы выбора. Кибернетики за последние годы и работают над созданием «думающих», «обучающихся» роботов, то есть таких, которые, как и человек, могли бы получать информацию из окружающей их среды, накапливать все новью и новые сведения и соответственно им менять свое поведение... Роже, ты не понимаешь? Ну, вот мы с тобой остались без работы. Меня пять лет учили чему угодно, только не тому, чтоб мыть посуду, гладить белье или таскать грузы. Ты был моряком. Однако мы брались за самую разную работу и хуже или лучше, но выполняли ее. Общая цель у нас была не бог знает какая

– просто не подохнуть с голоду, пока не устроимся по-настоящему, но мы для достижения этой цели делали самые разнообразные вещи. Я научился много-

му, о чем раньше не имел даже представления. Ты, наверное, тоже. Тут дело не в том даже, насколько сложны эти действия: например, гладить белье проще, чем проводить эксперименты по нейрофизиологии, но все же мне пришлось учиться этому. Да и вообще человек ведь не рождается на свет, так сказать, готовым: он растет и все время чему-то учится. Он сначала умеет только то, что ему необходимо для поддержания жизни: например, дышать, сосать молоко. Потом он учится ходить, говорить, потом, может быть, плавать, или пахать землю, или торговать – ну и так далее. Это тебе понятно? Ну, вот кибернетики и пробуют сейчас сконструировать таких роботов, которые тоже учились бы по ходу дела тому, что им нужно, накапливали бы и использовали опыт, добытый ими из внешней среды... Знаете, ребята, когда я увидел, как робот Шамфора чертит, создает сложнейшую самостоятельную конструкцию, все время обдумывая ее, изменяя... это же чудо! Вот будет сенсация, когда Шамфор продемонстрирует своего Сократа перед аудиторией!

Альбер не понял, почему при этих словах Раймон вздрогнул и перевел дыхание. Он принял это за проявление очень живого интереса. А Раймон в эту минуту думал, как бы попасть в лабораторию Шамфора, как бы кто другой не перехватил эту сенсацию... ну

да, у него свое задание, но разве плохо бы и это еще захватить... Ему показалось, что Альбер угадал его мысль, потому что он тут же прибавил:

– Только вот что, друзья: никому ни слова о Шамфоре. Как и о профессоре Лоране, конечно. Меня Шамфор предупредил, и я надеюсь, что вы сами понимаете...

– Конечно, понимаем, – поспешил заверить Раймон.

Он не смог скрыть досаду, и ему показалось, что Роже исподтишка метнул на него хитрый, недоверчивый взгляд. Альбер продолжал:

– Я объясняю вам все очень упрощенно, и это даже не потому, что вы можете меня не понять, а просто я сам знаю мало. Я повторяю то, что слышал от профессора, то, что уловил из его споров с Шамфором, то, что успел наспех прочесть за эти сутки... Ну, кое-что я, конечно, знал в общих чертах и раньше.

– Ладно, ладно, давай дальше, – сказал Роже. – Ты пока ничего не объяснил насчет этих ублюдков профессора. В чем тут смысл: что, они тоже могут обучаться, как мы с тобой?

– В самом деле, не очень понятно, – вмешался Раймон. – Если кибернетики могут достигать таких поразительных успехов, как вот Шамфор, то зачем нужно делать все то, что делает профессор Лоран? Ну, до-

пустим, его Франсуа

– гениальный математик, а у Мишеля – удивительная память и работоспособность. Но все-таки они – жуткие ублюдки, как правильно их окрестил Роже, и ни один нормальный человек не захочет с ними работать. А ведь на свете есть немало нормальных полноценных людей с гениальными способностями в разных областях. И, с другой стороны, известно, что даже обыкновенная кибернетическая машина, не такая, как у Шамфора, может производить математические расчеты и прочее во много раз быстрее, чем человек. И вдобавок – точнее, без всяких ошибок от рассеянности и усталости. Так в чем же смысл и цель работы профессора Лорана?

Альбер долго раздумывал.

– Да, это очень сложный вопрос, – сказал он. – Я сам тут не все понимаю. Но скажу вам вот что. Во-первых, нельзя судить по первым шагам в новой области знания о том, какие перспективы впереди. Например, самолет братьев Райт кажется детской игрушкой по сравнению с современными реактивными самолетами. Но это был первый шаг по совершенно новому пути. Или первые кадры кино – разве по ним можно было предвидеть рождение нового великолепного искусства? Так что дело не в том, как сейчас выглядит Мишель или Поль, дело в принципе. Во-вторых,

насколько я понимаю, профессор Лоран стремится к двум целям, взаимосвязанным. Он хочет не только создавать искусственным путем вот такие существа со специально развитыми и усиленными функциями. Он рассчитывает на основе опытов с искусственно выращенным мозгом раскрыть тайну человеческого сознания, точно определить его механизм и научиться им управлять. Он считает, что можно будет, воздействуя на мозг, воспитывать в людях с детства какие-либо таланты, избавлять их от недостатков и так далее.

– Ого! – сказал Роже. – Вот это штука!

– Но на это ему, мне кажется, правильно ответил Шамфор: что если такой способ управлять сознанием людей будет сейчас открыт, то эта сказочная могучая сила может попасть в руки тех, кто готовит войну.

Раймон пожал плечами:

– Ну, если так рассуждать, то вообще нельзя ничем заниматься: ни наукой, ни делами. И, кстати, если уж война начнется, то атомные и водородные бомбы вообще уничтожат человечество. Так что никакого контроля над сознанием не понадобится.

– Я не думаю, что вы правы, – сказал Альбер. – Ядерное оружие в войне могут побояться пустить в ход именно потому, что оно есть у обеих сторон. Если Америка замахнется на Россию атомной бомбой, русские ответят тем же, и в Америке это прекрасно

понимают. Ведь у немцев в прошлой войне было химическое и бактериологическое оружие, очень сильное. Однако они так и не пустили в ход это оружие – боялись ответного удара, который для Германии с ее небольшой территорией оказался бы губительным. А вот если профессор Лоран или кто другой сделает такое удивительное открытие и если его секрет надолго останется достоянием одной какой-либо страны – ну, скажем, Америки... то уж она сумеет воспользоваться этим открытием...

– Почему именно Америка, а не Франция? – спросил Раймон.

– Да, по-моему, у нашего правительства просто денег не хватит, чтоб реализовать такое открытие. А главное – Франция не играет вполне самостоятельной роли в мировой политике... Может, я ошибаюсь...

– А если этот секрет попадет в Россию?

– В Россию? Ну, вряд ли. Русские, может, сами до этого додумаются, тогда другое дело. А секрет профессора Лорана... нет, каким же образом он туда попадет?

– Через коммунистов, например... – настаивал Раймон.

– Слушайте, Жозеф, у вас, мне кажется, голова здорово набита чепухой, – сказал Альбер, с удивлением глядя на него. – Ну как это коммунисты доберутся до

профессора Лорана? К правительству он сам вынужден будет обратиться, рано или поздно, – но ведь наше правительство не состоит из коммунистов.

Роже, все время усиленно размышлявший, сказал:

– Я плохо слушал и что-то не понимаю, к чему вы тут завели разговор о коммунистах. Если кто из вас против них, то могу сказать, что зря: среди них есть чертовски славные парни. Я, правда, не всегда могу сообразить, что у них такое в голове, чего они добиваются, – но кого я из них ни видел, все народ стоящий. Но тут совсем другой вопрос: если твой профессор занимается такими делами, которые будут людям во вред, так я не пойму, зачем нам-то ему помогать?

– Роже, ты действительно не понимаешь, – сказал Альбер, – профессор Лоран пока еще очень далек от этой цели. И, откровенно говоря, вряд ли он добьется успеха: ты же сам видишь, он еле на ногах держится, а на это нужны долгие годы работы и, конечно, не в одиночку. Так что сейчас можно всерьез говорить лишь о том, что у него есть и что он может сделать за ближайшие месяцы, а может, и недели... кто знает, на сколько его еще хватит при таком адском напряжении. – Альбер задумался. – По-видимому, робот Шамфора произвел на профессора очень сильное впечатление. Мне кажется, если б профессор раньше знал о том, что делается в лаборатории Шамфора...

– Вы хотите сказать, по-видимому, что достижения профессора Лорана обесценены тем, что делает Шамфор? – спросил Раймон.

– Нет, я этого не хочу сказать! – живо ответил Альбер. – Ни в коем случае! Просто, если б эти два человека не ссорились, а работали в постоянном контакте, то обоим было бы намного легче и оба добились бы еще больших успехов.

– Еще больших? – Раймон усмехнулся. – По-моему, они и так чудеса творят.

– Конечно... – Альбер задумался. – Конечно, чудеса...

Раймон нервно барабанил пальцами по столу. У него просто руки чесались написать об этих чудесах. Сесть бы сейчас за машинку, да такой репортаж отстучать, чтоб газету из рук рвали!

Роже встал и начал собирать со стола.

– Ты мне одно скажи: есть польза от того, что делает твой профессор, или нет? – спросил он, унося посуду к раковине.

Альбер встрепенулся.

– Есть! – горячо сказал он. – Конечно, есть! Это просто бесценные опыты и для медиков, и для кибернетиков. Не говоря уж о том, что не мне, с моими куцыми знаниями, решать, правильный путь избрал профессор Лоран или неправильный. Мне показались убедитель-

тельными слова Шамфора, это верно; однако не следует забывать, что профессор Лоран сделал то, чего никто еще на свете не делал и что всякому покажется чудом. Вы же видели, как был потрясен Шамфор, увидев лабораторию, – а он-то знал заранее очень многое, он работал на профессора Лорана... Да и вообще, наука не может всегда думать только о практической полезности открытия. Если б человечество всегда рассчитывало на прямую, непосредственную пользу, оно бы мало, чего добилось! Вон русские запускают спутники, посылают ракеты в космос – какая ж тут для них прямая польза?

– Ну, это другое дело, – сказал Раймон. – Это для пропаганды.

Альбер посмотрел на него и пожал плечами.

– Что же можно пропагандировать таким образом, интересно? Скажу вам прямо, Жозеф: мне ваши замечания не нравятся. Вы кто по убеждениям?

– Я? Да никто. Я не принадлежу ни к какой партии. А вы?

– И я ни к какой партии не принадлежу. И вообще политикой не занимаюсь. Но я заметил одно: если человек нападает на Россию и на коммунистов, то от него можно ожидать всяких неприятностей. Уж не знаю, почему это так, но на опыте это проверено.

Роже бросил посуду и подошел к ним, держа мочал-

ку в мокрых дымящихся руках.

– Альбер верно говорит, – сказал он, угрожающе сощурился черные глаза. – Я лично это тоже заметил.

– Постой, Роже, не надо ссориться, – вмешался Альбер. – Мы все тут связаны общим делом, все подвергаемся опасности... Жозеф к тому же родственник хозяйки дома...

Этого не следовало говорить. Роже сразу, что называется, взвился.

– Такой же родственник, как и я! – вызывающе сказал он. – А ну, выкладывай начистоту, как ты сюда попал! – Он прыгнул к двери и заслонил ее своими широкими плечами. – Не уйдешь, пока не скажешь!

– Это глупо, – с достоинством проговорил Раймон. – Вы можете, в конце концов, спросить мадам Лоран...

– А чего это я буду мучить бедную девочку? У нее и без того хватает горя! А тебе и вовсе стыдно за ее юбку прятаться! Отвечай сам, как полагается мужчине!

– Послушай, Роже... – вмешался было Альбер.

Но Роже не собирался отступать.

– Не виляй, парень! – настаивал он. – Никакой ты ей не племянник, Роже Леруа не обманешь, и никакой ты не Жозеф. Давай начистоту: какого черта тебе понадобилось в этом доме и чего ты морочишь голову Луизе?

– Какая она вам Луиза? – надменно сказал Раймон.

Он лихорадочно обдумывал, как поступить. Он понимал, что этот проклятый Роже не отвяжется...

– А что, она, значит, только тебе Луиза? – ехидно спросил Роже. – Вот и объясни, почему так получилось.

– А по какому праву вы требуете объяснений? – все так же надменно возразил Раймон.

– Послушайте, приятель, – сказал Альбер: он уже понял, что подозрения Роже справедливы, – мы тут взялись за очень опасное дело. От поведения одного может зависеть жизнь остальных. К тому же профессор Лоран надеется, что мы сохраним в тайне то, что увидели здесь. За себя и за Роже я ручаюсь. А насчет вас мы, вполне понятно, хотим выяснить, что вы собой представляете. Вы лучше сразу откройтесь нам, а потом вместе обдумаем, как быть.

Раймон проклинал себя за то, что не предвидел такого разговора и не условился с Луизой о другой версии. Конечно, легко заметить, что их отношения не похожи на родственные...

– Разрешите мне немного подумать, – сказал он. – Через час возобновим разговор.

Но Роже только шире расставил ноги и покачался из стороны в сторону, стоя в дверях.

– Чего там думать? – сказал он насмешливо. – Забыл, как тебя зовут, что ли?

Раймон вынул сигарету, закурил. «Пожалуй, ничего тут не поделаешь, этот чертов моряк прицепился, как клещ, – думал он. – Их двое... Если выскочить в окно... Нет, догонят, пока откроешь калитку. Да и вообще – бросить Луизу так грубо, после этого разговора... и подвести ее под удар... если профессор узнает, что она была в сговоре с Пейронелем... нет, это уж просто свинство...»

– Ладно, – сказал он, отходя от двери. – Я действительно не родственник мадам Лоран, и зовут меня не Жозеф, а Раймон. Раймон Лемонье. Но, если вы скажете профессору, как и зачем я появился у него в доме, он не простит этого жене... ей придется плохо...

– Вы что, ее прежний поклонник? – спросил Альбер.

– Я познакомился с Луизой Лоран всего днем раньше, чем вы. Я объясню, в чем дело. Но прошу вас – ни слова профессору. Поймите, так будет лучше. Иначе произойдет катастрофа, вы же видите, в каком состоянии профессор...

Роже пробормотал: «Вот черт, за один день. Ну и ловкач!» В голосе его звучало восхищение. Альбер толкнул его в бок – Роже неисправим, он все о своем.

– Ну что ж, мы слушаем, – сказал Альбер.

Выслушав рассказ Раймона, они озадаченно переглянулись.

– Вот так штука! – сказал Роже. – Выходит, ты толь-

ко и ждешь случая, чтоб все разболтать в своей газетенке и зашибить на этом деньгу?

– Все обстоит не так, как вы думаете, – нервничая, ответил Раймон. – Поймите, я пока ничего не пишу и не собираюсь писать. Да и шеф этого не хочет. Ведь сейчас это может повредить Луизе, а ради нее меня и послали сюда. Больше всего ради нее, понимаете?

Роже скептически ухмыльнулся, но промолчал. Альбер сказал:

– Все-таки очевидно, что ваше пребывание здесь очень опасно для профессора Лорана. Кто знает, что решит завтра ваш шеф, не соблазнится ли он такой крупной сенсацией?

– А Луиза? – возразил Раймон.

– А что – Луиза? Допустим, ваш шеф предложит ей уйти от мужа, чтоб избежать несомненно грозящей ей опасности. Вы уверены, что она не согласится?

– Уверен, – твердо сказал Раймон, слегка краснея под насмешливым изучающим взглядом Роже. – У Луизы очень сильно развито чувство долга. Она не оставит профессора в опасности.

– Да ведь он уже не один. И что она может сделать, какая от нее помощь?

– Ну, все же... моральная поддержка... Потом, знаете ли, первая жена профессора оставила его... это его очень травмировало...

Роже усмехнулся:

– Значит, в случае чего, он легче перенесет... все же привычка! Но мне нравится, как ты заботаешься о профессоре!

– Что вы хотите, в конце концов? – примиряющим тоном сказал Раймон. – Ведь все равно я уже узнал совершенно достаточно для сенсационной статьи, даже для серии статей. – Он не сказал, что у него есть и фотографии. – Вы хотите, по-видимому, чтоб я ушел отсюда? Но кому от этого будет лучше? Подумайте.

– Он прав, Роже, – сказал Альбер. – Но вы должны дать слово, Раймон...

– Постой, – перебил Роже. – Что мне его слово! Ты вот что запомни, парень: если будешь болтать, то Роже Леруа тебя на дне моря сыщет и обработает так, что тебя родная мать не узнает. Это ты хорошенько запомни!

Раймон ни секунды не сомневался, что Роже свою угрозу сумеет исполнить. Он пожал плечами и сказал как можно более убедительным тоном:

– Но это же нелепо! Я ведь вам объяснил, как обстоят дела...

– Вот и я тебе объяснил, как обстоят дела, – упрямо сказал Роже.

– Друзья, пора кончать этот разговор, – спохватился Альбер. – Мы совсем забыли о профессоре! И, раз уж

мы договорились обо всем, не надо ссориться, нам не до ссор. Это я говорю в первую очередь тебе, Роже!

– Ладно, ладно, – пробормотал Роже и пошел до-мывать посуду.

Раймон и Альбер вышли вместе. Сверху доноси-лась дробь пишущей машинки – значит, все было в порядке.

Альбер сказал:

– Надеюсь, вы не будете сердиться на Роже? Он человек прямой, может быть, немного грубоватый, но у него золотое сердце, он сама честность. Знаете, в таких тяжелых условиях человека узнаешь быстрее и верней, чем за многие годы спокойной жизни...

– Я вполне понимаю Роже, – вежливо, но сдер-жанно ответил Раймон, – и отдаю должное благород-ству его побуждений. Но постарайтесь удержать его от необдуманных поступков. Вы имеете на него влия-ние.

– Уверяю вас, Роже не так импульсивен, как вам кажется, и прекрасно умеет обдумывать свои поступ-ки...

Раймон пожал плечами:

– Что ж, возможно, это и так...

Раймону хотелось рассказать Луизе о разговоре, – он был уверен, что Роже немедленно отправится к ней. Но если пойти сейчас к Луизе, это может вызвать

подозрения... Уж лучше не надо, пускай сами убедятся, что он говорил правду. Он вслед за Альбером поднялся по лестнице.

Мишель на секунду оторвался от машинки, посмотрел на них невидящим взглядом и снова начал стучать с невероятной быстротой. Профессор Лоран шевельнулся за ширмой.

– Я уж думал, что-нибудь случилось, – сказал он. – Хотел спуститься, да чувствую себя все еще плохо. Что-нибудь с Луизой?

– Нет, мадам Лоран чувствует себя неплохо. – Альбер замялся. – Просто мы...

– Видите ли, мы с Леруа попросили Альбера рассказать нам хоть что-нибудь о сути ваших опытов, – спокойным и очень естественным тоном сказал Раймон. – И его рассказ так увлек нас, что мы не заметили, как идет время. Мы ведь ничего не понимаем в тех чудесах, которые вы творите... а приставать к вам с вопросами нельзя, вы слишком заняты...

– Вы не можете себе представить, профессор, – покраснев до корней волос, проговорил Альбер, – что это был за бездарный и путаный рассказ... Разве я сам что-нибудь толком понимаю?

– Вы напрасно скромничаете, – серьезно сказал Раймон. – Что нам следует делать, профессор?

– Посмотрите, что с Полем. Мишель сказал, что он

не спит, но глаз не открывает.

Альбер и Раймон пошли за ширму. Пьер стоял, слегка наклонясь вперед своим неуклюжим бесформенным туловищем, и беспокойно двигал короткой рукой, показывая на Поля. Поль лежал на боку, скорчившись, подтянув колени к подбородку. Глаза его были закрыты, даже прижмурены.

– Поль! – окликнул его Альбер.

Поль не шевельнулся, ни один мускул не дрогнул в его сером застывшем лице.

– Ну, он не спит и не умер, – сказал Альбер, взяв его за руку. – Пульс слабоват, но ритмичен, а рука напряжена. Поль, как ты себя чувствуешь?

Поль никак не реагировал на вопрос. Альбер отпустил его руку – она осталась приподнятой, словно застыла в воздухе, хотя держать ее так, на весу, было несомненно очень трудно.

– Вот так история! – сказал Альбер, внимательно разглядывая Поля. – Интересно...

Он взял неподвижную, окаменевшую руку Поля, поднял ее выше, локтем вверх, изогнул – рука застыла в этом новом положении, словно теплый воск, послушно принимающий приданную ему форму. Альбер еще с минуту глядел на него, потом вздохнул и отправился к профессору Лорану.

– У Поля что-то вроде кататонического ступора. Как

при шизофрении, – сказал он в ответ на молчаливый вопросительный взгляд профессора. – Восковая гибкость, полное отсутствие контакта, напряженность.

Профессор Лоран молча встал и пошел к Полю.

– Да, похоже на шизофрению, – сказал он, понаблюдав за Полем. – Мне кажется, впрочем, что это все же не шизофрения, а только сходные с ней симптомы. Это вызвано влиянием сильной интоксикации на неполноценную, неустойчивую психику. Поль не шизоид. У него нет эмоциональной тупости, черствости, присущей этому типу. Ведь и на самоубийство он покушался прежде всего из-за любви к Пьеру... Ну, так или иначе, попробуем его вернуть к норме, растормозить. – Он встал, подошел к книжному шкафу, порылся в книгах. – Единственное, что нам доступно сейчас, – это химия. Психиатра не вызовешь, электрошок и инсулиновый шок я применять не стал бы, даже если б это было возможно... – Он полистал страницы книги, сел, достал авторучку и бланк для рецептов. – Вот. Надо сходить в аптеку.

– Я сейчас сбегая, – охотно вызвался Раймон.

«Это удачно, я позвоню Пейронелю, посоветуюсь. И к Луизе можно будет зайти». Раймон сунул рецепт в карман и помчался вниз.

– Придется пока дежурить около Поля, и ночью тоже, – сказал профессор Лоран. – Он может в любую

минуту стать очень опасным. Четыре смены по шесть часов.

– Вам нельзя, – запротестовал Альбер. – Будем дежурить мы с... – он чуть запнулся, – с Жозефом и с Мишелем. Если мадам Лоран почувствует себя лучше и сможет хоть немного заняться хозяйством, мы подключим к дежурствам и Роже.

– Хорошо. Я надеюсь, что эта история не затянется. Только Мишеля сегодня я бы не хотел включать в дежурство, пускай закончит работу, мне она срочно нужна. Кстати, может быть, эта работа поможет мне понять и состояние Поля...

– Сейчас около восьми, – сказал Альбер. – Я начинаю дежурить. В двенадцать меня сменит либо Жозеф, либо Роже. Будем пока сменяться каждые четыре часа.

Он взял труд по психиатрии и уселся за ширмой, время от времени поглядывая на скорчившегося неподвижного Поля. Раймон пришел через час с лишним, сказал, что в ближайших аптеках этого лекарства не оказалось, пришлось добраться чуть ли не до площади Звезды. Профессор приготовил шприц, Альбер разогнул напряженную, словно одеревеневшую руку Поля, перетянул ее жгутом. Полю не шевельнул ни одним мускулом; казалось, он даже не почувствовал, как игла шприца входит в вену. Однако через три-четыре

минуты он повернулся на спину, открыл глаза.

– Поль, как ты себя чувствуешь? – спросил профессор Лоран.

Поль не ответил, но лицо его уже не было таким застывшим.

– Поль, – очень тихо сказал профессор. – Зачем ты все это делаешь? Ты видишь, Пьер очень беспокоится. Мы все тоже беспокоимся.

Поль посмотрел на Пьера, и по лицу его пробежала не то улыбка, не то болезненная гримаса.

– Хорошо, надо будет продолжать вливания, – проговорил профессор Лоран.

– Серпазил вы тоже достали?

– Серпазила дали только шесть ампул. Я потом еще постараюсь достать, – сказал Раймон.

– Хорошо, в крайнем случае Шамфор поможет. Однако эта химия и в самом деле творит чудеса. Я впервые вижу на практике молниеносное действие риталина. Смотрите, Поль сразу растормозился. Но внимательно следите за ним, помните: он может сейчас натворить бед.

Раймон сел у окна, раскрыл детектив Агаты Кристи, но странная судьба молодой красавицы, которую преследуют неизвестные злоумышленники, не могла понастоящему увлечь его здесь, в этой жуткой обстановке. Мишель, ни на что не обращая внимания, почти

безостановочно стучал по клавишам. Профессор Лоран сидел в кресле и, откинув голову, о чем-то думал. А Раймон перебирал в памяти все события и раздумывал. Правильно ли он ответил Пейронелю?.. Может, все же попробовать уговорить Луизу? Нет, она не согласится бросить мужа в опасности... А если согласится, тогда что? Тогда... нет, в сущности, он этим не берет на себя никаких обязательств, просто хочет избавить ее от опасности, от страха, от невыносимого нервного напряжения. Если она последует совету Пейронеля, друга ее отца, то что ж... Он, Раймон, обязан ей помочь выбраться отсюда и устроиться где-нибудь, а дальше... ну, он, конечно, будет ее навещать, помогать ей... Вдруг ему стало стыдно за все эти мысли.

«С чего ты, собственно, взял, что Луиза будет вешаться тебе на шею?» – сердито подумал он и с досадой захлопнул книжку. Профессор Лоран поднял голову и рассеянно посмотрел на него. Раймон почувствовал, что краснеет, как школьник. «Вот нелепое положение! – растерянно подумал он. – Нет, право, совсем не в том дело, что я испугался угроз Роже Леруа. И не в том, что я боюсь ответственности за судьбу Луизы... Просто нехорошо так поступать. Даже мне одному не годилось бы уходить – ведь это теперь все равно что дезертирство с фронта. А если и Луиза уй-

дет... все будут считать, что она ушла ради меня... то ведь это действительно будет тяжелой травмой для профессора Лорана... Роже засмеялся, когда я об этом упомянул, но что понимает в этих делах Роже, он слишком примитивен! Нет, нельзя, нельзя, надо держаться. Луиза не в такой уж опасности теперь, и вообще ей легче с тех пор, как мы все здесь... Да, если б еще попасть в лабораторию Шамфора... Правда, я и о Шамфоре ничего не смогу написать, пока я здесь...»

Проснулся Франсуа. Он глубоко, с хрипом вздохнул, потом сразу сел и потер лоб. Глаза у него были мутные.

– Голова болит, Франсуа? – спросил профессор Лоран. – Жозеф, достаньте из шкафчика, с нижней полки желтую коробочку из пластмассы и пакетик с таблетками под номерам На. Франсуа, ты так долго спал, что я начал беспокоиться. Тебе давно пора получать питание. Жозеф, вода в чайнике кипяченая. Включите чайник, пусть немного подогреется. Сейчас мы тебя покормим. И прибавим в раствор средство от головной боли.

Через несколько минут чайник издал короткий тихий свисток.

– Отключите, Жозеф, – сказал профессор. – Это значит, что температура воды тридцать семь градусов по Реомюру. То, что нам нужно сейчас. Теперь возь-

мите вон ту большую мензурку... Ах, вы не знаете, что такое мензурка, серьезно? Вон она, видите: на ней нанесены деления. Налейте воды до этой черточки. Опустите в воду эти две таблетки. – Он протянул Раймону большую коричневую таблетку и маленькую белую. – Размешайте стеклянной палочкой, пока они не растворятся. Не удивляйтесь, что я вас заставляю это делать: я пока стараюсь избегать лишних движений, у меня с сердцем хуже, чем я думал вначале... и потом, вам все равно нужно этому научиться... это надо делать каждый день, но обычно все делает Мишель.

Мишель поднял голову от машинки.

– Себе и Пьеру я дал обычную порцию, Полю несколько увеличил, – сообщил он. – С Франсуа я решил подождать, пока он проснется.

Он снова принялся печатать.

– Хорошо, – сказал профессор Лоран. – Теперь смотрите.

Он подошел к Франсуа, достал у него из-за воротника просторной темной блузы уже знакомую Раймону гибкую трубку, вытянул из нее сбоку почти незаметную плоскую и широкую пробку-присосок и осторожно влил в образовавшееся отверстие желтовато-коричневый раствор из мензурки. Потом он опять закрепил пробку, сунул трубку обратно и сел, слегка задыхаясь. Вскоре глаза Франсуа прояснились, лицо ожило, ста-

ло почти веселым.

– Все в порядке? – спросил профессор Лоран. – Ну, вот и чудесно. Принимайся за расчеты, если чувствуешь себя в силах.

Франсуа кивнул и своей неуклюжей, качающейся походкой пошел к столику, где лежали кое-как собранные листки с расчетами.

– Он помнит, что с ним было? – тихо спросил Раймон.

– Помнит, но смутно, насколько мне удалось установить. Впрочем, я больше опираюсь на слова Поля: ведь Франсуа не может говорить, а пишет он тоже неохотно... Я удивился, когда узнал, что он переписывается с Мишелем.

Раймон еще раз подумал, что Мишель имеет, пожалуй, больше влияния на своих товарищей, чем профессор, и что это неправильно и нехорошо. «Уж не нарочно ли Мишель добивается этого? Да нет, вздор, просто они считают его своим, таким же, как они, в этом все дело...»

Поль все время лежал спокойно; Альбер и Раймон, сменивший его в двенадцать часов ночи, думали, что он спит. Но около часу ночи Раймон неожиданно поймал его косой взгляд из-под полуоткрытых век, и ему почудились в этом взгляде злоба и коварство. Раймон притворился спящим и исподтишка наблюдал за По-

лем. Вскоре он заметил, что все тело Поля напряглось, руки сжались в кулаки. Раймон вскочил как раз вовремя: Поль с протяжным глухим воем сорвался с кушетки и бросился на него, оскалив зубы и закатив глаза. Раймон крепко схватил его за руки, сжал их. Ему противно было видеть это дегенеративное пятнистое лицо, ощущать вялые мускулы под холодной влажной кожей; ему хотелось отвернуться, но Поль глухо завывал и бился, и надо было все крепче сжимать эти жалкие руки. Прибежал Альбер, на ходу надевая очки. Вдвоем они уложили Поля на кушетку; он продолжал выть и вырываться.

– Серпазил, – сказал профессор Лоран. – Готовьте, Дюкло.

Они сделали вливание, и Поль вскоре затих. Лицо его стало спокойным.

– Поль, что с тобой? Как ты себя чувствуешь? – спросил профессор Лоран.

– Не знаю, – еле слышно проскрипел Поль. – Я устал. Я хочу спать.

– Вот и хорошо. Спи, – сказал профессор Лоран. – Ну, он, наверное, до утра пролежит спокойно. Однако дежурить надо.

Остаток ночи и в самом деле прошел спокойно. В восемь часов утра Альбер ушел вниз, чтоб поспать часок до завтрака. Раймон, тоже не выспавшийся, по-

зевывая, сел за ширмой. Поль лежал вялый, безразличный ко всему, но в нем не было уже вчерашней напряженности. Профессор Лоран сделал ему новое вливание риталина, дал глюкозу с витаминами, и он оживился, стал выглядеть бодрее, даже улыбнулся Пьеру, когда тот подошел к кушетке.

– Результаты примерно те же, что при лечении шизофрении, – сказал профессор Лоран, понаблюдав за ним, – и все-таки это, по-моему, не шизофрения.

Он дышал тяжело и двигался с трудом.

– Ложитесь, – сказал Раймон. – Роже принесет вам завтрак сюда. Может быть, нужно сделать вам укол? Я позову Альбера...

– Не надо. Укол может сделать и Мишель. Но я пока приму свой Сиаль-5. Я его сегодня еще не принимал.

Он глотнул желтую крупинку и посидел минуты две-три. Потом лицо его прояснилось.

– Вот! – торжествующе сказал он. – Все в порядке. Просто я вчера злоупотребил этим. Неплохой урок... Я думаю, вы можете тоже часок поспать. Ложитесь на мой диван, я посижу здесь. Ничего, ничего, все в порядке, говорю вам.

Раймон поколебался, но ему очень хотелось спать. Он лег на диван и немедленно заснул. Проснулся от, обливаясь холодным потом: ему приснилось, что Франсуа схватил его за горло. Он с усилием открыл

глаза. Над ним наклонился бледный, всклокоченный Альбер и тряс его за плечо.

– Вы что, с ума сошли? Как вы могли спать?

Раймон вскочил, протирая глаза:

– Да что случилось? Профессор сам настоял, чтоб я лег. Он чувствовал себя хорошо.

– Как он мог чувствовать себя хорошо, что за вздора – крикнул Альбер. – Он без сознания.

– Что? – в ужасе вскрикнул Раймон.

Альбер досадливо махнул рукой и отошел. Раймон вскочил, метнулся в угол, за ширму. Профессор Лоран лежал на полу, бессильно раскинув руки. Лицо его было совсем белым, даже губы ничуть не выделялись, словно стерлись. Пьер глядел на него своим темным, ничего не выражающим взглядом. Поль лежал спокойно, с открытыми глазами, но, по-видимому, совершенно не замечал, что делается вокруг.

После укола профессор Лоран открыл глаза, слабо вздохнул.

– Что это? Что случилось? – прошептал он. – Поль?..

– С Полем все по-прежнему, – поспешил успокоить его Альбер. – А вот вам стало плохо.

Они перенесли профессора Лорана на диван. Мишель поднял голову от машинки, проводил их взглядом.

– Вам нужно полежать, ни о чем не думая. Лучше всего уснуть, – сказал Альбер наставительно и немного смущенно.

– Хорошо... Следите за Полем...

Профессор Лоран закрыл глаза. Лицо его было мертвенным; Раймону показалось, что он опять потерял сознание.

– Пойдемте, – прошептал Альбер. – Профессору нужен покой.

Они вышли из-за ширмы. Мишель все стучал на машинке.

– Неужели его это ничуть не трогает? – шепотом спросил Раймон, кивнув в его сторону.

– У Мишеля деловые способности, в частности умение сосредоточиваться целиком на одном деле, развиты почти как у робота Шамфора, – тоже шепотом ответил Альбер. – Но Мишель все же не робот, хоть и кажется подчас, что он не человек. Если б не было нас, он помогал бы профессору, бросив работу.

– Ну да! Я что-то в этом сомневаюсь.

– И напрасно. Мишель видит и слышит все, но умеет не отвлекаться. Ведь это он разбудил меня. Вышел на площадку лестницы и позвал меня. Я спал внизу, у лестницы.

– Странно. Почему же он не разбудил меня? – Раймон почувствовал себя обиженным. – Это же было

проще!

Он сказал это уже не шепотом. Мишель поднял голову от машинки.

– Вас не было смысла будить, вы не медик, – сказал он и снова забарабанил по клавишам.

– Вот, пожалуйста! – Альбер засмеялся. – Он прав. Вы не можете сделать укол, вообще не знали бы, как поступить. А он занят.

– Ну и тип! – сказал Раймон, позевывая: теперь, после всего, он чувствовал еще большую усталость.

– Сейчас уже не стоит ложиться. – Альбер посмотрел на часы. – Роже скоро накормит вас завтраком, а потом посидит около Поля, вот тогда мы и отоспимся. Но я все же буду спать здесь, на кушетке Мишеля.

Раймон посмотрел на узкую жесткую кушетку, обитую красным дерматином, на плоскую блинообразную подушку, еще хранившую отпечаток головы Мишеля, и брезгливо поежился: нет, он-то не стал бы ложиться туда, уж лучше спать на голом полу... А этому Альберу, видно, все нипочем...

– Вы лучше вот что, – сказал Альбер, не заметив этой пантомимы, – проведайте мадам Лоран. Она, по моему, очень испугалась, когда услышала голос Мишеля.

Глаза Луизы были такими же трагически безнадеж-

ными, как в первый день, когда ее увидел Раймон.

– Я даже не знаю, почему мне сделалось так страшно, – устало говорила она. – Я ведь знаю, над чем работает Анри... и вообще кое-что слышала... догадывалась... Но такой обыкновенный, совсем человеческий голос... Он крикнул: «Альбер, идите сюда, профессору плохо!»

– Но вы, может быть, взволновались из-за болезни мужа? – Раймону хотелось перевести разговор. – Профессор, я думаю, просто устал, и сердце у него стало слабеть. Ему необходим отдых. Альбер сделал ему укол, он теперь отлеживается. Ничего угрожающего, уверяю вас. Вам туда идти незачем.

Луиза вздохнула.

– Нет, я не собираюсь подниматься наверх, – сказала она. – Я... я просто не смогла бы. Я не знаю, как вы все это можете...

– Ну-ну, – Раймон успокаивающе погладил ее по руке. – Луиза, милая, будьте умницей, не волнуйтесь. Вам вовсе незачем ходить туда. Все будет в порядке.

Луиза покачала головой:

– Нет, я чувствую, что надвигается катастрофа... и я ничего не могу сделать... боже мой!

Она сказала это с таким отчаянием, что у Раймона сердце сжалось.

– Луиза, вы не должны так говорить, – сказал он, об-

нимая ее худенькие плечи. – Просто вы устали, нервы не выдерживают, вот и все. Никакой катастрофы не будет, профессор теперь не один.

Но он не очень верил тому, что говорил. И Луиза почувствовала это. Она взглянула ему прямо в глаза и безнадежно покачала головой. Раймону стало так жаль ее, что он не выдержал и сказал то, чего решил было не говорить:

– А если вам уехать отсюда? Ну, просто сослаться на болезнь, на советы врачей и уехать? Хотя бы на другую квартиру? Ведь это и в самом деле было бы лучше...

– Что вы! – сказала Луиза, широко раскрыв глаза. – Разве я имею право?

Теперь Раймон рассердился.

– А почему, собственно, вы не имеете права? – запальчиво сказал он. – Чем вы обязаны профессору Лорану? В конце концов, он преступно пренебрегает вами, он довел вас до такого состояния...

Луиза опять посмотрела ему в глаза; на этот раз ее взгляд был ясным и твердым.

– Не надо так, – спокойно, без упрека сказала она. – Анри не виноват. Он предупредил меня, что его жизнь принадлежит науке. И вы видите, что это так и есть. Я могу страдать от этого, но не могу обвинять Анри...

Раймон порывисто поцеловал ее руку: он был тро-

нут.

– Почему это самым хорошим людям почти наверняка достается самая трудная судьба? – сказал он, помолчав. – Вы мне кажетесь святой, Луиза. Из таких женщин, как вы, наверное, и получались христианские мученицы... или революционерки...

– Вот как? – с легким оттенком иронии ответила Луиза. – Пока что из меня получилась всего только женщина с неудавшейся личной жизнью. И вообще, Раймон, я ничтожество. Я даже не решаюсь спросить вас: что же делается там у вас, наверху? Мне страшно слушать об этом. А ведь вы проводите там целые дни... Хорошая была бы революционерка, нечего сказать...

– Ваше мужество не в этом, Луиза, – сказал Раймон. – И я знаю: если надо будет, вы и этот страх преодолеете. Но вам это не понадобится.

Роже стукнул в дверь и сейчас же вошел, подозрительно глядя на Раймона поверх подноса, который держал на приподнятой кверху растопыренной ладони.

– Пора завтракать, – сказал он ворчливо. – Вы идите на кухню, потом пойдете сменить Альбера, пока он поест. А это вам, Луиза. Чашка шоколаду, яйца всмятку и ванильное печенье...

– Вы запомнили, что я люблю ванильное печенье? – Щеки Луизы чуть порозовели. – Боже, до чего

вы милы, Роже!

Раймон еле удержался, чтоб не хлопнуть дверь. Его бесил этот черномазый проныра. Луиза почему-то позволяет этому нахалу называть себя по имени... черт знает что!

Он машинально поглощал завтрак. Значит, этот план вообще отпадает: Луиза не оставит мужа. Ну что ж, придется сообщить шефу об этом разговоре... План все равно был опасным. Но и оставаться здесь Луизе тоже очень опасно... Кто знает, как повернутся тут дела...

Он налил себе еще кофе, сделал бутерброд с сыром. «Этот Роже умеет заваривать кофе, ничего не скажешь... Надо предупредить ребят, чтоб они не рассказывали ничего Луизе, даже если она начнет спрашивать... ей будет еще тяжелее, еще страшнее, если она узнает... Ну и история, черт возьми! – подумал он, глотая горячий кофе и невидящими глазами глядя на зеленые кусты перед окном кухни. – Подумать только: люди ходят по улицам, работают, смеются, ругаются, где-нибудь рядом в таких же маленьких садиках, как этот, перед окном, играют дети, старушки вяжут чулки... И если б кого-нибудь остановить на улице и рассказать, что тут делается, он бы наверняка порекомендовал тебе обратиться к ближайшему психиатру...»

– Да, но какая сенсация! – уже вслух сказал он, вскакивая и на ходу утираясь салфеткой. – Какая будет сенсация, черт возьми!

В одиннадцать часов утра на следующий день бешеный стук машинки оборвался. Мишель вынул последний недописанный лист.

– Я окончил записи, – своим обычным невыразительным голосом сказал он, подходя к профессору Лорану с толстой пачкой листов.

Профессор Лоран приподнялся на локте.

– Хорошо, я буду читать, – сказал он, положив пачку на подоконник у тахты. – Ты не устал?

– Нет. Как вы себя чувствуете, профессор? У вас плохой вид.

– Ты не находишь, что меня нужно переделать? – почти серьезно спросил профессор Лоран.

– Вас? Переделать? – Мишель поколебался, потом с облегчением произнес:

– Да, я понимаю, это шутка.

– Вот как, ты понимаешь шутки?

– Конечно, ведь вы часто шутите, я уже привык. Но вас надо лечить. Я бы хотел осмотреть вас...

Альбер вытаращил глаза.

Профессор Лоран пояснил:

– Мишель изучал медицину. Это нужно для Поля,

да и для других. Терапевт он хороший и в диагностике сильнее, чем я... Конечно, Мишель, мне интересно, что ты скажешь. Ведь ты знаешь, врача пригласить нельзя.

Мишель принес стетоскоп и очень долго и внимательно выслушивал и выстукивал профессора Лорана. Тот покорно поворачивался, садился, ложился, отвечал на вопросы, все время усмехаясь, не то иронически, не то смущенно. Наконец Мишель измерил кровяное давление, убрал аппарат и сел у постели:

– Кое-что в вашем организме напоминает Поля, – сказал он, – хотя вы, в сущности, совсем другой, чем Поль...

– Для начала неплохо! – снова усмехнулся профессор Лоран.

– Но я думаю, что мнимое сходство объясняется одной общей причиной: перегрузкой. Для Поля это – усиленный, неестественно быстрый рост, для вас

– чрезмерная работа и постоянное нервное напряжение. Я давно замечал, что ваша нервная система работает с перебоями, нечетко, капризно. Очевидно, такой темп для вас непосилен. Ведь вы все-таки человек... Ну, я хочу сказать, что у вас более ограниченные лимиты энергии, чем у меня, вы часто устаете. Сиаль-5 – не выход.

– Да, конечно, я все-таки человек, – не улыбаясь,

произнес профессор Лоран. – Так что же произошло в моем организме в результате длительной перегрузки?

Альбер беспокойно задвигался. Если у профессора какое-то тяжелое органическое заболевание, этот проклятый Мишель так и ляпнет ему в глаза. Он хотел вмешаться, но Мишель бесстрастно проговорил:

– Крайнее истощение нервной системы. Дистрофия сердечной мышцы. Гипотония. Вы нуждаетесь в длительном отдыхе, в перемене обстановки и укрепляющем лечении. Но не в искусственном тонизировании. Прием Сиаля-5 надо немедленно прекратить.

Профессор Лоран долго молчал.

– Я думаю, ты не ошибся, – сказал он наконец. – Ты ведь не умеешь ошибаться. Но подумай как следует, что можно сделать реально. Ведь ты сам понимаешь, что я не могу сейчас бросить лабораторию и уехать куда-то надолго.

– Вы можете, – прервал его Мишель, – если ваши помощники согласятся на это время остаться здесь.

Профессор Лоран уставился на него.

– Вы слышали, Дюкло? – спросил он, проводя рукой по влажному лбу.

– Видите ли, профессор, Мишель прав, – нерешительно сказал Альбер. – Мы могли бы на время вашего отсутствия... ну, так сказать, законсервировать лабораторию. Не проводить ни на ком никаких экспе-

риментов со стимуляторами, гормонами, электродами и так далее. Просто жить, читать, проводить опыты в пробирках и термостатах в том направлении, в каком вы нам укажете... Лечить Поля... Нет, правда, ведь лучше будет, если вы вернетесь со свежими силами...

Профессор Лоран выслушал все это, глядя в одну точку перед собой.

– Нет, – сказал он потом. – Нет. У меня это попросту не выйдет. Мишель, сообрази, что можно сделать, если я останусь тут, в лаборатории.

У Мишеля был недовольный вид.

– Мало что можно сделать. Длительный сон. Правильный режим. По меньшей мере три-четыре часа сидеть на свежем воздухе, в саду. Усиленное питание, особая диета; витамины, гормоны, первое время – камфара. Повторяю: абсолютно отказаться от Сиалля-5. Вам больше неоткуда занимать сил, все ваши резервы исчерпаны.

– Хорошо. Разработай принципы диеты, дозировку лекарств и расписание дня. Постараюсь выполнять все твои предписания.

– Мне все же непонятно, почему вы хотите остаться в лаборатории? – спросил Мишель.

– Скоро скажу. У меня есть свой план.

За обедом Альбер рассказал об этом разговоре Роже. Тот выслушал и глубокомысленно хмыкнул.

– А ведь знаешь, – сказал он, подумав, – твой профессор, пожалуй, боится этого своего молодчика! Мишеля, понимаешь? Этот парень очень высокого о себе мнения. И не будь я Роже Леруа, если он не считает себя умнее профессора.

Альбер твердо помнил, что он не сообщал ни Роже, ни Раймону своего мнения о честолюбии Мишеля.

– Почему ты так думаешь? – спросил он.

Но Роже не любил объяснений.

– Да чего там, это же в глаза лезет, – буркнул он. – Оставь на такого типа лабораторию, он тут все на свой лад переиначит. Вернется твой профессор – ни лаборатории, ни жены.

– Ну, ты уж скажешь, Роже!

– А чего? Слепой я, что ли? Луиза, как воск, тает от этого красавчика. Разве женщины что понимают!

– Конечно, ей следовало бы влюбиться в тебя... – еле сдерживая смех, пробормотал Альбер.

– А что ты думаешь, она на этом не прогадала бы! Да ты не скалься, ничего тут смешного нет, что хорошая девочка влюбилась в такого дешевого парня. И только потому, что он первый пригрел и защитил ее. Всего сутки форы – и такой субъект финиширует, черт бы его побрал!

– Ну брось, Роже. При чем тут сутки форы? – сказал Альбер, прихлебывая кофе. – Что ж, по-твоему, такая женщина, как Луиза, может влюбиться в каждого, лишь бы он вовремя ей встретился?

– А, что ты понимаешь! – разозлился Роже. – Девочка была так замучена, что хоть вешайся. И вдруг среди такого беспросветного мрака появляется нормальный человек, не пугается ничего, никаких этих ужасов, с ней говорит ласково, смотрит на нее как на женщину, а не как на пробирку. И собой, вдобавок, недурен. Ты щенок, ты жизни не понимаешь...

– Да брось ты, Роже! – засмеялся Альбер. – Я всего на два года моложе тебя.

– Это – по свидетельству о рождении. А на деле ты передо мной младенец. Особенно – что касается женщин. Уж в этом-то Роже Леруа разбирается, будь уверен! Да не скаль зубы, послушай, что я тебе расскажу. Шел мой приятель однажды ночью по Марселю. И видит – стоит в подворотне девушка и плачет. Тихо так плачет и вся дрожит. Он подошел, начал спрашивать, что да как. Оказалось – приехала из деревни, мачеха ее из дому выжила. Устроилась прислугой. Девушка она красивая, хозяин начал к ней приставать. Ну, хозяйка заметила и сразу его – бац-бац по физиономии, а девчонку – на мостовую. И денег ей даже не заплатила. Вот эта самая Сюзон и очутилась поздно вече-

ром на улице без гроша в кармане. И куда идти – не знает: в Марселе всего месяц и почти не выходила из дому. Этот мой приятель отвел ее к хорошим людям переночевать, дал ей денег и на работу помог устроиться. Ну вот, он вполне по-честному с ней: не приста-вал, никаких глупостей насчет ее красивых глаз не го-ворил, сразу сообщил, что у него жена и дочка, – ну, чтоб Сюзон не думала, что у него на уме баловство. И внешность у него самая что ни на есть обыкновенная – ну, человек как человек, и все тут. А эта Сюзон – кра-сотка хоть куда и девушка хорошая, серьезная такая. Так вот, знаешь, как она в него влюбилась, это ужас, вся извелась, бедняжка. Говорит так серьезно, как мо-литву читает: «Знаю, что это грех – любить женатого человека, но ничего не могу с собой поделатать, сердцу не прикажешь». А глаза у нее синие-синие, ресницы длинные, темные. Я прямо удивлялся, как это мой Га-стон может устоять. Но он, конечно, ее жалел: ей все-го семнадцать лет, девушка хорошая, зачем ей жизнь портить. Вот! А спроси, почему она именно в Гастона влюбилась? Да только потому, что ей некуда было де-ваться, а он ее выручил.

– Совсем не тот случай, – возразил Альбер. – Твой Гастон, как видно, человек очень честный и хороший. В него можно влюбиться и совсем в других обстоя-тельствах. А тут, ты сам говоришь: хорошая женщина

и ненадежный человек... Слушай, а он не соврал нам снова, насчет редакции?

Роже усмехнулся, блеснув ровными белыми зубами:

– Будь спокоен, я это дело проверил. Зашел в эту его редакцию, спросил Раймона Лемонье. Секретарша говорит: он сейчас в редакции не бывает, выполняет срочное поручение шефа. А что, мол? Ну, я спросил эту рыженькую секретаршу – между прочим, очень и очень неплохая девочка! – я, дескать, не ошибаюсь, это тот самый Лемонье, высокий, темноволосый красавчик, щеголеватый такой, и носит перстень с печаткой?

– Какой перстень?

– А ты что ж, не видел? Какая-то у него фамильная реликвия, говорит. Уж, наверное, он Луизе на этот счет сочинил хорошенькую историю! Ну вот, так секретарша подтвердила: да, говорит, он самый. Я говорю: ну, привет ему от Франсуа с «Нанси», была у меня для него интересная история, но что поделаешь, раз он занят... Эта рыженькая меня очень упрашивала зайти еще при случае – может, я застану Лемонье. Черт, сколько я теряю из-за твоего профессора!

Альбер заметил, что профессор Лоран как будто побаивается читать записи Мишеля. Он несколько раз

протягивал руку к пачке, лежащей на подоконнике, и снова отдергивал. На лице его было выражение досады и растерянности. Наконец он сказал:

– Дюкло, вы не дежурите? Посидите около меня.

Альбер сел на стул у дивана. Профессор Лоран схватил пачку листов таким решительным, порывистым движением, словно она горела и надо было потушить огонь.

– Вы возьмите книгу, почитайте, – бросил он Альберу и впился глазами в первую страницу рукописи.

Наступило долгое молчание. Профессор Лоран читал быстро, листы то и дело шуршали в его руках, отправляясь на подоконник. Альбер смотрел в окно.

Всю ночь напролет лил дождь, и теперь над Парижем по мгlistому небу неслись клочья туч, словно черный дым, изорванный ветром, деревья влажно и глухо шумели, тускло блестящие ветви стучали в окна, и по стеклам стекали извилистые водяные струйки. Альбер посмотрел в окно и вздохнул: ведь так недавно они с Роже ночевали в газетном киоске на набережной Сен-Бернар, а кажется, что прошла целая вечность и они живут в каком-то другом мире, невероятном, полном чудес.

Профессор Лоран не то вздохнул, не то простонал. Альбер тревожно оглянулся на него.

– Ничего, – сказал профессор Лоран. – Я просто

устал...

– Но ведь вам нельзя перегружаться, – запротестовал Альбер, увидев, что профессор снова берется за листы. – Надо полежать спокойно.

Подошел Мишель. Он стоял, придерживаясь своей аристократической белой рукой за ширму, и глядел на профессора Лорана с любопытством.

– Много вы успели прочесть? – спросил он.

– До того, как ты начал отличать нас по голосу, даже не видя.

– Да, вначале для меня все голоса были одинаковыми. – Мишель помолчал, разглядывая профессора Лорана. – Я записывал все подряд, – сказал он с каким-то странным выражением в глазах.

– Да, я понимаю. Я ведь об этом и просил тебя. – Профессор Лоран поднял голову и тоже посмотрел на Мишеля. – Почему ты об этом опять напомнил?

– Просто так, – сказал Мишель, отводя взгляд. – Вам пора делать укол.

Когда Мишель сделал укол и отошел к лабораторному столу контролировать опыты, профессор Лоран тихо сказал:

– Иногда мне хочется бросить все эти проклятые записи. Мишель действительно записывал все подряд. Я не понимаю, почему он это опять подчеркивает. Если б это был не Мишель, с его удивительной су-

хостью и отсутствием эмоций, я бы подумал, что он либо ехидничает, либо, напротив, таким образом выражает мне сочувствие...

– Уверяю вас, профессор, что Мишель лишен далеко не всех эмоций, – сказал Альбер не очень дружелюбным тоном. – И не так уж он резко отличается от человека, вернее, от некоторых людей, как вам это кажется.

– Хорошо, мы это еще проверим, – помолчав, сказал профессор Лоран. – Я думаю, что вы преувеличиваете... Но я сейчас о другом... Мне трудно читать эти записи, Дюкло. Вовсе не потому, что я болен. Просто – такие вещи нельзя спокойно вспоминать никогда. А прошло всего три-четыре года... Вы не удивляйтесь, что я говорю об этом с вами... Ведь мне так долго не с кем было говорить... Мишель в этом ничего не понимает. А для меня это – память о счастье, о чудесной дружбе, об удивительных, сказочных тогда для нас самих открытиях. Вы понимаете – мы, когда начинали, не думали, что дело пойдет так далеко. Мы просто начали выращивать в искусственной питательной среде различные ткани и органы человеческого тела – для замены поврежденных частей организма. Это нужно было для клиники, где работала... ну, для профессора Демаре, главного хирурга клиники. Вы, наверное, помните по университетским лекциям, что было ос-

новной преградой на этом пути. Скажем, привозят в клинику людей, пострадавших при железнодорожной катастрофе. У одного совершенно разmozжена голова; тут уж, конечно, ничем не поможешь. Но у него целая печень, а у другого именно печень и повреждена

– множественные разрывы при сотрясении. А пересадить ему неповрежденную печень нельзя, хоть это его спасло бы.

– Биологическая несовместимость тканей, – вспомнил Альбер.

– Да. Это и был наш главный барьер в то время. Чужую кровь можно перелить человеку, если она подходит по группе и по резус-фактору, а если повреждены обе почки, то человек погибает, потому что другую почку ему нельзя пересадить ни от матери, ни от брата, даже от близнеца – если только они с братом не однойцевые близнецы. Мы начали выращивать ткани и органы в лаборатории, пытаюсь разгадать, в чем секрет этой трагедии несовместимости. Мы были еще молоды – да, и я был почти молод, Дюкло, в те, не такие уж далекие годы... – Он помолчал, перевел дыхание. – Мы были полны энергии и, казалось, очень хорошо сработались, превосходно дополняли друг друга. Мы сняли художественную студию в четырнадцатом округе, просторную, светлую – тоже поблизости от площади Данфер-Рошера, на улице Дан-

вилль, – оборудовали превосходную лабораторию... А потом... потом мы с Сент-Ивом постепенно начали все дальше отходить от группы... – Профессор Лоран закрыл глаза, лицо его стало мертвенным.

Альбер обеспокоенно потрогал его пульс.

– Нет, нет, я просто задумался, вспомнил... – проворчал профессор.

Альбер колебался: профессор Лоран болен, волновать его нехорошо. Но любопытство все же взяло верх.

– Я давно хотел спросить, профессор, – начал он неуверенно, – почему же вы с Сент-Ивом отошли от группы... то есть я хочу сказать: с чего это началось? Почему именно вы и Сент-Ив?..

– Да, почему именно я! – с неожиданной горечью сказал профессор Лоран.

– В том-то и дело! Они все были против меня, а если б это получилось у любого из них... ну, может быть, я и неправ, не знаю... Представьте себе, Дюкло... нет, я попробую начать с этого случая... – Лицо его оживилось, на скулах проступили бледно-розовые пятна. – Так вот: привезли в клинику одного юношу – он в тумане разбил свой мотоцикл о телеграфный столб и сам погиб. Нет, понимаете, в клинике он еще прожил часов шесть, но ясно было, что он безнадежен. Красавец, силач... И как будто легко отделался – царапи-

ны, ушибы... его выбросило из седла. Но он ударился виском о камень

– и вот... Я до сих пор помню его лицо, безжизненно белое и классически правильное, как у статуи... Впрочем, дело не в этом... – Профессор Лоран оборвал рассказ и надолго задумался. – Словом, я решил рискнуть... а другие сразу сказали, что это пустая затея... Я поместил нервные клетки в питательную среду, начал экспериментировать с ферментами, стимуляторами и так далее. Через несколько недель я подумал, что мои коллеги правы: ничего у меня не получалось. У Демаре прекрасно шли опыты с тканями печени, почек... Я тоже участвовал в этих опытах, конечно... Мы штурмовали этот проклятый барьер биологической несовместимости... А я все-таки сидел по вечерам в лаборатории, смотрел на умирающие в растворе нервные клетки и задыхался от досады. Тут меня познакомили с Сент-Ивом, и он сразу очень заинтересовался моими бесплодными поисками: он ведь был нейрокибернетик, как и Шамфор, только гораздо больше интересовался биологией и нейрофизиологией. Из-за меня он и примкнул к нашей группе. Сент-Ив сконструировал массу интереснейших устройств, очень многим помог лаборатории, все наши были от него в восторге. Но больше всего он сидел со мной. И вот, вдруг... – Профессор Лоран внезапно замолчал.

– Вдруг?.. – подсказал Альбер.

– Это плохое слово, Дюкло, – сказал профессор Лоран. – Очень плохое, но что поделаешь... Именно вдруг, я не знаю почему, в одном из термостатов нервные клетки начали развиваться. Мы ломали себе голову: почему именно в этом, а не в соседнем? Но все, на что нас хватило, – это точно записать состав питательной среды, температуру, освещение и так далее. Отличия от других термостатов были слишком незначительны, чтоб на этом основании о чем-то судить, но факт оставался фактом: у нас в термостате начал развиваться человеческий мозг!

– Но потом ведь вы узнали...

– Почему вы так думаете? – хмуро спросил профессор Лоран.

– Ну... а Франсуа, Пьер, Поль?..

– Поль – вообще другое дело. Поль развивался из оплодотворенной человеческой клетки. И тут я тоже не все знаю... как и почему это удалось... и почему удалось не вполне... Ведь вот и у Петруччи в Италии – вы читали о его опытах? – нормальное развитие человеческого зародыша в искусственной среде обрывается пока очень быстро. Правда, у него задачи – те же, что у Демаре, он и не собирается выращивать плод до конца... А с Пьером и Франсуа... – Профессор Лоран долго молчал. – Словом, я сделал, что мог... я с

Сент-Ивом... Если б они все поверили, дело другое. Но наши опыты казались им нелепой фантазией.

– А почему, собственно, ваши товарищи так относились к этим опытам? – робко спросил Альбер. – Ведь это чудеса, настоящие чудеса... Ну пускай вначале они не верили, это я могу понять. Но потом... когда удалось, ведь это же могло иметь еще более поразительные практические результаты.

– Да, конечно... – Альберу показалось, что голос профессора Лорана звучит неуверенно. – Впрочем, мы с Сент-Ивом тогда, признаться, не думали о практических результатах... Видите ли, мозг настолько сложнее, чем печень или почки, что заменить поврежденный мозг искусственно выращенным... это... даже если б это и удалось, то человек должен был бы фактически заново родиться... И, вдобавок, родиться, может быть, совсем другим... Это не так просто... взамен погибшего близкого человека принять к себе совсем другого в его облике – да еще поначалу большое дитя, неполноценного человека, заново обучающегося жить... Понимаете?

– Да... – задумчиво произнес Альбер.

Ему стало жутко. Действительно, в принципе это прекрасно: вернуть человека к жизни. Но вот каково близким? Да и ему самому? Даже если искусственно выращенный мозг будет функционировать безупреч-

но, даже если хорошо пройдет мучительно трудный первый период после пересадки и мозг окончательно «сживется» с организмом – что будет дальше? На всю жизнь – странные смутные воспоминания о лаборатории, о растворе, в котором он плавал, о шагах лаборантов... Или все это можно будет научиться гасить? И пересаженный мозг будет *tabula rasa*, чистая доска, на которой что хочешь, то и пиши? Тоже страшновато... Нет, Демаре и других можно понять...

– Но... вы все же думали, к чему в конечном счете могут привести ваши опыты? – робко спросил Альбер. – То есть для чего они делаются, если не для клиники?

– Нет, мы об этом не задумывались! – резко, почти с вызовом ответил профессор Лоран. – Я ведь говорю: мы тогда были молоды. Мы думали о познании истины, мы ходили ощупью по краю темной бездны... ведь мы были впереди всех, дальше была тайна и тьма... Я читал о том, что переживали американские физики, когда присутствовали при испытании первой атомной бомбы. Когда засияло над миром их страшное создание, они почувствовали, что равны богам. Мы с Сент-Ивом чувствовали примерно то же. Вот он ходит, этот человек, возникший на наших глазах, этот мозг, созданный нами, и он мыслит, он равен людям, а мы... мы бросили вызов богу! Мы были потрясены до глуби-

ны души – нам ли было думать тогда о практических результатах! Да, да, я понимаю: вы тоже меня осуждаете... как все! Что ж, вы легко найдете подтверждение своим выводам. Спросите хотя бы Шамфора, а тем более Демаре... Они вам скажут, что я всегда был честолюбцем, карьеристом, который думает больше о своей славе, чем о науке... что только Сент-Ив мог хоть на время покорить меня своим бескорыстным энтузиазмом... – Он задохнулся, помолчал. – Да, Сент-Ив... Он-то знал, какой я на самом деле. Он знал, что я был таким же, как он. Не было на свете людей более близких, чем я и он. Ни кровное родство, ни любовь так не сближают, как эти молчаливые, до ужаса напряженные вечера и ночи в лаборатории. А они все этого не понимали. Да я и не могу их обвинять: ведь у них так хорошо шли дела, они уже начали делать блестящие операции в клинике, спасти обреченных на смерть...

– Значит, все-таки удалось победить биологическую несовместимость?... – спросил Альбер.

– Да, в общем удалось. То есть многое удалось, но не все. Группа Демаре продолжает работать, я знаю. Но, конечно, не так, как я. Они ходят в театр, гуляют, ездят к морю... Им некуда торопиться... их много, они здоровы, у них есть деньги... Они живут и радуются жизни...

– А зачем вам губить себя? – тихо спросил Альбер.

– Разве я хотел губить себя? Разве я знал?.. Впрочем, вы правы, можно было сообразить, что одному человеку это не по силам. Но что мне было делать? После Сент-Ива я остался совсем один. Надо было или бросить все это, или... или сделать с собой то, что я сделал... вызвать самого себя на поединок – кто одолеет, тело или дух?

– Это страшно... – прошептал Альбер.

– Теперь – конечно. Теперь – когда у меня нет сил. А вначале, с Сент-Ивом, это было такое счастье! Мы творили новый мир, и Мишель был нашим Адамом в этом сказочном, невероятном мире. Мы работали как одержимые, нам все казалось достижимым – такой был прилив сил, такое вдохновение. И нам везло, боже, как нам тогда везло! Попутно как-то удивительно легко мы открыли средство от ожирения, в нескольких вариантах, применительно к этиологии... мы ведь работали с гормонами. Открыли и Сиаль-5. Но тогда мы сами пользовались этим средством очень редко. Это после гибели Сент-Ива я стал злоупотреблять стимулятором: и времени стало меньше, и сил меньше, а приходилось всегда быть начеку... Ну вот, на этих средствах мы кое-что заработали и потихоньку от других завели лабораторию на улице Бенар... там, где я вам показывал... Не знаю, как нас на все хвата-

ло... Но, говорю вам, это было настоящее счастье. Когда Мишель впервые прошел по комнате, неуверенно размахивая руками и спотыкаясь, мы с Сент-Ивом обнялись и заплакали...

Губы профессора Лорана задрожали, он отвернулся к стене.

– И вскоре вслед за этим все рухнуло. Мне тогда казалось, что я уже не смогу снова начать. Сент-Ив погиб, группа распалась... вернее, от меня все отвернулись, меня обвиняли в его смерти, и Шамфор, и Демаре... понимаете, не в том смысле, что я его убил, нет, наоборот, в полиции все они давали показания в мою пользу, а Шамфор помог мне спрятать Мишеля и замаскировать суть наших опытов. В конце концов следствие было прекращено, решили, что Сент-Ив погиб в результате собственной неосторожности. Я уехал в Бретань, я был разбит душевно и физически...

Мишель подошел к постели и протянул профессору Лорану стакан с золотисто-коричневым раствором.

– Пора принимать, – сказал он бесстрастно.

Профессор Лоран взглянул на него и проглотил питье.

– Спасибо, Мишель, – сказал он. – Ты точен, как механизм.

Мишель молча ушел. Профессор Лоран проводил его взглядом:

– Тогда он, вернее, его мозг лежал опять отдельно, в питательной среде. Я просил Шамфора держать его на определенной «диете» до моего возвращения. Это все, на что меня хватило. Я думал, что никогда не смогу вернуться к этим опытам... Я был близок к самоубийству... Но в Бретани я немного отошел... стал думать, что обязан продолжать опыты, хотя бы в память о Сент-Иве. А вскоре я встретил Луизу... и... ну, вы сами видите, каков результат этой встречи. Луиза дала мне деньги для устройства новой лаборатории и для того, чтоб не заботиться о куске хлеба. Луиза своей нежностью помогла мне вернуться к работе, а я взамен искалечил ей жизнь.

Наступило долгое молчание. Альбер, кусая губы, глядел на порыжевшие носки своих ботинок: он не знал, что сказать.

– Ну, а в этих условиях, вы сами понимаете, мне пришлось заботиться прежде всего о практических результатах, – после паузы сказал профессор Лоран. – Не в том смысле, в каком этого хотел Демаре и другие, но... Видите ли, если б не деньги Луизы, я вынужден был бы устраиваться на работу, а это страшно замедлило бы темп исследований... К тому же в университет меня вряд ли приняли бы снова, и куда мне удалось бы устроиться, бог знает. Луиза избавила меня от этой печальной необходимости. Но не мог

же я спокойно тратить ее деньги... да и не так уж их много было, этих денег, а сейчас они подходят к концу. Мне необходимо было обогнать самого себя. Вы, надеюсь, поймете, что дело тут совсем не в честологии. Будь я богат и молод... – Он опять замолчал, потом отрывисто проговорил, глядя в потолок: – Постарайтесь забыть все это. Просто я слишком долго жил в одиночку и молчал...

Сказав это, он снова схватил записи Мишеля. Альбер взялся за книгу, но читать не мог. Он встал, пошел к Раймону – тот читал детективный роман, поглядывая на спокойно лежащего Поля, – посмотрел, как Мишель ходит вдоль лабораторных столов, делая записи, и снова вернулся к профессору Лорану. Тот по-прежнему шуршал листами; лицо у него было напряженное, побелевшие губы так сжались, что стали еле заметны.

– По-моему, вам надо отложить это чтение до тех пор, пока вы не окрепнете, – мягко, но решительно сказал Альбер.

Профессор Лоран ничего не ответил. Подошел Мишель и некоторое время молча смотрел на него.

– Лечение не даст никаких результатов, если вы будете так перенапрягаться. Чтение записей вам сейчас не по силам, – сказал он наконец тоном учителя, делающего замечание шаловливому школьнику.

– Оставь меня в покое, – пробормотал профессор Лоран, не поднимая глаз от рукописи.

– Сейчас вам надо выпить шоколаду, принять микстуру номер четыре и постараться заснуть, – настаивал Мишель.

– Хорошо, – продолжая читать, сказал профессор, – я выпью.

Альбер неслышно вошел на кухню и очень удивился. На табурете у окна сидела Луиза, в черном кимоно с серебряными цветами и алыми птицами.

– О, вы в самом деле так думаете, Роже? – смеясь, спрашивала она.

– Готов поклясться! Не будь я Роже Леруа! – азартно кричал Роже.

Увидев Альбера, Луиза принужденно кивнула, плотнее запахнула полы кимоно и ушла. Роже с неудовольствием посмотрел на приятеля.

– Сейчас я тебе подогрею шоколад, – сказал он ворчливо. – Сидите там, наверху, как проклятые, а бедная девочка скучает. И за все должен отвечать Роже Леруа!

– Действительно, тяжелая для тебя нагрузка – болтать с хорошенькой женщиной! – засмеялся Альбер.

– Ну, надо же как-то помочь малютке! Она и так измучилась, а тут еще волнуется за своего красавчика из редакции. Что я, по-твоему, должен делать?

– Ты что, нуждаешься в моих советах по этому поводу?! – Альбер изобразил крайнюю степень удивления.

– Без тебя справлюсь, ясно, – ухмыльнулся Роже, наливая шоколад в чашку. – Вот, и еще пускай профессор съест кусок бисквита... Эх, если б не этот долговязый Раймон...

– Ты, по-моему, совсем забываешь, что Луиза – жена профессора, – огорченно сказал Альбер. – Как-то нехорошо все это выглядит...

– Да иди ты! – Роже повернул его за плечи к двери, сунул в руки поднос.

– Я тебе вот что скажу: у такого мужа всякий порядочный парень просто обязан отбить жену.

– Почему? – серьезно спросил Альбер.

– А вот потому. Я ж тебе говорил, какое у меня правило: не оставлять женщину без защиты. Понял?

И Роже подтолкнул его к двери.

Профессор Лоран покорно отложил рукопись, выпил шоколад, проглотил микстуру и лег на спину, закрыв глаза. Через некоторое время он начал дышать ровнее и глубже, лицо его стало спокойным.

В открытую форточку пахнуло ветром, листки рукописи с легким шелестом разлетелись по полу. Альбер, осторожно двигаясь, стал подбирать их, склады-

вать по порядку. «Первая, вторая... ага, вот где третья... теперь подряд: десятая, одиннадцатая, двенадцатая... где же четвертая? Нет, это седьмая...»

На одной странице он запнулся. Он уже не мог оторваться:

«Меня окружает хаос света и теней, неясных форм и линий, бесконечное разнообразие цветов. Это неприятно и утомляет. Я пробую понять, что это такое. (Так примерно я ощущал окружающее тогда, в первые дни после того, как получил зрение. Сейчас мне трудно полностью воссоздать свои тогдашние ощущения: они хаотичны, смутны и лишены ощутимой логики. Главное – они не выражались в словах, и потому особенно трудно уловить и передать их.)»

Альбер опустил на стул, продолжая читать. Что-то заставило его поднять глаза, он встретил взгляд профессора Лорана и, мучительно покраснев, выронил листок.

– Ничего, читайте, это интересно, – безучастно сказал профессор Лоран и снова закрыл глаза.

Альбер, приложив руки к горящим щекам, с минуту смотрел на него: он, по-видимому, заснул. «В самом деле, ведь это научные записи, что тут такого, – сказал он себе. – Плохо только, что я заранее не спросил разрешения...»

Но, прочитав еще десяток-другой страниц, он понял

смысл загадочных предупреждений Мишеля: «Я записывал все подряд». По мере того как мозг Мишеля получал все больше информации от внешней среды, его способность анализировать возрастала. Это, должно быть, отчасти походило на ощущения грудного ребенка – конечно, лишь отчасти, потому что мозг Мишеля к тому времени, к которому относилось начало записей, был неизмеримо более развит, чем мозг новорожденного, а вместе с тем он вначале не имел зрения, да и слух, по-видимому, получил не сразу. Было необычайно интересно следить по этим педантичным записям, как постепенно познается мир – очень ограниченный, тесный, но полный неисчерпаемого разнообразия для того, кто впервые начинает слышать, видеть, говорить, потом медленно и неуверенно передвигаться.

И вот, по мере того как сознание Мишеля развивалось, по мере того как он, оставаясь еще неподвижным и безгласным, стал многое понимать, в записях начали появляться такие фразы, читая которые Альбер смущенно поглядывал на профессора Лорана – может быть, это ему не следовало читать... Но тот спал, а материал был слишком необычным, и Альбер, поколебавшись, продолжал читать:

«Сегодня близко от меня разговаривали двое. Я знаю, как их зовут. Высоким звучным голосом гово-

рит Мадлен. У Клода голос ниже, глуше, он мне приятней. (Я тогда еще не понимал разницы между полами. И ничего не понимал из их разговора. Это – чисто механическое запоминание и воспроизведение. Когда звуки удалялись, я переставал их воспринимать. Поэтому я помню только разговоры, происходившие вблизи от меня.) Мадлен и Клод, очевидно, смотрят на меня, я их вижу плохо, как смутные цветочные пятна. Клод говорит: „Анри и Жюльен напрасно занимаются этим. Даже если можно вырастить вполне нормальный мозг отдельно от всего организма, которым он призван управлять, то как можно присоединить его потом к чужой нервной системе, и без того жестоко травмированной? Как восстановить нервные пути? Да и главное – ведь в нервной системе необратимые изменения начинаются уже через три-четыре минуты после наступления клинической смерти. Какой же смысл проделывать сложнейшую операцию, если она заранее обречена на неуспех?“ Голос Мадлен: „Все-таки это чудо, то, что они делают. Но, помо-ему, у них какие-то другие цели, не те, что у всех нас“. Клод: „Мне тоже иногда так кажется. А ты не пробовала спросить?“ Мадлен: „Я ведь почти не вижу Анри за последнее время. Он часто остается на ночь здесь вместе с Сент-Ивом, а утром, когда он приходит, я уже тороплюсь в клинику... И вообще мы мало

говорим“. Клод: „Я многого не понимаю в тебе, Мадлен... Если все это так...“ Мадлен: „Не стоит об этом говорить. У нас у всех общая цель. И лучше всего пока молча работать... Посмотри, ведь по размерам это уже мозг взрослого человека. И большой вдобавок“.

Клод: „Неполноценный. Мозг, почти не имеющий рецепторов, лишенный речи и движения, с неразвитой обратной афферентацией, – разве это мозг? Годовалый ребенок, еле научившийся ходить и лепечущий первые слова, – бог перед этой неподвижной немой нервной тканью. Нет, это нелепая затея, Мадлен, и наш долг – убедить Анри и Жюльена бросить свою сепаратную линию. Они ведь стали манкировать общими опытами, это уже всем заметно“.

На следующих страницах опять несколько раз воспроизводились разговоры Мадлен и Клода. «Мадлен – это, должно быть, жена профессора Лорана, – думал Альбер. – Ведь Раймон говорил, что жена его оставила. Жюльен – это, конечно, Сент-Ив. Кто такой Клод? Вот опять они разговаривают: очевидно, наедине. Перед этим – общий разговор о блестящей операции пересадки печени».

«Клод говорит громче обычного: „Это, наконец, нелепо! Если Анри не хочет работать с нами, пускай прямо скажет! Но так дальше нельзя!“ Мадлен: „Я думаю, ты несколько преувеличиваешь. Анри продолжа-

ет интересоваться общими делами лаборатории. Но у него странный и очень трудный характер. Потом – он ведь не хирург, и его наша блестящая операция не так радует, как нас с тобой. Мы – практики и радуемся, что спасли еще одного человека. А для него это – лишь случайно удавшийся опыт, который вовсе не доказывает, что мы научились побеждать биологическую несовместимость. Он ответил тебе грубо, нелепо, я очень огорчилась. Но кто знает, может быть, он видит...” Клод: „Ничего он не видит, уверяю тебя, ему ни до чего нет дела. Если б кто-нибудь из нас внезапно умер, даже ты, его по-настоящему взволновало бы одно: не удастся ли тут же, на месте, вскрыть череп и посмотреть еще теплый мозг!“ Пауза. Голос Мадлен, тихо: „Ты несправедлив к Анри. Он целиком поглощен наукой, это правда, он позабыл обо всем, но не нам его за это порицать...” Клод: „Разве ученый, даже самый гениальный, имеет право не быть человеком?“ Мадлен: „Не знаю, Клод. Но он находится в таком страшном, сверхчеловеческом напряжении. Он просто не может ни о чем думать. Для него существуют только опыты. И Жюльен...” Клод: „Еще бы! Без Жюльена ему с этим не справиться! Но человеческое обаяние Жюльена Сент-Ива для него не существует, уверяю тебя. И, если понадобится, он с легким сердцем пожертвует своим товарищем“. Мадлен: „Ты же-

сток и несправедлив“. Клод: „А ты? Что тебя с ним связывает? Ну, что?“ Мадлен: „На такие вопросы трудно ответить. Мы прожили с Анри семь лет. Мы были счастливы. Так легко этого не забудешь. И ты не должен торопить меня. Мы не дети“.

Альбер отложил листы. Ему стало стыдно. Надо было остановиться раньше, но кто знал...

– Все равно... – Профессор Лоран заговорил так неожиданно, что Альбер вздрогнул. – Все равно вы это узнали бы... да и какая разница...

Он протянул руку к листам. Альбер почему-то впервые заметил, как изменились эти сильные, прекрасно вылепленные руки: кожа стала желтоватой, как воск, пальцы исхудали так, что на них четко проступали суставы. Альбер с тревогой подумал, что диагнозу Мишеля, пожалуй, доверять не стоит. Он взял профессора Лорана за руку: пульс был очень слабый и неровный.

– Я понимаю, что сюда нельзя вызывать врача, – сказал Альбер. – Но если мы снесем вас вниз и достанем такси?

– Думаю, что в этом пока нет необходимости. – Профессор Лоран быстро поглядел на него. – А почему вы вдруг об этом заговорили?

– Мне не нравится ваш вид. И пульс плохой.

– Надо, по-видимому, отлежаться. Перенапряже-

ние плюс Сиаль-5 слишком долго и слишком часто. Мишель прав! Я исчерпал все свои резервы... – Впервые на лице профессора Лорана выразился страх. – Я совершенно не представляю себе, что было бы, если б не вы...

Он долго молчал, закрыв глаза. Лицо его подергивалось.

– Я попробую опять уснуть, – сказал он. – Вы не сидите около меня, я стал невозможным эгоистом. И вообще, как мне кажется, я позволил себе расклеиться именно потому, что появились вы трое и есть на кого положиться... Идите, Дюкло, спасибо за все.

– Мне пора сменять... – Альбер чуть не сказал: Раймона – и прикусил язык.

Зайдя за ширму, он шепотом спросил Раймона:

– Вы не знаете, где сейчас первая жена профессора?

– Она вышла замуж за профессора Демаре, главного хирурга той клиники, где она работает. Она тоже хирург.

– Понятно! – задумчиво сказал Альбер и уселся у изголовья кушетки.

Раймон потянулся, зевнул.

– Я пойду прогуляюсь, – заявил он. – Хоть полчаса, ладно?

– Конечно, – сказал Альбер рассеянно, глядя ку-

да-то на стенку. – Полчасика...

Раймон засмеялся. Чудак Альбер ему нравился. «Если б не этот чертов проныра Роже, мы бы прекрасно поладили», – думал он, спускаясь по лестнице.

У Луизы сидел Роже. Раймон сделал безразличное лицо.

– Как ваше здоровье? – спросил он, с подчеркнутой вежливостью целуя ее легкие, холодные пальцы.

Луиза несмело улыбнулась и посмотрела на него широко раскрытыми сияющими глазами. Роже начал насвистывать какую-то залихватскую мелодию и спрыгнул с подоконника.

– Ну, я пойду, – сказал он, смерив Раймона своим насмешливым взглядом.

– Не понимаю, какое удовольствие вы можете находить в его обществе, – довольно сухо заметил Раймон. – Именно вы...

– Именно я... – печально и кротко сказала Луиза. – Я всегда одна. А Роже очень добрый и веселый. Я знаю, он вам не нравится: Но у него золотое сердце.

Раймон задумался. Он сам не понимал, что с ним делается. Он как будто не очень тосковал по Луизе, сидя там, наверху, около этого кретина Поля. Когда он сказал Альберу, что хочет пойти прогуляться, ему и в самом деле больше всего хотелось на часок вырваться из этого мрачного дома, подышать свежим

воздухом, а заодно позвонить шефу. Но его сейчас же потянуло к Луизе, и возле нее он испытывал и нежность, и ревность, и такое душевное смятение, какого ему раньше не доводилось испытывать. «Что же делать? – опять и опять думал он, целуя пальцы Луизы. – Вот уж не ожидал, что со мной может случиться такая история...» Раймон еще не думал о браке, но в принципе предполагал, что женится когда-нибудь на девушке из хорошей семьи... Конечно, девушка должна быть хорошенькой, живой, неглупой... да и приданое не помешало бы. Но влюбиться в чужую жену, да еще в таких обстоятельствах... просто черт знает что! «Ну хорошо, а если Луиза все-таки согласится разойтись с мужем, ты в самом деле хотел бы жениться на ней?» У Раймона сердце екнуло, когда он задал себе этот вопрос. Жениться? В двадцать пять лет, на своей ровеснице, женщине исстрадавшейся, измученной, может быть, тяжело больной... Кто знает, как долго на ней будут отзываться все эти переживания...

– Раймон, – словно угадав его мысли, тихо сказала Луиза. – Когда вы со мной, мне так хорошо... Я слишком устала, чтоб думать о завтрашнем дне, а сегодня я счастлива... почти счастлива, несмотря на все... Я так благодарна вам...

Раймон чуть не расплакался – впервые с тех пор,

как стал взрослым. Он не смог ничего сказать, лишь снова поцеловал руку Луизы.

– Вот что: я хочу повидаться с Луизой, – сказал Пейронель (Раймон слышал в трубке его тяжелое, астматическое дыхание). – Скажите, чтоб завтра в двенадцать дня она ждала меня в сквере на площади Шопена.

– Я передам, – сказал Раймон. – Как получились фотографии?

– Превосходно! – шумно дыша, ответил Пейронель. – Вы молодец. Это все похоже на страшную сказку... Кстати, сделайте несколько снимков профессора Лорана. Жаль, что нельзя снять вас, например, когда вы беседуете с Мишелем... это было бы здорово!

Раймон сам уже думал об этом, но на помощь Альбера нечего было и рассчитывать. Все дело погубишь, если к нему обратиться...

– Как у вас с деньгами? – спросил Пейронель. – Зайдите в редакцию завтра или послезавтра, когда удастся: я вам выпишу деньги.

Раймон медленно шагал по зеленым чистым улицам Пасси, украшенным именами писателей, художников и композиторов всех времен и народов. Тут по-дружески встречались Грез и Дега, Рафаэль и Ро-

ден, Петрарка и Леконт де Лиль, Диккенс и Марсель Пруст... Раймон шел и усмехался, поглядывая на таблички: вот он свернул с улицы Лафонтена по улице Милле на улицу Теофиля Готье, потом прошел по улице Жорж Занд и, пересекши авеню Моцарта, попал на улицу Генриха Гейне.

Он вспомнил, как в прошлом году, ища приятеля, который поселился неподалеку от кладбища Отейль, попал в путаницу кривых переулков с именами Буало, Расина, Корнеля, Вольтера, Мольера и, озадаченный этим скоплением великих, не сразу вспомнил, под чьей же сенью обитает чужак приятель: Корнеля или Расина...

Что-то смутно беспокоило его, пока он лениво шагал, засунув руки в карманы своей серой куртки. Куртка была сильно поношена, но все же сохраняла элегантный вид. Он нарочно выбирал что-нибудь попроще и победнее, когда шел к профессору Лорану: ведь он провинциал, да еще и безработный. Но Роже все считает чересчур шикарным – и эту куртку, и плащ, совсем обыкновенный дождевик, и туфли, и, уж конечно, то, что он, Раймон, носит нейлоновые рубашки. «Но тут уж дудки, так далеко я не собираюсь заходить в маскировке: рубашка у меня должна быть чистой, а этого можно добиться только с нейлоном – выстирал под краном и опять надел... Впрочем, что удивитель-

ного, ведь Роже и Альбер – самые настоящие безработные, без всякой маскировки... От них до сих пор несет ночлежками, людским потом, пылью, дождем... черт знает чем. Нет, это мне только кажется, ведь они сразу начали мыться и чиститься, как попали под крышу, а Роже чистоплотен, как кошка, и к тому же из кожи вон лезет, чтоб понравиться Луизе... Да, Луиза... Что она скажет завтра Пейронелю? Женщины все-таки народ ненадежный, даже самые лучшие из них...»

Теперь Раймон понял, что беспокоило его все время после разговора с Пейронелем. «Да, запутанный узел... Но что она может, в сущности, сказать обо мне плохого? Решительно ничего... Однако если Луиза признается Пейронелю, что любит меня, и старик, со свойственной ему энергией, начнет устраивать счастье своей любимицы... От Пейронеля не отвертись... Да, но и это, если подумать, не так плохо: мощная поддержка обеспечена, пока жив Пейронель, ну, а Луиза... что ж, ведь я ее люблю, не так ли?»

Он повернул назад. На авеню Моцарта ему загородила дорогу тоненькая элегантная девушка с густой копной черных волос.

– Не узнаешь?

– Узнаю, Нинетт, – улыбаясь, сказал Раймон. – Ты что же, район переменяла?

– Нет, я тут случайно. Свободен?

– К сожалению, занят. Да ты и без меня заработаешь достаточно. Выглядишь как звезда Голливуда.

Раймон смотрел на Нинетт с удовольствием: она и в самом деле выглядела шикарно и была совсем молодая. Неплохо бы после всей этой адской кухни профессора Лорана провести вечер с такой красоткой... и деньги есть. Да нет, куда там! Раймон вздохнул.

– Желаю удачи, малышка! Завидую тому, кто оплатит твой сегодняшний ужин!

Нинетт расхохоталась, показав ослепительно белые зубы, и медленно пошла по авеню Моцарта. «Ладно, у меня впереди и это, и многое получше этого! – сказал себе Раймон. – Мне только двадцать пять лет!»

– ...Как я выгляжу, Дюкло? – спросил профессор Лоран.

Альбер одобрительно кивнул. Сегодня профессор Лоран выглядел лучше, заметно лучше. Теперь уже видно, что Мишель добился-таки успеха: перелом наступил.

– Я думаю, вы скоро сможете выходить в сад, – сказал Альбер. – Но пока не вставайте.

– Да уж, я слушаюсь Мишеля... Дюкло, вы все прочли? – Он указал на записи Мишеля.

– Да. Это необычайно интересно.

– Еще бы! Единственный в своем роде документ. Я

сам ничего подобного не ожидал. От запоминал, даже не понимая: ведь эти разговоры не выдумаешь. Да и наши разговоры с Сент-Ивом прямо-таки законспектированы... – Профессор Лоран слегка прикусил нижнюю губу и пробормотал деланно равнодушным тоном:

– Вы, очевидно, поняли из этих записей, что моя жена, активная участница наших опытов, разошлась со мной. Причины тут другие, чем можно судить по отрывочным записям Мишеля, но... да, в общем, все равно! Так или иначе, а это случилось, и, надо признаться, совершенно неожиданно для меня... – Он помолчал. – Но я не об атом. Пойдите сегодня после обеда к Шамфору, попросите его прийти ко мне. Мне нужно поговорить с ним о заказах... Кое-что, видимо, придется изменить... Мишель! Франсуа! – позвал он.

Подошли Мишель и Франсуа. Они остановились, выжидательно смотря на профессора.

– Я решил делать тебе операцию, Франсуа, – сказал профессор Лоран. – Ты получишь возможность говорить. Ты хочешь говорить?

Франсуа поспешно кивнул своей большой круглой головой. На темном лице его проступило нечто вроде улыбки. Альбер смотрел на него с симпатией. Этот неуклюжий, но умный и обычно очень добродушный силач нравился ему больше всех обитателей лабора-

тории. Мишель уж слишком деловит и точен, как автомат, и совершенно лишен всяких эмоций, если не считать властолюбия; Поль и сначала-то был полудиотом, а сейчас и вовсе невменяем, а Пьер – лишь уродливое подобие человека. Действительно, как хорошо было бы, если б Франсуа научился говорить!

– Заодно я сделаю тебе новое лицо, – сказал профессор Лоран. – Ты должен выглядеть хорошо.

Франсуа опять закивал, соглашаясь.

– Ему все равно, какое лицо, лишь бы научиться разговаривать, – произнес Мишель, слушавший все это с неодобрительной гримасой.

– Но ты-то понимаешь, что ему нужно лицо? Кстати, не хочешь ли ты тоже получить новое лицо?

– Я? – Мишель недоумевал. – Но зачем же? Ведь у меня лицо вполне правильное.

– Слишком правильное, в том-то и дело. Но ты этого не понимаешь.

– Я действительно не понимаю, как может что-нибудь быть слишком правильным. Я думаю, вы опять шутите... Но когда же вы рассчитываете сделать операцию? Ведь вы еще очень слабы.

– Через неделю! – бросил профессор Лоран тоном, не допускающим возражений. – Я к этому времени поднимусь. Отдохну потом, вместе с Франсуа будем лежать, и ты нас будешь лечить.

– Это неправильное решение, – строго сказал Мишель. – Операция очень сложна и тяжела, вы не справитесь.

– Не беспокойся. Я справлюсь.

– Потом – Поль. Запах крови, вся обстановка операции может очень тяжело повлиять на него. Он ведь все время боялся операции, с этого и началось все.

– Полю придется дать снотворное. Можно даже сделать укол Т-24. Прошло уже много времени, вся доза давно уже выведена из организма.

– Пьер тоже опасен. Наконец, я сам боюсь операции.

– Ты? Но ведь тебе я не буду делать операцию, раз ты не хочешь!

– Я знаю. Но я боюсь, что, когда вы будете делать операцию Франсуа, со мной случится приступ.

Профессор Лоран разозлился:

– Мишель, не говори глупостей! Не запугивай меня! Ничего с тобой не случится! И операцию необходимо сделать, ты же знаешь!

– Надо делать ее позже.

– Не надо позже. Надо через неделю. И я сделаю ее через неделю. Как только Шамфор добудет мне все необходимое.

– Я еще раз предупреждаю вас, что это может привести к катастрофе. Советую отложить операцию.

Мишель ушел к своему рабочему столику. Профессор Лоран досадливо пожал плечами:

– Нет, вы видели, Дюкло, до чего он усложнился! Властность, настойчивость, вранье насчет страха и мрачных предчувствий... Вот тебе и идеальный секретарь, о котором мы мечтали с Сент-Ивом!

– Но почему вы думаете, что Мишель врет, когда говорит, что боится катастрофы? – решил возразить Альбер. – Мне его рассуждения показались вполне убедительными...

– Хоть вы-то не говорите глупостей, Дюкло! Ведь нас же четверо. В самом худшем случае, если даже с Мишелем случится приступ, Франсуа будет под наркозом, Поля мы тоже усыпим. Неужели вы втроем не справитесь с Пьером и Мишелем?

– А если вам станет плохо, кто закончит операцию?

– Мне не станет плохо во время операции. Потом – может быть, но потом – не так уже страшно, я отлежусь. Идите к Шамфору, Дюкло.

Шамфор был на этот раз очень приветлив, даже сердечен.

– Рад видеть вас, мой мальчик! Проходите в кабинет.

Коричневый гигант сидел в углу за столиком, просматривал журналы и что-то записывал. На плече у

него улегся большой пушистый кот, желтый, как солнце.

– Фанфан-Тюльпан, что за выдумки! – Шамфор снял кота, заглянул в его янтарные прозрачные глаза. – Ты, я вижу, совсем освоился с Сократом.

– А как Сократ к нему относится?

– Ну, как он может относиться к коту? Сократ, что ты сделаешь, если Фанфан-Тюльпан окажется у тебя на дороге?

– Осторожно обойду, чтоб не раздавить. Еще лучше – переставлю его на подоконник или шкаф.

– Правильные действия, но неправильное выражение. Кот – живое существо, а не вещь. Его нельзя переставлять.

– Да, но он не разговаривает, – словно извиняясь, сказал робот.

– Конечно. Кроме того, он еще и чертить не умеет. И все же его следует переносить или пересаживать, а не переставлять. Понял, Сократ?

– Я понял.

– Видите, как у нас идет жизнь! – Шамфор захохотал. – Семейные радости! А у вас там что новенького? Да вы садитесь!

Выслушав рассказ Альбера, Шамфор возмущенно взмахнул руками и забегал по комнате, ероша свои густые курчавые волосы.

– Нет, но это же просто сумасшествие! – кричал он. – Что Лоран скоро свалится, это я видел. Но лежать в таком состоянии там... мой бог, это чудовищно! И Мишель в роли придворного врача! Да он уморит Лорана, этот ваш умница!

– Мишель очень знающий и деловой... – Альбер загнулся: слово «человек» ему показалось все же неподходящим. – И он первый предложил профессору ехать лечиться и отдыхать.

Шамфор остановился так круто, что чуть не упал.

– Ах, вот как, он сам это предложил! – Он задумался, постоял раскачиваясь. – Да... все-таки до чего фантастична и нелепа наша эпоха! Ядерная энергия и полупроводники, полеты в космос и такие создания, как мой Сократ и его старшие, менее умные братья и сестры, и в то же время черт знает какая дикая путаница в умах людей, которые творят все эти чудеса! И Лоран – великолепный тому пример. Ну, ведь вы сами понимаете: он чудотворец. А вместе с тем...

– Послушайте... – робко проговорил Альбер. – Мне казалось, вы не очень одобряете то, что делает профессор Лоран?

– О мой бог! Да я не очень одобряю и то, что делали другие чудотворцы, в том числе Иисус Христос! Превращение воды в вино – это, конечно, неплохой номер, и жаль, что его секрет утерян. Но стоило ли,

например, топить целое стадо ни в чем не повинных свиней, для того чтобы привести в чувство одного истерика? Я бы назвал такой способ лечения и жестоким, и неэкономным. Воображаю, что сказали по поводу этого чуда хозяева утопленных свиней! У Лорана есть некоторые коренные свойства чудотворцев: они далеко не всегда знали, зачем делают именно это, а не что-нибудь другое и почему именно таким образом, а не другим. И еще: они никому не могли передать секреты своего производства.

– Что же тут общего? – нахмурившись, спросил Альбер: он вспомнил рассказ профессора Лорана о том, как все началось у них с Сент-Ивом.

Шамфор приблизил темно-карие живые глаза к лицу Альбера.

– Вы любите его, мой мальчик! – сказал он. – Это с вашей стороны очень хорошо. Я, слово чести, сколько бы ни злился на Лорана из-за Сент-Ива, я сам восхищаюсь им. Но вы должны любить с открытыми глазами. Лоран – фанатик, сумасшедший, он погубил Сент-Ива, сам стоит на пороге смерти и подвергает опасности всех, кто рядом с ним. Да, я знаю, вы все там молодые, здоровые, смелые, вы думаете, что справитесь с любой опасностью. Но всего не предусмотреть. Кстати, Лоран продолжает опыты со стимуляторами и с гормонами?

– Нет. Поль все еще болен, из-за него профессор боится трогать Пьера: эти двое как-то очень связаны друг с другом. С Мишелем сейчас тоже нельзя экспериментировать, он во многом замещает профессора...

– Хм, он предложил его вообще заместить, значит! Любопытный субъект...

– При нашей помощи, – сказал Альбер. – А Франсуа решено готовить к операции. Главным образом из-за этого я к вам и пришел...

– Ладно, – сказал Шамфор, выслушав Альбера. – Я пойду и посмотрю на месте, как обстоит дело, раз уж мне все равно надо идти в этот ваш паноптикум. Но, во-первых, я согласен с этим чертовым Мишелем, что операция совсем не ко времени во многих смыслах. А во-вторых, я хочу вам кое-что объяснить для вашей же пользы, мой мальчик. Постарайтесь правильно понять. Я повторяю для начала, что достижения Лорана поистине чудесны. Его Мишель, в сущности, такая же конструкция из пластмасс и полупроводников, как мой Сократ. С одним отличием – у него живой человеческий мозг. И этот мозг делает его человеком, с такими достоинствами и недостатками, которые могут быть присущи лишь человеку. Мой Сократ никогда не предложил бы замещать меня, хотя он в этой роли был бы куда надежней, чем Мишель в роли заместителя Ло-

рана. У него нет честолюбия, эгоизма, страха, но зато нет и настоящей широкой инициативы, игры воображения, богатства эмоций...

– Ну, у Мишеля тоже нет ни эмоций, ни воображения.

– И все-таки Мишель – человек, хотя и неполноценный, – сказал Шамфор. – Если б такой тип оказался среди людей, его бы почти наверняка отправили в психиатрическую лечебницу, несмотря на все его поразительные способности... Но я не об этом. Я хочу сказать, что, как бы мы с вами ни восхищались гением Лорана и его бешеным упорством, все-таки факт остается фактом: он не решил той основной задачи, над которой сейчас бьются ученые во всем мире, – он не раскрыл тайны сознания, не смог изучить сложнейший механизм головного мозга. Ведь вы понимаете, что он сделал? Он вырастил в лаборатории человеческий мозг, более или менее жизнеспособный, несмотря на неестественные условия, в которых этот мозг находится. Он вырастил таким же искусственным путем и весь человеческий организм – ну, пускай неполноценный, пускай с пониженной жизнеспособностью и работоспособностью, но все же! Это при современном уровне развития биохимии и нейрофизиологии настоящее чудо. Лоран далеко обогнал свой век. Но ведь не даром Лоран не может толком отве-

тить, во имя чего он совершил это чудо. Конечно, он приготовил ответ, но какой нелепый, вы же сами слышали.

– Но ведь если в мире многое изменится, – сказал Альбер, – ну, если на всем земном шаре будут свобода, равенство и братство, – тогда воздействие на человеческий мозг может пойти правильным путем? Вы в принципе считаете возможным усовершенствование мозга?

– Да, конечно. Как считаю в принципе возможным наступление всеобщей свободы, равенства и братства, уничтожение неграмотности, дикости, болезней. Не только возможным, но и необходимым, неизбежным. Другой вопрос, доживем ли мы до этого. Сомневаюсь, даже по отношению к вам. А решать все вопросы нам с вами приходится, учитывая современную обстановку. Но ответ Лорана нелеп вдвойне, он трагически нелеп. Я, собственно, потому заговорил о политической стороне вопроса, что меня поразило, как это Лоран, мой товарищ по маки, хороший боец, вдруг несет такую чушь, будто с луны свалился! А ведь можно было бы и не говорить обо всем этом. К чему? Ведь Лоран вовсе не научился управлять сознанием. Способности Мишеля и Франсуа случайны и сомнительны; даже если допустить, что Лоран и в дальнейшем сможет получать такие же результаты, как в этих двух

случаях (пока всего в двух, заметьте, мой мальчик!), то надо еще проверить, насколько они устойчивы и не перекрывается ли их польза многими и сейчас хорошо заметными недостатками развития. Давайте-ка сообразим, что получается. Лоран вырастил четыре мозга. Три из них существуют отдельно от живого организма, значит, в условиях явно неестественных. Один – у Поля – управляет, как и положено человеческому мозгу, живым организмом и находится с ним в естественной неразрывной взаимосвязи. Электроды вживлены во все четыре мозга. Питание у всех одинаковое. Так почему же способности какого бы то ни было рода удалось развить только у двоих? Вдобавок, именно у тех, кто был создан раньше, а не наоборот, как можно было бы ожидать! Лоран объясняет, что Поль был оставлен для контроля, а у Пьера мозг сильно поврежден.

– Это правда, – поторопился сказать Альбер. – Мишель рассказывал мне, что Франсуа и Поль ни с того ни с сего начали бегать по лаборатории и все опрокидывать. Профессор в это время был внизу, и, прежде чем Мишель успел вмешаться, они натворили массу бед. Термостат, где лежал в питательной среде мозг Пьера, они тоже опрокинули. Мишель, конечно, сейчас же кинулся спасать мозг, но повреждения уже не удалось ликвидировать.

– Вот видите – не удалось! Это тоже очень показа-

тельно. Но ладно, сбросим Пьера со счетов. Однако почему же «контрольный» Поль получился полуидиотом, психически больным? Ведь не этого же хотел Лоран?

– Так ведь это совсем другой вариант работы. Поль рос слишком быстро для нормального организма. Отсюда его слабость и неустойчивость.

– Ну, прежде всего нельзя тогда говорить: это, мол, контрольный экземпляр, а надо честно сказать: неудача. Но все-таки, если электропроцедурами, витаминами, гормонами – чем там еще оперирует Лоран, – если всем этим можно хоть отчасти влиять на работу головного мозга, то как же было не повлиять своевременно на Поля? И почему сейчас Лоран не пробует пустить в ход свои процедуры, когда Поля надо вывести из тяжелого состояния?

– Поль сейчас слишком слаб...

– ...чтоб подвергать его случайностям и неизвестным опасностям? Да. Но в том-то и дело: если б Лоран добивался честных, надежно проверенных на эксперименте научных результатов, а не бил на эффект, на чудо, на шумный успех у профанов, то он знал бы, что можно, а чего нельзя делать, он должен был бы это знать! Нет, мой мальчик, человеческий мозг и для Лорана, как это ни печально, остался «черным ящиком». Мы знаем, какая информация входит туда, внутрь, и

какие выводы делаются из нее, но как, где, какими путями идет этот самый анализ и отбор, мы не знаем. Хотя речь идет о нас самих! Смешно, не правда ли? Но что поделаешь! Мы знаем пути движения далеких звезд, мы можем предсказать лунные и солнечные затмения, а не понимаем, как же наш мозг всего этого добивается. Да что там! Леверрье и Адамс при помощи карандаша и бумаги нашли невидимую до тех пор планету Нептун, сказали, что она должна существовать именно в том месте, а не в другом. А вот попробуйте объяснить, почему Фанфан-Тюльпану вздумалось в эту минуту перебраться со шкафа на спинку кресла. Мы этого пока не можем, несмотря на все гениальные опыты Павлова с животными.

– Психика кота, конечно, проще, чем психика человека, – оказал Альбер, глядя шелковистую желтую спину Фанфан-Тюльпана. – Но я помню, что еще на одной из первых лекций профессора Лорана меня поразило, как мало мы знаем о самих себе. Носить под черепом устройство такой невероятной сложности – и не понимать, как оно действует, подходить к нему чисто эмпирически... это же просто нелепо!

– Конечно! И вот в том-то и беда, что Лоран тоже ничего почти не объяснил в этом сложном деле. Больше того, все его результаты сомнительны. Он вынужден был из-за одиночества, нехватки сил, нехватки

материальной базы гнаться за результатами, эффективными для профанов, во что бы то ни стало. Этих результатов он, как вы видите, добился, но средствами, недостойными настоящего ученого, тем более ученого такого масштаба, как Лоран. Он опускал важнейшие звенья, он не оставлял вех на своем пути. Вы понимаете, о чем я говорю? Человек должен проложить дорогу другим через громадный лес, полный тайн и опасностей. Он кое-где идет по тропинкам, где-то чуть не тонет в трясине, где-то натывается на ядовитых змей или хищных зверей, где-то прорубается через сплошную чащу, а потом, израненный, обессиленный, видит, что можно было пройти другим, более простым и безопасным путем. И вот он выходит на опушку, и лес, казавшийся неприступным, пройден, ну, пусть не насквозь, пусть не через центр, но пройден. В лесу погиб его лучший друг; сам он измучен так, что неизвестно, долго ли ему осталось жить. Он герой? Он мученик во имя идеи? Да, разумеется! Но как быть другим, которые должны будут пойти вслед за ним? Он так торопился, что не мог расставить вехи, показать другим, где и как идти, где гнезятся ядовитые змеи, как пройти болотную топь, густые заросли, с какого дерева виден дальнейший участок пути. Всем придется проходить этот путь заново, подвергаясь тем же опасностям, приходя в отчаяние, попусту тратя силы там,

где их можно было бы сберечь. Вот что такое фактическое отсутствие экспериментальной базы, строгой и точной проверки опытом.

– Неужели это так? – спросил Альбер; у него сердце захолонуло. – Неужели вся эта гениальная работа даст такой нестойкий и незначительный результат? Мне трудно в это поверить!

– Конечно, трудно. И все же научный результат, добытый Лораном, невероятно мал по сравнению с тем, что можно было и обязательно следовало извлечь из такой работы, поразительной по замыслу, размаху, по фанатическому упорству, с которым она делалась.

Шамфор встал:

– Так что ж, пойдете. Сократ, ты продолжай составлять сводку, я вернусь часа через два-три.

– До свидания, Сократ, – сказал Альбер, помахав рукой.

– Я не понимаю, – ответил робот.

– Сократ, это значит, что Альбер надеется снова увидеть тебя, – сказал Шамфор. – Нет, таким вещам я его не учил. Ему, конечно, ничего не стоит выучиться формальной вежливости. Но не стоит загромождать этот великолепный мозг всякой старой рухлядью. Пускай уж лучше Фанфан-Тюльпан занимается сантиментами. Видите, как он вас провожает? Вы ему определенно понравились.

Кот, мурлыча, терся о ногу Альбера. Альбер взял его на руки: он любил кошек, а Фанфан-Тюльпан был очень красив.

– Хотел бы я, чтобы в нашей лаборатории был вот такой красавчик, – сказал он, опуская кота на пол.

– А вы заведите, – посоветовал Шамфор. – Интересно, как ваши подопечные к этому отнесутся. Они ведь ничего такого просто не видели. Вначале Лоран и Сент-Ив вели опыты с белыми мышами и кроликами, а теперь, насколько я понимаю, Лоран и этого не делает. Пробует все сразу на своих питомцах и на самом себе. Опять-таки потому, что времени нет! Ах, это ужасно, мой мальчик, ужасно, у меня сердце сжимается, когда я думаю об этом! Заплатить жизнью Сент-Ива, гениального человека, да и своей, в сущности, и за что? За то, чтоб поразить невежественную аудиторию? Какая трагическая нелепость! Умрет он сам, погибнут его питомцы – и что тогда останется?

– Но почему вы думаете, что, например, Мишель и Франсуа погибнут? – спросил Альбер, когда они подходили к станции метро. – Ну, я понимаю, Поль: он действительно очень слаб. Но профессор говорит, что Мишель практически вечен.

– Ну, уж не знаю, – ворчливо отозвался Шамфор. – Почему он может быть вечен? Наоборот, я уверен, что если он и проживет долго, то во всяком случае мень-

ше, чем средний человек. А если к нему начнут искать ключи, станут проводить на нем эксперименты, то его жизнь и вовсе сократится.

«Значит, прав Мишель», – подумал Альбер: Раймон ему рассказывал о первом своем впечатлении от лаборатории и о разговоре Мишеля с профессором Лораном.

– Я вот выясню у Лорана, почему он так считает, – сказал Шамфор.

– Пожалуйста, не надо об этом говорить при Мишеле, – попросил Альбер.

– Ах, он поверил, что вечен? – усмехнулся Шамфор. – Ладно, уж я как-нибудь устрою, чтоб он этого не слышал... Послушайте, Альбер, вы очень славный мальчик. Я вас, кажется, огорчил. Не подумайте, что я начисто отрицаю удивительные достижения Лорана. Нет, конечно! Ведь уже сам факт, что такие достижения реально возможны, – это ценнейшая информация, вы понимаете? Ну, вот, например, американцы одно время имели монополию на атомную бомбу, страшно этим гордились и, конечно, ревниво охраняли свой секрет. Однако Норберт Винер тогда совершенно справедливо заметил, что самый главный секрет, связанный с атомной бомбой, уже известен всему миру; все знают, что атомная бомба существует в действительности, а это значит, что проблема наполови-

ну разрешена. Так оно и было, как вы знаете: атомная бомба вскоре появилась и у русских. Ведь если точно установлено, что ту или иную проблему возможно разрешить практически, то ученые работают совсем иначе, в другом темпе, в других масштабах. Так что если физиологи увидят Мишеля и Франсуа, то для науки сразу откроются совсем иные перспективы.

Они шли некоторое время молча. Пошел мелкий теплый дождь, тротуар потемнел, начал поблескивать, шелест машин сделался влажным. Шамфор поднял воротник плаща.

– Может, поедем в такси? – предложил он. – Ваша куртка – не защита от дождя.

– Ничего, дождь теплый. Да и вообще я за последние годы закалился, не простужусь.

– Да-да, вы побывали в переделках, Лоран говорил. Ну что ж, пройдемте тогда до станции Распайль, я не люблю площадь Данфер-Рошери, да и пройтись немного хочется.

Они шли вдоль Монпарнасского кладбища к бульвару Распайль. Было тепло, тихо, дождь то переставал, то снова начинал накрапывать. Альбер с удовольствием подставлял свою рыжую шевелюру под теплые капли. Навстречу бежали две хорошенькие девушки, должно быть продавщицы: они фыркнули, поглядев на Альбера, и одна из них, светловолосая,

показала язык. Альбер засмеялся.

Шамфор посмотрел вслед девушкам.

– Да-да, хороши, плутовки! – вздохнул он. – Вашего Лорана, мой мальчик, стоит пожалеть: жизнь так хороша, а он заперся в своей лаборатории и ничего не видит...

– Видите ли, у профессора, может быть, другой склад характера, – сказал несколько смущенно Альбер.

– Другой склад характера? – Шамфор засмеялся. – Нет, я-то знаю Лорана давно. Человек он был как человек, можете быть уверены. И в женщинах толк понимал. Но уже пять лет тому назад отказался от всего. И Сент-Ива все пилил за то, что он ходил в театр, ухаживал за девушками и иногда выпивал бутылку вина. Хотя у Сент-Ива на все эти занятия оставалось разве что воскресенье, да и то не всегда.

– Однако профессор Лоран всего три года тому назад женился...

– Ну, уж эта женитьба... Свинство это со стороны Лорана, вот что. Посмотрел я на бедняжку Луизу – сердце защемило...

– Мсье-Шамфор, – Альбер поторопился перевести разговор, – я ведь, в сущности, профан, многое перебыл, а многого и вовсе не знал... Объясните мне, пожалуйста, что могли бы дать науке опыты профес-

сора Лорана, если б они проводились в широких масштабах, последовательно, ну, в общем, по всем правилам?

– На этот вопрос не так-то легко ответить. Но если уж удалось вырастить человеческий мозг в лабораторных условиях, то надо было вести сложнейшие и точнейшие наблюдения. При Сент-Иве это еще делалось, а потом все пошло как-то кувырком... Нет, правда! Ведь в нейрофизиологии столько нерешенных вопросов! Этот самый Мишель болтает о торможении, а ведь для Лорана торможение осталось все тем же «проклятым вопросом физиологии», как назвал его Павлов. Он так же, как и все мы, лишь строит догадки об этом удивительном и сложном процессе. А процесс формирования сознания? Я-то сразу увидел, что Лоран почти не сдвинулся с места в этом вопросе. А ведь это кардинальнейший вопрос, и, пока он не разрешен, нейрофизиологи и нейрокибернетики будут работать на ощупь.

– Какой я невежда! – вздохнул Альбер.

– Да мы все невежды в этом вопросе, дорогой мой! – Шамфор, увлекшись, почти прокричал это. – Когда дело решится, над нашими беспомощными теперешними объяснениями будут, наверное, смеяться потомки, как мы смеемся над утверждением древних, что душа находится в диафрагме. Одни считают, что

мозг работает «как целое» и что сознание есть свойство его тотальной активности. Другие думают, что в мозгу есть какая-то постоянно меняющаяся динамическая организация, которая и обеспечивает отбор и обработку восприятия. Ну, меня лично больше привлекают те, кто думает, что в мозге имеется специальная область, занимающаяся интеграцией восприятия. Иначе мне нельзя было бы построить своего Сократа. Я тоже, конечно, пробирался ощупью, в потемках. Но я предположил, как и многие, что интраламинарная система таламуса и ретикулярная формация мозгового ствола являются, по крайней мере, одной из важнейших составных частей этой области высшего сознания, и, исходя из этого, работал с пластическими нейронами. Как видите, я добился определенных результатов, но я далеко не уверен, что мой путь самый правильный и надежный. Я, может быть, и неправ, что так злюсь на Лорана, но подумайте, как мне обидно сознавать, что он умудрился пройти мимо цели!

Они спустились в метро. Сидя в вагоне, Альбер сказал:

– Все-таки это страшновато – носить в собственной голове такой сложный и непонятный механизм!

– Но почему же? – живо возразил Шамфор. – Меня это ничуть не пугает и не обескураживает. Мне именно нравится, что я так сложно устроен. Сложнее, чем все

в природе. Настолько сложно, что сам себя еще не разгадал и топчусь у порога великой тайны собственного сознания... Впрочем, это ведь временно. Рано или поздно человек подберет ключ к самому себе. И мы точно будем знать, что происходит в нашем мозгу, когда мы смеемся какой-нибудь шутке, наслаждаемся прекрасной картиной или идем в бой за отечество.

– Но это, пожалуй, еще страшнее, – сказал Альбер. – Вам не кажется, что такое понимание обесценит все ценности? Если выяснится, что чувство патриотизма вызывается включением определенной блок-схемы, а чувство юмора

– разблокировкой каких-то узлов, то не думаете ли вы, что на людей это может плохо подействовать?

– На дураков! – сердито отрезал Шамфор. – Только на дураков, дорогой мой, да! На тех дураков, которые возмущались в свое время, что Земля не находится в центре мироздания и что человек произошел от обезьяны. Кстати, и мой Сократ, и создания Лорана ужасно возмутят вот таких дураков. Потому что их появление разбивает в прах последнюю великую иллюзию – веру в исключительность человека, в неповторимость сознания! По-моему, корень этой иллюзии – в подсознательной жажде бессмертия...

Поезд метро летел через мост Пасси. Шамфор и Альбер начали пробираться к выходу.

– Нет, не бойтесь, что познание погубит идеалы! – говорил Шамфор, шагая по улице Ренуара. – Человек всегда останется человеком. Мы знаем все о работе сердца и прекрасно понимаем, что стрелы Амура метят в мозг, а не в сердце, как думали древние. И все-таки наше сердце болит от этих мифических стрел так же, как оно болело в те далекие времена, когда создавался миф об Амуре. И радуга по-прежнему прекрасна для нас, хоть мы и не думаем, что это небесный мост, по которому бежит посланница богов Ирида, а знаем, что это всего лишь преломление лучей в водяном паре, и зелень лесов и лугов не меньше привлекает нас от того, что мы знаем о хлорофилле. Только кретины, закоснелые ретрограды могут огорчаться, что человеческое познание шагает все дальше и нет ему границ... Мой бог, ведь каждый из нас рождается миллиардером! У каждого нормального человека в мозгу примерно пятнадцать миллиардов клеток, только не каждому удается как следует использовать это несметное богатство!

– И неужели можно воссоздать это сложнейшее живое устройство искусственным путем? Я понимаю, что это глупый вопрос, ведь я видел вашего Сократа, но Сократ все же не настоящая модель человека.

– Конечно, Сократ – это воссоздание только части бесчисленных процессов, которые каждую секунду про-

текают в нашем мозгу. Но ведь Сократ – вовсе не предел, он лишь первый шаг на этом пути. Шагнет дальше нейрофизиология – пойдет за ней и нейрокибернетика. А может случиться и обратное: моделируя мозг, мы что-нибудь сумеем объяснить физиологам. Ведь обе эти науки сейчас могут развиваться только в тесном содружестве – да и не только они... А что касается моделирования мозга, то, мой дорогой, в принципе это абсолютно возможно. У природы, в конце концов, выбор был небогатый: из одних и тех же кирпичей – ну, например, пиридиновых и пуриновых оснований – она строила и таинственный механизм наследственности, и центр высшей нервной интеграции, и многие совершенно различные структуры. А ведь нам-то современная химия дает в руки такие материалы, которые природе и не снились. Кроме того, мы вообще не обязаны подражать во всем природе. Мы можем попробовать пути, которые она почему-то отвергла. Человек издавна глядел на птиц и мечтал, что научиться летать. Но, пока люди пробовали подражать машущим крыльям птиц, они разбивались. Пришлось идти другими путями. Колесо, которым люди так широко пользуются, вообще не имеет аналогий в живой природе. Так почему же, если нам нужно создать максимально надежные самоорганизующиеся, самообучающиеся машины, способные непрерывно работать

на протяжении, скажем, семидесяти лет, почему мы должны во всем подражать строению человека? Мы ведь не будем требовать от машины богатства и тонкости эмоций, присущих человеку, не будем пытаться воспроизвести сложнейший человеческий механизм наследственности; нам вообще нужны только некоторые, вполне определенные функции. Зачем же нам покорно следовать по труднейшим путям, проложенным природой для гораздо более сложных целей? Может быть, для наших задач есть более простые и надежные решения?

– Мне кажется, что я попал в какой-то сказочный мир, – сказал задумчиво Альбер. – Я и счастлив, что этот мир передо мной раскрывается, и смущен своим невежеством... и еще... знаете что... – Он запнулся. – Не знаю, как это сказать... Но вот всего несколько дней назад я с Роже ночевал в пустом киоске на набережной Сен-Бернар. Лил дождь, мы промокли, продрогли, были голодны. И нигде не было работы для нас... Ну, в общем, это, может быть, глупо, я понимаю, но когда узнаешь такие вещи на собственном опыте, то как-то странно, что человеческое сознание достигает таких высот, а жизнь, вся жизнь вокруг остается такой же неустроенной и тяжелой, и, того гляди, начнется атомная война... Как-то нелепо, ведь правда?

– Конечно, правда, мой мальчик! – Шамфор вздох-

нул. – Но что делать нам, ученым? Во время войны я видел, где враг и где друг, и я воевал. А сейчас все так перепуталось... Если б я знал, что делать, с кем и против кого воевать, чтоб уничтожить эти пакости, я, ни минуты не колеблясь, взялся бы за оружие. Но в том-то и дело...

Они подошли к дому профессора Лорана, и Шамфор замолчал, вглядываясь в окна, забранные решетками.

– Да, бедняга Лоран! – с горечью сказал он. – Вот так похоронить себя заживо!

Роже открыл калитку и сообщил, что профессор Лоран уже беспокоится.

– Где ты шатался? – шепнул он, исподтишка толкнув Альбера в бок. – Девочку, что ли, встретил?

– Иди ты! Девочку, скажешь тоже! – засмеялся Альбер. – А ты что делал?

– Ни за что не угадаешь! – Роже торжествовал. – Я брил Поля!

Альбер поперхнулся от неожиданности. Шамфор обернулся.

– Брил Поля? – переспросил он. – Зачем?

– Профессор попросил, а мне-то что! Да у него там и брить особенно нечего.

– У Поля за время болезни действительно начали расти усы и борода, – сказал Альбер. – Правда, очень

редкие, жиденькие, но уже довольно длинные выросли.

– А как он себя вообще чувствует, ваш Поль?

– Ведет себя спокойно, даже гораздо спокойней, чем до всей этой истории, но, по-моему, психика у него нарушена, – ответил Альбер.

– Хочешь, я тебе скажу насчет Поля? – Роже понизил голос. – Так вот: он всех ненавидит, кроме Пьера. Или боится. Особенно Мишеля.

– Почему именно Мишеля?

– А я знаю? Ну что ты хочешь от психа!

– Не нравится мне вся эта история. – Шамфор нахмурился. – Будьте осторожны, друзья, будьте очень осторожны!

...Тусклый красный свет ненастного заката, еле пробившийся сквозь темно-багровые и фиолетовые тучи, наводнял лабораторию. Колбы и пробирки на длинных столах, казалось, были наполнены темной кровью, на лицах лежали красные отсветы и темные полосы. Шамфор, порывисто двигаясь среди этих зловещих тусклых пятен, словно пробежал сквозь гаснущий огонь.

– Ну, будьте же благоразумны, Лоран! – говорил он, то прижимая руки к груди, то возмущенно вскидывая их к потолку. – К чему все это приведет? Разве демонстрация для вас – самоцель, разве кричащие за-

головки и эффектные фотографии в газетах могут вас по-настоящему удовлетворить? Да и почему вы знаете, что среди потрясенных зрителей не окажутся какие-нибудь влиятельные идиоты или жулики, которые начнут ставить вам палки в колеса или шантажировать вас? Вы что, не знаете, как это бывает? И как вы можете выдержать этот собачий лай и укусы, вы, в теперешнем своем состоянии?

– Этого может и не быть, – тихо отозвался профессор Лоран; он сидел в кресле, устало откинув голову.

– Ну, допустим, этого не будет. Допустим, что все пройдет как нельзя лучше. Что тогда?

– Тогда? Деньги... помощь государства... организуют лабораторию...

– Лоран, не будьте ребенком! У государства нет денег на такие штуки. Вам придется рассчитывать либо на частные субсидии, либо на помощь американцев. И можно себе представить, на каких условиях вам предложат эту помощь! Да они и вас-то самого сумеют вскоре оттереть от дела, особенно если вы будете болеть.

– Что же вы предлагаете? – так же тихо спросил профессор Лоран; лицо его было в тени.

– То, что вам советуют ваши помощники: лечиться и отдыхать, а потом со свежими силами готовить Франсуа к демонстрации и самому готовиться ко всем

трудностям и неожиданностям, которые начнутся после демонстрации.

– Хорошо, я подумаю, – без выражения сказал профессор Лоран.

– Вам пора делать укол. – Мишель подошел со шприцем в руке. – Темнеет. Почему мы не зажигаем света?

– Зажжем скоро, Мишель. – Профессор Лоран закатал рукав блузы. – Мне надоел электрический свет.

Мишель посмотрел на него своим странным, холодным и пристальным взглядом.

– Обстановка лаборатории стала для вас отрицательным, раздражающим фактором, – заявил он. – Здесь вам будет очень трудно-выздороветь.

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо сказал профессор Лоран. – Иди, займись чем-нибудь. Или просто посиди.

– Нелепо сидеть в темноте, когда есть свет и когда столько работы, – бесстрастно проговорил Мишель.

– Ох, и надоел ты мне со своей логикой классного наставника! – сказал профессор Лоран. – Ну, зажги лампу у себя на столе...

Некоторое время все молчали. Когда в углу загорелась лампа под зеленым матовым абажуром, стало видно, что в комнате совсем темно.

– Может, Роже угостит нас чаем? – сказал профес-

сор Лоран. – С тех пор как я перешел на обычную пищу, у меня появились давно забытые прихоти. Вчера ночью мне вдруг неудержимо захотелось паштета, запеченного в тесте...

– Роже приготовит такой паштет, если вы хотите, – серьезно предложил Альбер. – Он, по-моему, все умеет.

Он пошел за чаем. Шамфор сказал:

– Чудесный парень. Вообще вам повезло, дорогой. Такие помощники! Неужели вы действительно боитесь оставить на них лабораторию?

– Не в этом дело, вы же знаете, Шамфор... Просто я не смогу сейчас отдыхать. Можете вы это понять? Не выйдет у меня...

– Не выйдет только потому, что вы так себя настроили.

– Хотя бы и поэтому. Не все ли равно?

– Да ну вас, Лоран! – с досадой сказал Шамфор. – Вы как мальчишка, право!.. Ладно, мне надоело вас уговаривать. Хотите кончать самоубийством

– кончайте, и черт с вами!

– Не говорите чепухи, Шамфор, вы же знаете, что я вовсе не собираюсь кончать самоубийством. Посмотрите лучше Франсуа. Зажги свет, Мишель.

– Раньше покажите мне Поля, – сказал Шамфор. – Зачем вы его брили, кстати?

– А, вы уже знаете? Да просто он выглядел очень уж неприятно с этой длинной реденькой щетиной. Поль, подойди сюда!

– Давно у него появилась растительность на лице? – спросил Шамфор, разглядывая Поля, который безучастно стоял перед ним, слегка ссутулившись.

– Всего два дня, но росла очень бурно.

– Как ты себя чувствуешь, Поль? – спросил Шамфор.

Поль не ответил. Шамфор повторил вопрос.

– Не знаю, – безучастно сказал Поль. – Спина бо-лит. Хочу спать.

– Он опять очень быстро растет, – вмешался Мишель. – За неделю вырос на два сантиметра. И голос у него изменился, стал ниже тоном.

– Почему ты мне об этом не говорил? – спросил профессор Лоран.

– Это было отмечено во вчерашней сводке, – удивленно сказал Мишель. – Вы не помните?

– Теперь вспомнил... Чем ты это объясняешь?

– Мне ведь приходится давать ему стимуляторы в лечебных целях. Правда, я даю гораздо меньшие дозы, чем для опытов, но, вероятно, это и есть причина.

Шамфор продолжал осматривать Поля.

– Он изменился. Я бы сказал, что он возмужал, хотя я его видел всего неделю назад. Но очень слабенький.

На воздух его нельзя выводить, хотя бы в садик?

– Луизе будет тяжело...

– Ну, Луизу можно попросить не глядеть в окно на этот час-полтора...

– Надо подумать... – вяло проговорил профессор Лоран. – В самом деле...

– Полю воздух не поможет, – заявил Мишель, снова отходя к своему столу.

– Он неудачен, его надо переделать.

Поль на секунду поднял глаза. Зрачки его так расширились, что глаза показались черными. Быстрая судорога скользнула по его истощенному лицу.

– Поль, ты не слушай. – Шамфор положил руку ему на плечо и почувствовал, что Поль инстинктивно дернулся. – Мишель шутит. Никто тебя не будет переделывать. Ведь правда, Лоран?

– Правда, – рассеянно пробормотал профессор Лоран.

– Вот видишь! Иди полежи, тебе надо отдыхать, – Шамфор ласково погладил руку Поля. – Ты устал, потому что быстро растешь.

Поль снова поднял глаза. На этот раз он смотрел прямо на Шамфора.

– Ты плачешь? – поразился Шамфор.

Поль вдруг сел на пол у ног Шамфора, прижался щекой к его руке.

– Не уходите, – зашептал он, давясь слезами. – Вы хороший, я вас буду всегда любить. Меня никто больше не любит, кроме Пьера, и я никого не люблю. А Мишель хочет меня убить, и профессор тоже, вы им не верьте.

– Лоран, вы что, не слышите? – прошипел Шамфор. Профессор Лоран устало покачал головой:

– У Поля все еще не прошла болезнь. У него бредовые идеи.

– С вами тут кто хочешь начнет бредить! – взорвался Шамфор. – Зачем вы позволяете своему любимцу запугивать этого бедного мальчика? Что это, в конце концов, за нелепая болтовня о переделке!

– Мальчика? – переспросил Лоран. – Вы сказали: мальчика?

– А что он, по-вашему, – девочка, что ли? Конечно, это мальчик, слабенький, больной, а вы с ним обращаетесь, как с подопытным кроликом!

– Вы с ума сошли, Шамфор. По-вашему, я жесток с Полем?

– Почти так. Вы слишком равнодушны к нему. И Мишель...

– Мишеля я убью, – вдруг заявил Поль. – Он злой. У него нет сердца.

Шамфор опять положил ему руку на плечо.

– Нельзя так говорить, мальчик. Мишель заботится

о тебе, лечит тебя...

– Если б не я, ты бы умер, когда наглотался таблеток. Ты это знаешь? – спросил Мишель, подходя к Полью и глядя на него сверху вниз.

– Знаю. Ты лечишь меня потому, что боишься профессора. – Поль теснее прижался к Шамфору; он дрожал. – Ты хочешь меня убить.

– Это нелепо. Переделать не значит убить. Я хочу, чтоб тебе было легче. У тебя ведь все время болит спина. А тогда ты будешь вполне здоров, как я.

– А я не хочу быть таким, как ты! У тебя нет сердца.

– Я тебе объяснял, что глупо так говорить. У меня есть сердце, и оно лучше, чем твое. Гораздо прочнее и надежнее.

– Ну и пускай, – упрямо сказал Поль, по-детски оттопыривая губы. – А я не хочу такое, как у тебя. Пусть будет мое.

– Мишель не может тебя переделывать, ты это знаешь, – сказал профессор Лоран. – Могу только я. А я не собираюсь делать тебе операцию. Разве ты мне не веришь?

Поль не ответил. Шамфор погладил его по мягким взъерошенным волосам.

– Иди полежи, мой мальчик. Пойдем, я тебя провожу. – Шамфор встал. – Никто не хочет тебе вреда. Никакой операции тебе не будут делать, ты же слышал.

Мишель тоже хочет тебе пользы, и ты на него не сердись.

Они ушли за ширму. Мишель неодобрительно смотрел им вслед.

– Дюкло, что вы стоите у двери? – спросил профессор Лоран.

Альбер отошел от двери и поставил поднос с чаем и печеньем на стол. «Значит, Роже прав, – думал он. – Как всегда, прав. Ну, и нюх у него!»

Шамфор вышел из-за ширмы.

– Вы слышали? – обратился он к Альберу. – Ну, Лоран болен, а вы-то все куда смотрели?

– Я не замечал ничего, – сознался Альбер, краснея. – Поль и до болезни был неразговорчив, а теперь и вовсе замолчал. Я просто ушам не поверил сначала, когда услышал, как он разговаривает.

– Это потому, что вы не подобрали к нему ключа. Да вы и не пробовали, я уверен. Ведь никаких тут сложностей нет. Вообразите себе, что это подросток, измученный болезнями и неправильным воспитанием. Вы что, не видели таких?

– Хорошо, я это учту, – сказал Альбер, разливая чай. – Мы будем с ним разговаривать почаще, постараемся его успокоить.

– Шамфор, пейте чай. – Профессор Лоран уселся за стол, отломил кусок печенья. – Это что, Леруа сам

делает такие вкусные штуки?

– Вы считаете, что тут не о чем разговаривать? – спросил Шамфор.

– Ничего подобного. Просто мне очень хочется чаю... – Он сделал большой глоток. – Чудесный напиток!

Шамфор уткнулся в свою чашку.

– Послушайте, Шамфор, – сказал после паузы профессор Лоран. – Вы должны меня понять. Я действительно очень болен, а вернее, смертельно устал. У меня уже не хватает сил. Я сейчас могу рассчитывать на одно: удачно провести операцию Франсуа. Ну, и устроить демонстрацию опытов перед аудиторией. А потом отдыхать и лечиться. Поэтому я и недосмотрел насчет Поля. Хотя вы, по-моему, преувеличиваете. Он болен психически, и его отношение к Мишелю имеет характер мании.

– Чепуха! – буркнул Шамфор, с шумом отхлебывая чай.

– Ну, пусть чепуха. Все равно, вы же видите, что я не могу оставить лабораторию, когда тут такое творится.

– Вы могли бы взять Поля с собой, – неожиданно сказал Шамфор.

– Поля? – усмехнулся профессор Лоран. – Что за идея! Хорош был бы отдых... Нет уж, если ехать вдво-

ем, то с Луизой.

– Хорошо, что вы хоть по такому поводу вспомнили о Луизе.

– Не говорите чепухи, Шамфор. Я вовсе не только по этому поводу помню о Луизе.

– Хорошо. Поля я могу взять к себе. У меня он быстрее выздоровеет.

Профессор Лоран с недоумением посмотрел на него:

– Ничего не понимаю! Что это вы так взялись за Поля?

– Что ж тут непонятного? Мне его жаль. Ласковое беззащитное существо.

– Ну, знаете! Когда это ласковое беззащитное существо схватит вас за горло, вы перемените мнение! Он опасный сумасшедший.

– Тише! – попросил Шамфор, оглядываясь на ширму. – Можно подумать, что вы никогда не бывали в психиатрических лечебницах, Лоран. Для самых опасных безумцев ласковое отношение кое-что значит. А Поля я берусь за месяц-другой совершенно вылечить. Да и физически он будет крепче... Вы просто его запустили. Мишель вбил себе в голову, что Поля надо переделывать, а вы, должно быть, внутренне с ним давно согласились...

– Ну, уж не знаю... – с сомнением сказал профессор

Лоран. – Если вы в самом деле соглашаетесь взять Поля к себе...

– При условии, что вы уедете отдыхать! – живо ответил Шамфор.

Профессор Лоран откинулся на спинку стула и засмеялся:

– Да вы просто шантажируете меня, Шамфор!

Из-за ширмы показалась голова Поля. Он делал непонятные гримасы, моргал глазами. Альбер первым заметил его.

– Ты что, Поль? – тихо спросил он, подойдя к ширме.

Поль сейчас же спрятался.

– Позовите его, – прошептал он, указывая на Шамфора. – Мне нужно с ним поговорить...

Шамфор пошел за ширму. Поль вцепился в него горячими дрожащими руками.

– Возьмите меня к себе! – шептал он. – Вы добрый, вы хороший, возьмите меня к себе, я здесь боюсь! Возьмите меня и Пьера!

– Пьера? – Шамфор поглядел на темную неуклюжую тушу: Пьер ткнул себя в грудь и кивнул головой. – Но, мой мальчик, Пьера я никак не могу взять.

– Почему? – с отчаянием спросил Поль. – Пьер хороший. Он очень хороший. Он будет вас слушаться, правда, Пьер?

Пьер опять закивал и ударил себя в грудь.

– Поль, ты похож на человека, а Пьер – нет, – мягко сказал Шамфор. – Его нельзя отсюда уводить. Я не могу его взять с собой.

Поль посмотрел Шамфору в глаза и понял, по-видимому, что он говорит правду. Он еще с секунду постоял, потом, как подрубленный, упал на кушетку и уткнул лицо в стиснутые руки. Шамфор тронул его за плечо.

– Разве ты не можешь на время расстаться с Пьером? – спросил он.

Поль не отвечал. Плечи его тряслись от беззвучных рыданий. Шамфор, очень расстроенный, вышел из-за ширмы.

– Надо дать ему что-нибудь успокаивающее, – сказал он.

– Ему пора вливать серпазил, – отозвался Мишель. – Дать ему еще таблетку Т-24?

– Попробуй, – сказал профессор Лоран. – Дюкло, помогите Мишелю.

Шамфор тоже пошел за ширму. Но Поль не сопротивлялся. Бледный, с застывшим лицом, он покорно проглотил таблетку и позволил сделать себе вливание. После этого он лег и повернулся лицом к стене. На Шамфора он даже не взглянул.

– Что у вас делается тут, Лоран? – спросил Шамфор

после долгой паузы, обводя рукой лабораторные столы. – Над чем вы, собственно, работаете?

– Главным образом проверяю действие стимуляторов и витаминов на различные ткани. Я начал было выращивать новую кожу для Поля – вы видите, какой он пятнистый, – но сейчас это уже ни к чему. Он не перенесет такой сложной, многоступенчатой операции. Да и результаты, мне кажется, сомнительны.

– А если на лицо Франсуа дать трансплантаты живой ткани, а не пластмассу?

– Да не получается у меня с кожей, – сказал профессор Лоран. – Вы же видите, у Франсуа тоже какой-то странный оттенок. И приживляться кожа будет дольше. Уж лучше пластмассу.

– Как знаете... И это все, что вы делаете?

– Да. Я главным образом занимаюсь опытами на них. – Профессор Лоран показал на Мишеля и Франсуа. – Больше у меня ни для чего не хватает времени.

– Все это здорово пахнет кустарщиной, Лоран! – Шамфор покачал головой. – Прямо-таки невероятно: сотворить такие чудеса и так мало приблизиться к истине! В средние века вас сожгли бы на костре, да и теперь, я уверен, найдутся люди, которые сочли бы это полезным. А ведь дьявол науки, которому вы продали душу, только дразнит вас. Я, по крайней мере, точно знаю схему своего Сократа, а вы? Что

вы знаете о своих созданиях?

– Вы все упрекаете меня за то, что я не шел обычными путями, – сказал Лоран. – Вам хочется, чтоб я обязательно прошел по каждой ступеньке. А если мне некогда?

– Да, пожалуйста, прыгайте хоть через десять ступенек, если сил хватит! Но не пытайтесь ходить по перилам! Разобьетесь вдребезги и даже рассказать не успеете, что вы увидели. Ведь не расскажете, а?

– Мишель ведет записи. Он все знает и помнит лучше меня.

– Мишель знает не больше того, что вы помогли ему узнать. Он не может самостоятельно разработать и продолжить ваши концепции. Чем он лучше Сократа? В этом отношении – немногим. Во всех других отношениях он намного слабее Сократа. Ну что такое человек? Вы же сами знаете, какая это несовершенная машина. Работает медленно, устает легко, пороги рецепторов у него грубы. Он не имеет органов чувств для электричества, магнетизма, ультразвука, радиации. А электронному роботу можно все это придать. Интеллект Мишеля уж никак не выше интеллекта среднего человека. Память и работоспособность? Я знал людей с такой же великолепной памятью. А насчет того, что он почти не устает... вот посмотрите, как это «почти» вырастет понемногу до обычной че-

ловческой нормы! Он в таком виде существует всего каких-нибудь два года и все время усложняется и запутывается!

– Чего вы напустились на Мишеля? – усмехаясь, сказал профессор Лоран. – Если даже все то, что вы говорите, святая истина, это еще не порочит всего замысла. Ведь это же только первые шаги – и в каких условиях!

– А у меня не первые шаги, что ли? – возмутился Шамфор. – Будьте справедливы, Лоран! И смотрите истине в глаза – дело не только в условиях!

– Может быть, и не только в условиях. Я мог допустить даже самые грубые просчеты. И все-таки вы не правы. Электронная кибернетика не решит всех вопросов. Человек должен сам совершенствоваться, иначе ему будет трудно жить в том мире сверхскоростей и чудовищной энергии, который он сам создает.

– Ну, это, конечно, правильно, – сказал Шамфор, вздохнув. – Человеку уже сейчас становится трудно. Но и тут почти всегда выручат роботы, даже не такие, как Сократ, а обычные, более примитивные. Я вовсе не сторонник тех, кто считает, что идеал – это полное устранение человека из производства. Но мы ведь живем на заре электроники, помните! Мы еще плохо представляем себе, какую роль она будет играть в нашей жизни, как она облегчит и упростит

очень и очень многое. В том числе и вашу задачу.

– Разумеется! – насмешливо сказал Лоран. – И мою задачу! Биологи и физиологи должны ждать, пока ее величество физика не разрешит им: «Вот теперь, ребята, еще один шаг вперед. Но не больше».

– Да бросьте вы, Лоран! Какой смысл считать, кто раньше, кто позже, когда успех одного все равно зависит от других, идущих с ним рядом. Мы пока не знаем, какие физические явления лежат в основе работы мозга. Пока! А когда узнаем, вы сможете проделывать свои эксперименты с электродами не на ощупь, не вслепую, как сейчас. И смешно обижаться, честное слово! Не обижаются же физиологи на физиков за то, что они изучили законы преломления света в линзах и этим помогли понять устройство глаза!

– Вы скажите вот что: нужно человеку переделывать самого себя или не нужно?

– Нужно. Только я думаю, что по-настоящему такая переделка будет возможна лишь при другом общественном устройстве. Без войн и эксплуатации.

– Шамфор, что это с вами! – Профессор Лоран смотрел на него с искренним изумлением. – Вы просто помешались на политике.

– А вы – на политической слепоте! – Шамфор вскочил. – Знаете, Лоран, я пойду, а то мы поссоримся! Мне и пора, кстати.

– Ну, сядьте! – Профессор Лоран встал, положил ему руки на плечи. – Нельзя же нам так расставаться. Не будем говорить о политике, вот и все. Разве мы что-нибудь понимаем в цивилизации, которую сами создали?

– Если уж не говорить о политике, так не говорить, – проворчал Шамфор, садясь. – Можете быть уверены, что в ваших рассуждениях нет ни капли оригинальности. Вы повторяете чужие слова и прикрываетесь ими от действительности.

– Ну, пусть будет так! – согласился профессор Лоран. – Пусть будет по-вашему, Шамфор. Если б вы только знали, до чего мне все это безразлично! Чужие слова... мои слова... мне сейчас просто не до этого, доймите, чудак! Скажите мне лучше вот что: почему вы отрицаете мой путь? Ведь, по существу, вы его осуждаете? С самого начала было так, еще когда мы работали с Сент-Ивом.

– Ваше дело было переубедить меня и всех скептиков! – пожав плечами, сказал Шамфор. – Но вы этого не сделали, а только окончательно запутали все дело. Представьте, например, что геолог отправился в Гималаи искать какое-то ценнейшее месторождение. Он долго бродил в опасных и совершенно неисследованных местах, истратил массу сил и в конце концов поймал живого снежного человека... Сенсация! Все

потрясены! Ну, а как же все-таки с ценнейшим месторождением? Да по-прежнему! Этот геолог так ничего и не узнал: он увлекся погоней за снежным человеком.

– Остроумно, ничего не скажешь! – засмеялся профессор Лоран. – Но я решил не обижаться. Я хочу добиться ответа. Ведь не можете же вы всерьез считать, что принципы работы головного мозга способны постичь только физики, что химикам и физиологам тут делать нечего? Ну, пускай я действовал неправильно, пускай я гнал за внешними эффектами, как вы считаете. Но это моя личная ошибка, и она не порочит всего пути в принципе. Как же можно обойтись без физиологических опытов с мозгом? И при каких условиях можно добиться лучших, более точных результатов? Опыты на живых, здоровых людях? Это практически нереально. Исследование мозга только что умерших? Но необратимые изменения в нервных тканях наступают уже через три-четыре минуты после смерти. Опыты на животных? Но Павлов уже дошел здесь почти до предела, многого к его выводам не прибавишь. И ведь он сам хорошо понимал все несовершенство этих опытов. Вы же знаете, как он жаловался на то, что мозг при опытах жестоко травмируется и изучается уже в патологическом состоянии. Операция – травма, заживление раны – травма, рубец – новая травма, да и какая подчас серьезная: почти у всех со-

бак Павлова начинались при образовании рубца судороги, потому что рубец стягивал, давил, калечил мозг.» Как же при таких условиях изучать работу сложнейших, легко ранимых нервных функций? Это же все равно что отрезать человеку ногу, а потом пробовать судить о его походке или о способностях к танцам! Не говоря уже о том, что психика человека несравнима по сложности с психикой собаки... Что же еще? Попытка отводить биотоки от нервных центров, раздражая отдельные участки мозга? Но ведь это тоже работа вслепую. Это все равно что пытаться понять принципы работы вычислительной машины, следя за тем, как вспыхивают лампы и работают реле.

– А ваши опыты – не травма для мозга? Выращивать мозг сначала в искусственной среде, в полной изоляции от организма, которым он должен управлять, то есть не давать развиваться основным его функциям, в том числе и важнейшему механизму обратной афферентации, – это что означает? Разве это можно назвать хоть относительно нормальными, не травмирующими условиями? И, наконец, ваши опыты со вживленными электродами – чем они отличаются по сути от опытов с отведением биотоков? Разве вы не работали вслепую? Разве вы добились точных, надежно проверенных результатов?

– Но ведь я добился специализации функций, – ти-

хо сказал профессор Лоран. – Разве это не ответ – Мишель и Франсуа?

– Послушайте, Лоран, но ведь это единичные случаи, а не серия экспериментов! Это же может быть случайностью, вы сами понимаете! И потом

– ни Мишель, ни Франсуа не могут служить доказательством хотя бы потому, что они не представляют собой полноценные человеческие организмы. Это опять искусственная изоляция от нормальной среды. Живой организм – нераздельное целое. Снимая или приглушая многие его функции, разве можете вы не разрушить его естественную гармонию, разве можете сохранить все богатство и сложность ассоциаций? Развитие одних функций за счет отмирания других, не менее важных, – это ведь не выход из положения...

– Но, Шамфор, разве в нашем обществе нет специализации функций? Я уж не говорю о рабочих конвейера, шахтерах или, допустим, о горцах, привыкших к головокружительным тропам и разреженному воздуху высот. Но ведь длительное занятие любым трудом влечет за собой усиленное развитие одних функций и угнетение, а то и полное почти угасание других. Я уж не говорю о себе – от последствий такой жестокой специализации даже вы пришли в ужас. Но кто угодно: грузчик или пианист, конторщик или врач – каждый развивает в себе одно за счет другого. И условия жиз-

ни у многих обитателей нашей планеты так жестоки и неестественны с точки зрения физиологии – ну, и вашей любимой социологии, что...

– Это казуистика, Лоран. Речь идет о приблизительной норме, а не о резких и порой ужасных отклонениях от нормы, какое бы распространение ни приобрели они в нашем жестоком мире. Я понимаю, что люди в гитлеровских лагерях уничтожения находились в ряде случаев, пожалуй, в еще более неестественных и ужасных условиях, чем ваши питомцы. Но ведь никому и не пришло бы в голову утверждать, что режим такого лагеря хоть отчасти близок к нормальным условиям человеческой жизни.

– Я все-таки вас не понимаю, Шамфор, – сказал после паузы профессор Лоран. – Что вы хотите доказать? Что я не все открыл, не все проверил, не все обосновал? А кто это сделал? Ведь даже после великолепно поставленных, очень тщательно продуманных многолетних опытов Павлова все-таки в физиологии высшей нервной деятельности осталось бесконечное множество нерешенных вопросов. Почему же вы так строги именно ко мне?

– Лоран, вы просто хитрите! – возмутился Шамфор. – Ну при чем тут Павлов? Конечно, его опыты с собаками не дали и не могли дать полного представления о механизме высшей нервной деятельно-

сти человека. Но Павлов, помимо всего прочего, оставил науке точные, прекрасно разработанные методы! То, что он применял комплексы раздражителей и анализировал ответы мозга на эти воздействия, дало возможность изучать алгоритмы работы мозга как функциональной системы. Ведь именно на этой основе нейрофизиологи стали добиваться выработки сложных систем условнорефлекторных реакций вместо одиночных условных рефлексов. И мне, как вы понимаете, очень помогло то, что сделал Павлов. А ведь его опыты на вид, да и по сути дела, далеко не так эффективны, как ваши! Но что доказывает существование Мишеля или Поля, хотел бы я знать? Что это даст науке, кроме самого факта их существования?

– Мне не хочется больше с вами спорить, Шамфор, я слишком плохо себя чувствую, – сказал профессор Лоран, полузакрыв глаза. – Да вы, по-моему, и сами понимаете, что перегнули. То вы говорите, что учитываете условия, в которых я работаю, а то начисто о них забываете. А ведь эти условия со счетов не сбросишь, будьте же благоразумны! Вы спрашиваете, что я дал науке, кроме факта существования Мишеля, Поля и других? А разве этого факта действительно так уж мало для одиночки? Будьте справедливы, Шамфор! Кто может больше, пусть делает больше. А я сделал, что мог: доказал реальность того, что боль-

шинство – да почти все! – считают совершенно невозможным. Я надеюсь, что меня не обвинят в излишнем самомнении, если я скажу, что это много, даже очень много для одного человека, какие бы просчеты он при этом ни допустил. Справедливо ли меня упрекать, Шамфор? Разве я жалел силы, разве я щадил себя? Вы же видите, во что я превратился!

Шамфор вскочил. Губы его вздрагивали.

– Простите меня, Лоран, я в самом деле дубина и олух, – горячо сказал он. – Я даже не понимаю сейчас, как я мог... Вы в таком состоянии... и вообще...

– Да бросьте, Шамфор, – сказал профессор Лоран. – Я слишком устал, чтобы всерьез волноваться даже из-за самых тяжелых обвинений. Так что не терзайтесь особенно... Дюкло, налейте-ка ему чаю покрепче.

Некоторое время все молчали. Шамфор, насупившись, смотрел в свою чашку и тихо барабанил пальцами по ручке кресла. Профессор Лоран, откинувшись на спинку кресла, не то дремал, не то о чем-то раздумывал; лицо его было в тени. Альбер не смел поднять глаз: когда спорили Шамфор и Лоран, ему хотелось встать и уйти, но он так и не решился, а теперь ругал себя за это.

Шамфор допил чай и начал прощаться.

– Я постараюсь сделать все как можно скорее, –

сказал он. – Хотя бы для того, чтоб вы пораньше разделались с этой операцией и отправились отдыхать.

– Правильное соображение, – усмехаясь, ответил профессор Лоран.

Шамфор остановился у порога. Он колебался.

– Послушайте, Лоран, – тихо сказал он, вернувшись. – Я все же очень советую вам: поосторожней с Полем. Не забывайте, что он... ну, что он человек!

– Вы в самом деле так думаете? – с интересом спросил профессор Лоран.

– А как же еще можно думать? Лоран, ваше поведение в этом смысле не только жестоко, но и опасно. Будьте осторожны, говорю вам!

– Хорошо, хорошо. – В голосе профессора Лорана был легкий оттенок нетерпения. – Думаю, что вы порядком преувеличиваете, Шамфор, но обещаю подумать.

– А в общем, дело ваше, – пробурчал Шамфор и, сутулясь, шагнул через порог.

– Я хотел бы немного проводить мсье Шамфора. Можно? – спросил Альбер.

– Почему же нельзя? – Профессор Лоран откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Шамфор медленно брел к калитке. Он ничуть не удивился, увидев Альбера.

– Решили прогуляться? – рассеянно спросил он.

Альбер пробормотал что-то невнятное.

Лязгнули тяжелые засовы калитки, откуда-то из-за угла рванулся навстречу теплый сырой ветер. Улица была черная, влажно блестящая, в ней расплывались бледными туманными пятнами освещенные окна и ореолы редких фонарей.

Они долго шли молча. Альбер уже хотел было повернуть назад: ему показалось, что Шамфор сердится. Но тот, словно что-то вспомнив, посмотрел на Альбера.

– Вы куда, собственно? – спросил он.

– Так просто... – смущаясь, сказал Альбер. – Хотелось пойти с вами...

– Со мной? – Шамфор улыбнулся, смешно выпятив свои толстые губы. – Ну и чудак же вы, мой мальчик! В вашем возрасте надо ходить с девушками, а не со стариками.

– Я не возражаю против девушек, – несколько ободрившись, сказал Альбер.

– Но в данном случае девушки вряд ли мне помогут. Я хотел бы узнать, что вы посоветуете делать... мне и вообще всем нам.

Шамфор быстро взглянул на него и хмыкнул:

– Самый лучший совет, какой я могу вам дать по этому поводу, очень прост: бегите без оглядки от Ло-

рана! Но вы такой совет не примете, я знаю.

– Не приму, конечно, – сказал Альбер.

– Ну, а все остальное, что я могу сказать, мало чего стоит. Будьте осторожны. По-человечески обращайтесь с Полем, да и с остальными тоже. Одергивайте Мишеля, не давайте ему командовать. Но и тут будьте осторожны, не раздражайте его.

Альбер долго думал.

– А почему все так сложилось у профессора? Почему он сам не понимает, что делается с Полем, например?

– Ну, Лорана легко понять! Он долгое время был уверен, что его создания полностью ему подвластны. Потом, когда начались опыты со стимуляторами и электропроцедурами и питомцы начали бунтовать, он думал, что вся беда в неправильной дозировке, непродуманном сочетании средств и так далее. Вот он до сих пор и не может полностью отрешиться от своих первоначальных представлений. И не хочет понять, что эти существа стали людьми – пускай неполноценными, больными или дисгармонично развитыми, но людьми. А из-за этого может произойти катастрофа. Вы это понимаете?

– Не совсем. Профессор Лоран – гениальный ученый. И не сразу же все это произошло. Как же так?

– Мой мальчик, вы удивительно наивны. Даже са-

мые гениальные отцы часто не умеют замечать, что их дети становятся взрослыми. А что касается науки... бог мой, не только у отдельных ученых, а у целой отрасли науки иной раз бывают такие удивительные заблуждения... Да вот хотя бы такой пример: физиологи всего мира, проделывая бесконечное количество опытов над животными, целые века не замечали очень простой и очень важной функции нервной системы – обратной афферентации.

Альбер силился вспомнить. Ему было стыдно: до чего прочно позабыты университетские лекции!

– Обратная афферентация – это... – начал он и запнулся.

– Обратная афферентация, дорогой мой, – Шамфор заговорил гораздо оживленней, словно обрадовавшись, что удалось переменить тему разговора, – это сигнализация о полезности действия. Это абсолютно необходимое условие существования всякой функциональной системы: и живого организма, и человеческого общества, и автоматически регулируемой машины. Вы не огорчайтесь, что не можете вспомнить, в чем тут дело: наличие обратной афферентации хоть никем теперь не отрицается, но до сих пор как-то мало учитывается. Лоран, конечно, должен был говорить вам об этом в университете, но...

– Профессор Лоран не вел у нас основного курса, а

по лабораторным занятиям я что-то этого не помню...

– Да говорю вам – ничего удивительного! Я вам скажу, если хотите, в каких работах можно прочесть о сущности обратных афферентации. А вкратце – речь идет вот о чем. О рефлекторной дуге Декарта вы, конечно, помните? Ну, если оставить в стороне его представления о нервах-трубочках, по которым проходят от мозга к мышцам «животные духи», и тому подобное, то Декарт более трехсот лет назад с удивительной четкостью обрисовал почти весь механизм связей центральной нервной системы с окружающей средой: принятие сигналов через рецепторы, работа анализаторов – и ответное действие. Человек коснулся рукой горячего предмета, нервы сигнализировали в мозг – человек отдернул руку. Так? Да, конечно. Но все ли поведение животных, а тем более человека объясняется этой гениально простой рефлекторной теорией? Нет, вовсе нет. Ведь что помогает сохранять и продолжать жизнь отдельного существа или общественной организации? Наличие биологической полезности его действий, мой мальчик, запомните это. Если б появилось существо, которое, подобно Грибулю из народной сказки, боясь промокнуть под дождем, бросалось в воду, а боясь обжечься, лезло в костер, оно бы долго не прожило и не оставило бы после себя жизнеспособного потомства. Всякий саморегулирующийся ор-

ганизм обязательно получает информацию о степени полезности своих действий. Иначе он не сможет правильно действовать, не сможет существовать. Он должен выбирать из всех вариантов поведения самый правильный, самый полезный. А судить о том, какое действие дает наибольший полезный эффект, можно лишь при помощи механизма обратной связи. Это вам понятно?

– Да, но как же тогда обстоит дело с безусловными рефлексамии? – спросил Альбер.

– Ну, в безусловных рефлексах аппарат обратной афферентации, конечно, не возникает в результате индивидуального опыта, он закрепляется в нервной структуре данного вида живых существ на протяжении целых эпох исторического развития. Мальку или головастику, только что вылупившемуся из икринки, не надо заново учиться двигаться под водой, так же как новорожденному ребенку не приходится учиться дышать. Но все условные рефлексии возникают и закрепляются только при помощи проверки результатов действия, оценки его полезности...

– А почему же физиологи так долго не замечали совершенно очевидного факта? Ведь и в работах Павлова, насколько я помню, отсутствует термин «обратная афферентация».

– Да. Правда, у Павлова есть понятие «подкрепле-

ния» условного рефлекса безусловным, но он неоднократно заявлял, что в основе его работы лежит рефлексорная теория Декарта. Только за последнее десятилетие русские ученые дополнили в этом смысле учение Павлова. Почему так долго не замечали наличия обратной афферентации, спрашиваете вы? Отчасти, вероятно, играл роль авторитет Декарта. Ведь его рефлексорная теория целые столетия лежала в основе физиологических опытов ученых всех стран и приносила громадную пользу. А потом – вы же знаете, что это были за опыты. Прежде всего – вивисекция. Ну, а как может выбирать наиболее полезные действия животное, привязанное к операционному столу? В таких условиях механизм обратной афферентации действовал на холостом ходу. Поэтому его и не заметили. А заметили теперь, когда начала развиваться кибернетика. Почему? Да потому что это древнейшее устройство, проверенное природой на протяжении сотен миллионов лет, широко используется в автоматически регулирующих системах. Без обратной афферентации, без анализа полезности действия никакой автоматической регуляции, конечно, не может быть...

– Значит, у «дуги рефлекса» не три звена, а четыре?

– Даже пять, если хотите. По Декарту рефлекс за-

канчивается ответным действием. А на деле существует еще афферентный синтез и вывод из него – подкрепление прежнего действия или новое действие, признанное более полезным.

– И в этом существует аналогия между человеком и электронным устройством?

– Конечно.

– Вы извините, что я так настойчиво допытываюсь у вас, но я, должно быть, здорово отупел за эти годы. В чем же состоит, по-вашему, принципиальная разница между человеком и... ну, скажем, между вами и вашим Сократом?

– Если ставить вопрос так конкретно, на него довольно легко ответить. А вот в чем разница между человеком и самым совершенным электронным устройством, какое возможно в принципе – не сейчас, а вообще, – на такой вопрос, мой мальчик, я затрудняюсь ответить. Пока что у кибернетических роботов, даже у Сократа, нет сознания, хотя, глядя на Сократа, этому иной раз не веришь. Но всегда ли будет так, вот вопрос!

– Вы считаете, что в принципе возможно создать устройство, обладающее сознанием?

– Почему бы и нет? – Шамфор усмехнулся. – Как это сделать, я не знаю. Но если речь идет о принципиальной возможности... Вы материалист? – нежи-

данно спросил он.

– Д-да... конечно... – неуверенно ответил Альбер.

– Ну-с, так что же такое сознание с материалистической точки зрения, которую я вполне разделяю? Результат деятельности мозга, то есть высокоразвитой материи. Оно материально? Нет, потому что оно не существует вне человека. Нет человека или, точнее, нет тех участков головного мозга, в результате деятельности которых возникает сознание, – нет и сознания. Может ли быть, что в этот миг, когда мы с вами шагаем под теплым ночным дождем по улицам Парижа, где-нибудь на бесконечно далекой планете под голубым, желтым или красным сиянием неизвестной нам звезды материя дошла до такого уровня развития, что в ней начало зарождаться сознание? Да, вполне может быть. Теперь – может ли человек искусственным путем создать материю, настолько усложненную, что она будет способна порождать сознание? Да, в принципе может...

– Неужели вы так думаете? – воскликнул Альбер, остановившись посреди тротуара.

– А неужели вы совершенно не так думаете, выйдя из лаборатории Лорана и шагая по направлению к моей лаборатории? – Шамфор усмехнулся. – Разве Мишель или Поль не мыслят?

– Ну, профессор Лоран все же идет по путям, ука-

занным природой, – возразил Альбер. – У Мишеля и Поля такой же мозг, как у нас с вами. А вот электронное устройство, как бы оно ни было сложно, не может полностью моделировать мозг.

– Сейчас – да. Даже существование Сократа не опровергает этого тезиса. Но стоит ли сейчас, когда наши знания о принципах работы мозга так несовершенны, настаивать на принципиальном несходстве машины и мозга? Мы ведь можем лишь предполагать, основываясь на некоторых фактах, что такое несходство существует. Но положительно утверждать или отрицать это мы сможем только тогда, когда изучим принципы работы мозга и поймем их суть. Пока мы нашли много сходного между машиной и мозгом и, кто знает, может быть, впоследствии найдем еще больше.

– Значит, вы думаете, что впоследствии кибернетические машины смогут все делать, всему обучиться?

– Всему? А кто вообще может обучиться всему и делать все? Разве не существует природного программирования для всех существ, в том числе и для человека? Существуют же довольно четкие ограничения. Сколько ни учи самого способного и старательного человека, он не сможет летать в воздухе или жить под водой без искусственных приспособлений. Как ни воздействуй на кошку, а она не родит ни собаки, ни крысы

– только котенка. Исходные возможности заложены в механизме наследственности, в истории вида, и особенных неожиданностей в этом смысле не бывает...

– Шамфор поглядел на Альбера и засмеялся. – Мой мальчик, хватит с вас на сегодня! Что это за жизнь – ходить из лаборатории в лабораторию, да еще по пути слушать рассуждения! В вашем-то возрасте!

– Но мне это очень интересно! – запротестовал Альбер.

– Ну, еще бы! Но во всем нужна мера. Хватит, говорю вам. Идите обратно да по дороге вдохните как следует этот запах дождя, и бензина, и молодой листвы, и духов – запах Парижа! Поглядите на эти огни, расплывающиеся в лужах, на Сену с ее черно-золотой рябью, на девушек в прозрачных цветных плащах. Это – жизнь! Если этого не будет, все наши лаборатории ни черта не стоят!

Альбер широко улыбнулся. Ему вдруг стало хорошо и легко. В самом деле, он молод и полон сил, и черное ночное небо над его головой полыхает рыжим отсветом огней любимого города – красавца Парижа, и впереди так много всего...

– Благодарю вас от всей души! – горячо сказал он Шамфору. – За все необычайное, что вы сказали мне! И за то, что вы сами же вернули меня к красоте реального мира...

– Вы романтик, дорогой мой, – сказал Шамфор. – Впрочем, не будь вы романтиком, лаборатория Лорана привела бы вас в ужас...

– ...Да, Луиза сказала мне. – Пейронель не глядел на Раймона. – Она привыкла говорить мне все...

Раймон кашлянул. Он не знал, что ответить. Пейронель надолго замолчал. Он, фыркая, подпиливал обломившийся ноготь.

– Видите ли, я старый чудак, – заговорил он наконец. – Я так смотрю на эти вещи: если уж ты выбрал себе жену или мужа, то не бросай их, по крайней мере, в беде. Подожди, пока человек выкарабкается...

– Луиза думает так же... – смущенно сказал Раймон.

– Я знаю. А вы? – Пейронель впервые поглядел на него. – Какого вы мнения по этому поводу?

– При всех условиях воля Луизы для меня закон. – Раймон вовсе не был уверен, что именно так надо отвечать.

Пейронель засопел и стал разглядывать свой ноготь. Вошла Катрин, доложила, что все уже собрались на совещание. Пейронель, кряхтя, поднялся.

– Неудачно вы пришли... ну-ну, я понимаю, что вам трудно вырваться. Поговорим в другой раз, ничего...

Он подошел к Раймону, взял его за плечи, повернул лицом к свету; Раймон увидел прямо перед собой

выпуклые глаза с желтоватыми белками в густой сети кровянистых жилок. Глаза были печальными и мудрыми – Раймон никогда не видел в них такого выражения. Ему стало не по себе.

– А вы-то любите ее? – Пейронель продолжал смотреть Раймону прямо в глаза. – Ну, по совести?

– По совести... не знаю! – выпалил вдруг Раймон. Он сейчас же испугался своей откровенности. Но Пейронель вздохнул с облегчением, и лицо его немного прояснилось.

– Ну, вы, по крайней мере, не врете, – сказал он.

Профессор Лоран осторожно приподнял край бинта на лбу Франсуа, у границы волос.

– Приживление, кажется, идет нормально, – сказал он. – Можно снимать бинты. Дальше обойдемся одним Бисти-3. Глаза пока не разбинтовывать. Раньше надо будет задернуть темные шторы.

Он опустил в кресло, тяжело дыша. Мишель взяла его за руку.

– Раньше я сделаю вам укол, – произнес он с неудовольствием. – Вы никак не можете оправиться после операции. Еще бы, три часа на ногах, такая напряженная работа в вашем состоянии.

– Мишель, ты начинаешь ворчать, как старая нянька, – слабым голосом сказал профессор Лоран. – Дюк-

ло сделает мне укол, а ты займись Франсуа.

Сквозь плотно задернутые темно-зеленые шторы струился неясный, сумеречный свет. На глазах Франсуа еще белела повязка, но лицо и шея были разбинтованы.

– Франсуа, попробуй говорить, – сказал профессор Лоран. – Как ты себя чувствуешь?

Горло Франсуа напряженно задвигалось, губы открылись.

– Хо-ро-шо, – сказал он запинаясь. – Хо-ро-шо. Я рад, что могу го-во-рить.

Голос у него был чуть глуховатый, приятного низкого тембра.

– Пока довольно, молчи, – сказал профессор Лоран. – Сейчас мы проверим, как у тебя с глазами. Мишель, сними повязку. Видишь что-нибудь, Франсуа? Глаза не болят?

– Вижу все, – медленно проговорил Франсуа. – Так же, как раньше. Глаза не болят.

– Дюкло, включите за моей ширмой лампу. Теперь как, Франсуа? Почему ты жмуришься?

– Ни-чего, я уже привык. Все хорошо. Спа-сибо. Я очень рад! – Он улыбнулся.

– Тебе не больно улыбаться?

– Немного больно.

– Не двигай мускулами лица. Старайся сегодня

больше не разговаривать. Будешь лежать до завтра. Глаза мы тебе опять завяжем. Завтра все будет уже в порядке.

– Я хочу посмотреть свое лицо, – сказал Франсуа. – Пожалуйста.

– Лучше бы завтра... Впрочем, дайте ему зеркало, Дюкло.

Франсуа долго рассматривал свое лицо в тусклом свете лампочки из-за ширмы. Лицо было смуглое, с крупными, правильными, чуть грубоватыми чертами.

– Это хорошее лицо. Спасибо. – Он отдал зеркало Альберу и лег, подставив голову ловким рукам Мишеля.

Профессор Лоран тяжело опустился в кресло. Он задышался.

– Что с вами? – Альбер тревожно глядел на него.

– Ничего. Теперь уже скоро, – тихо сказал профессор Лоран, силясь улыбнуться. – Через неделю можно будет продемонстрировать Мишеля и Франсуа. Потом я лягу в клинику... если вы обещаете... – Он вдруг замолчал и начал неловко сползать набок, полулежа в кресле.

– Мишель! – вскрикнул Альбер.

Мишель быстро подошел, взглянул на профессора и кинулся за шприцем.

Профессор Лоран вскоре открыл глаза, но был

слишком слаб, чтоб говорить. Мишель и Альбер перенесли его на кушетку, укрыли пледом. Альбер отдернул темные шторы, в окно хлынул веселый солнечный свет, и стало страшно смотреть на лицо профессора Лорана – синее, осунувшееся, с запавшими глазами.

– Что с ним, Мишель? – шепотом спросил Альбер, подойдя к столику, где Мишель снова кипятил шприц.

По белому, безжизненно правильному лицу Мишеля скользнула горькая гримаса.

– Я ведь предупреждал профессора. – Мишель покачал головой. – Эта операция была ему не по силам. Он не должен был...

– Что же теперь делать? – прервал его Альбер. – Вы сможете хотя бы вывести его из этого состояния?

– Постараюсь, – сказал Мишель, наполняя шприц.

– А может, вызвать врача? – спросил Альбер. – Профессора можно снести вниз, там его и осмотрят.

– Запрещаю, – тихо, но внятно проговорил профессор Лоран. – Категорически запрещаю, слышите?

Альбер в отчаянии развел руками. Мишель, держа шприц, неодобрительно глядел на профессора.

– Вы напрасно отказываетесь, – сказал он. – Возможно, существуют другие, более эффективные методы лечения, которых я не знаю. Наконец, консилиум...

– Консилиум? С тобой? – бледно усмехнулся про-

фессор Лоран.

Альбер с изумлением увидел, что Мишель вздрогнул и прикусил губы. Похоже было, что слова профессора задели его. Однако Мишель ничего не сказал. Он молча проделал вливание и ушел к своему столику.

Профессору Лорану стало немного лучше, но он был все еще очень бледен и еле шевелился. Альбер подложил ему под голову вторую подушку, отодвинул белые шторы, и воздух, свежий и чистый после утреннего сильного дождя, свободно входил в комнату.

– Обморок – это смерть в миниатюре, – тихо проговорил профессор Лоран.

– Наверное, поэтому так трудно снова приходиться в сознание. Нестерпимо режет глаза даже слабый свет, и тело кажется таким тяжелым, словно на тебя могильную плиту навалили. Любопытно все же... – Он вдруг замолчал, прислушался, глаза у него стали тревожными. – Дюкло, мы совсем забыли о Поле и Пьере. Разве они еще не просыпались?

Поль и Пьер, обнявшись, лежали на кушетке. Глаза их были закрыты, но поза казалась слишком напряженной для спящих. Альбер осторожно тронул Поля за плечо, тот слегка вздрогнул, но не открыл глаза.

– Поль, что с тобой? – тихо спросил Альбер. – Ты плохо себя чувствуешь?

Поль высвободил руку из-под головы Пьера и сел.

Лицо его было покрыто красными пятнами.

– Вы не смеете нас трогать, – своим скрипучим, странным голосом проговорил он. – Нас с Пьером. Мы не хотим, чтоб нас трогали. Он не хочет другое лицо. Оставьте нас в покое, мы ничего не хотим, только не трогайте нас. Мы хотим быть вместе, мы с Пьером!

У Альбера защемило сердце: вот ведь несчастное существо этот Поль! Он сказал, стараясь придать своему тону как можно больше убедительности:

– Напрасно ты так волнуешься, Поль. Никто не будет трогать ни тебя, ни Пьера, поверь мне. Профессор не хочет тебя переделывать. Да он и не может, он болен, он скоро уедет лечиться.

– Он не болен, – возразил Поль, – он переделывал Франсуа.

– Он очень устал, когда переделывал Франсуа, и заболел. Ты же знаешь, что он и раньше был болен. А теперь ему совсем плохо.

– Не надо было трогать Франсуа, – сказал Поль.

– Франсуа сам хотел, чтоб его переделали. Он очень рад. Он теперь будет говорить, и у него красивое, хорошее лицо. Завтра он будет совсем здоров.

– Пьер не хочет говорить, и ему не надо красивого лица, – упрямо повторил Поль. – Правда, Пьер, ты не хочешь, чтоб тебя трогали?

Пьер сидел на кушетке, растопыбив темные неук-

люжие руки, кивал головой и одобрительно мычал.

– Никто вас не собирается трогать, – сказал Альбер.

– А Мишель? – спросил Поль.

И Альбер удивился тому, какая ярость сверкнула в его мутноватых маленьких глазах.

– Мишель тоже не будет вас трогать. Да он и не умеет сам делать операции.

– Мишель все умеет, – недоверчиво проскрипел Поль. – Мишель меня не любит. Но я не дам себя перделывать и Пьера тоже не дам.

– Хорошо, хорошо, – уже нетерпеливо сказал Альбер. – Какой ты упрямый, Поль! И почему ты мне не веришь, разве я тебя когда-нибудь обманул?

– Я никому не верю, – сказал Поль, опустив голову. – Меня никто не любит, только один Пьер. Вот ему я верю, а больше никому...

– Как хочешь. – Альбер пожал плечами. – Только я никого никогда не обманывал, ты это запомни. Я не люблю врать.

Раймон вдруг проснулся среди ночи. С ним это случилось очень редко. Вся комната была перечерчена голубовато-белыми квадратами лунного света и черными тенями решеток и рам. Раймон лежал с открытыми глазами, стараясь понять, что же его разбудило.

Вдруг он услышал шепот за ширмой профессора. Шепот доносился явственно: Раймон лежал неподалеку.

– Я не буду откладывать демонстрацию, не говори глупостей, Мишель! – говорил профессор Лоран.

– Если вы считаете, что у вас хватит сил на демонстрацию, то оперировать меня вы наверняка сможете, – настойчиво шептал Мишель. – Сидя. Я буду лежать на полу, на кушетке, где хотите. И ведь это проще, чем с Франсуа. Не надо менять голос, только лицо.

– Я не понимаю, что на тебя нашло. Ты же всегда был доволен своим лицом.

– Я ошибался. Теперь я понял.

– Ты позавидовал Франсуа?

Мишель молчал. Потом он с усилием сказал:

– Почему вы утверждали, что я вечен? Это ведь неправда?

– Нет, правда. Тебя можно подновлять если не вечно, то очень долго.

– А кто будет подновлять? Разве вы сами – вечны?

– Другой, кто меня заместит, – после паузы сказал профессор Лоран. – Потом тот, кто заместит его.

Опять наступило долгое молчание.

– Но лицо они мне не переделают.

– Почему же? Пластические операции в хирургии разработаны блестяще.

– Они не захотят... Они будут меня демонстрировать так, с этим лицом-маской. А разве я не человек? Я бы доказал им...

– Ты думаешь, что я скоро умру? – спокойно спросил профессор Лоран. – Скажи правду, мне нужно знать.

Раймон похолодел, услышав четкий шепот Мишеля:

– Да, это возможно. Слишком вы истощены. Или в любом случае вы долго проболаете, будете лежать в клинике... А я...

– Понятно... – прошептал профессор Лоран. – Все-таки, Мишель, объясни: зачем тебе другое лицо?

– Я хочу быть самостоятельным. Если у меня будет нормальное лицо, я смогу ходить по улицам, говорить с людьми, и никто не догадается, что я не как все.

– Мишель, ты же не знаешь жизни. Она очень сложна и трудна. Дело не только в лице. Тебя будут принимать за сумасшедшего: ведь ты не знаешь самых простых вещей, которые знает даже маленький ребенок.

– Я подготовлюсь. Я буду читать разные книги. Буду беседовать с вашими помощниками, ведь они знают жизнь. Сделайте мне лицо, прошу вас, очень прошу! Как мне просить вас? Стать на колени?

– Это ты в книге прочел, что становятся на колени?

– Да, мне Жозеф дает книги. Он хочет, чтобы я раз-

вивался.

Раймона пробрала нервная дрожь, он натянул одеяло на голову и некоторое время не слушал разговора. Потом он высунулся из-под одеяла и снова увидел бело-голубые и черные квадраты и кресты на полу и услышал шепот за ширмой.

– А если я умру, не докончив операции?

– Я сделаю все, чтоб этого не случилось.

Профессор Лоран долго молчал. Потом сказал:

– Иди спать, Мишель! Я постараюсь выполнить твою просьбу... Черт возьми, это ты тоже в книгах научился – целовать руки?

– Не знаю... кажется, нет...

– Иди спать. Я очень устал...

Альбер был потрясен. На побледневшем лице его четко проступили веснушки, он отчаянным жестом взъерошил волосы и проговорил, глядя в пространство:

– Он его убьет! Мишель его просто убьет! Это ужасно! Что же делать?

– Надо, по-моему, отговорить профессора от операции. Он и в самом деле не выдержит. Уж очень слаб, – сказал Раймон. – Потом, надо пригласить хорошего врача. Что этот Мишель понимает, в конце-то концов, какой у него опыт!

– Да я предлагал, – в отчаянии сказал Альбер. – Профессор категорически отказался.

– Я все же попробую, – сказал Раймон.

Профессор Лоран снова отказался.

– Пока не надо. Если Мишель в ближайшие два-три дня ничего не добьется, тогда...

Раймон недоумевающе пожал плечами.

– Разве можно в вашем состоянии экспериментировать над собой? – спросил он. – Почему не посоветоваться с опытным, знающим человеком? Разве Мишель...

– Бросьте, Жозеф, – нетерпеливо прервал его профессор Лоран. – Мишель знает, что со мной, а постороннему человеку этого не объяснишь. В этом вся штука. И, вдобавок, этот врач кому-нибудь расскажет, какой интересный случай ему попался, кто-нибудь заинтересуется, начнет соображать, докапываться, и тогда...

– Но если с вами что-нибудь случится?..

– Вот Мишель уверен, что ему удастся поставить меня на ноги.

Мишель, сосредоточенный и хмурый, утвердительно кивнул.

– А знаете, что мне пришло в голову? – сказал Рай-

мон, когда они завтракали на кухне. – Этот Мишель, он пока нарочно не пускал в ход все известные ему средства. Он ведь хотел доказать профессору, что нужно лечиться, что в лаборатории оставаться нельзя. А теперь у него совсем другие намерения. Вот посмотрите, он в лепешку расшибется, чтобы поднять профессора на ноги.

– Ну, по-моему, вы слишком высокого мнения о способностях Мишеля, – возразил Альбер. – Он просто не решился бы на такие отчаянные эксперименты. Что ж, по-вашему, профессор Лоран ничего не понимает и покорно подчиняется Мишелю? Но я боюсь другого: сейчас, стараясь поднять профессора на ноги, как вы говорите, Мишель может перемудрить с гормонами и стимуляторами. А в теперешнем состоянии профессора это может оказаться для него губительным. Вот тут уж трудно уловить границу между дозволенным и недозволенным. Но в одном профессор Лоран безусловно прав: даже самый хороший врач, не зная, что именно довело его до такого состояния, не сможет ему помочь.

– Вам виднее, – сказал Раймон, допивая кофе. – Я вас еще вот о чем попрошу: поговорите с Луизой, объясните, что ей там, наверху, делать нечего.

– А она хочет идти наверх?

– Не хочет, очень боится, но считает своим долгом

дежурить около профессора. Объясните ей, что этого не нужно. Она все равно не выдержит там...

– Я ей сам объясню! – заявил Роже, молча слушавший весь разговор. – Меня она скорее поймет, будьте уверены!

Раймон пожал плечами и поспешно ушел. Роже ухмыльнулся, глядя ему вслед:

– Видел, какую мину скорчил? Ревнует!

– Ну зачем ты его дразнишь? – с упреком сказал Альбер.

– А что мне беречь его нервы? Пускай злится. Все равно он сукин сын, и Луизе с ним будет несладко. Знаю я таких. Он только о себе и думает.

– Брось ты! – сказал Альбер. – Вот привязался к человеку! Это ты ревнуешь, а не он.

– Охота мне была ревновать! Просто мне жалко бедную девочку... Ну, что у вас там новенького наверну?

– Ничего хорошего пока. Профессор очень слаб. Поль с Пьером невылазно сидят за ширмой и ото всех шарахаются. И, вдобавок, плохо с Франсуа. Операция прошла прекрасно, а теперь у него парализовано лицо, какие-то боли в горле, он еле говорит. Мишель делает ему электромассаж, но пока лучше не становится. Профессор очень огорчен – может сорваться демонстрация. А тут еще Мишель настаивает, чтоб ему

сделали операцию...

– Мишель себе на уме. Конечно, если у него будет нормальное лицо, поди-ка разбери, что он за штука. Вот увидишь – все будут думать, что человек, только чудной немного... Послушай-ка, приятель... тут вот какое дело... – Роже подумал, поколебался. – Есть для нас обоих работа. В бистро, где работает Виго, требуется официант и судомой.

– Ты уходишь? – огорченно спросил Альбер.

– Только вместе с тобой! – заявил Роже.

– Ну, я-то не уйду, ты же знаешь. А тебе, конечно...

– Ладно, я просто так сказал. Знаю, что ты не уйдешь. Да и Луизу жалко. Но добром вся эта история не кончится, уж поверь мне... Черт нас понес мимо этого милого домика! словно не было другой дороги на улицу Тальма!

– Может, ты все же пойдешь в бистро? – нерешительно спросил Альбер.

– Не задавай дурацких вопросов. Я же сказал. Будь что будет, авось выкрутимся.

Мишель наклонился над Франсуа. Тот лежал неподвижно, из-под парализованных, незакрывающихся век виднелись белки, лицо опухло и перекосилось.

– Франсуа, ты спишь?

Из-под век показались зрачки. Франсуа еле двигал

губами.

– Не сплю. Болит голова. Болит горло. – Голос у него был сиплый, очень слабый.

– Прими лекарства. Вечером опять сделаю тебе электромассаж. Это должно скоро пройти. – У Мишеля был очень встревоженный вид.

Альбер тоже стоял и смотрел на Франсуа. Сейчас Франсуа совсем был похож на человека – правда, на тяжело больного, изуродованного болезнью; но в больнице и не таких встретишь. Альбер повернулся, чтоб уйти, и увидел Поля: он настороженно и угрюмо глядел на Франсуа, вытянув длинную худую шею. Каждый его дергался, словно он глотал, руки сжались в кулаки. Встретившись взглядом с Альбером, он отвел глаза.

– Что Мишель сделал с Франсуа? – спросил он сквозь зубы.

– Я же тебе говорил: операцию делал профессор.

– Нет. Профессор болен. Он не может делать операцию.

– Не болтай чепухи, Поль, – оказал профессор Лоран из-за ширмы. – Ты же хорошо знаешь, что никто, кроме меня, не может делать операцию.

– Мишель может... он все может...

– Не болтай чепухи. Операцию делал я.

Мишель молча смотрел на Поля. Глаза его были

все такими же блестящими и холодными, но лицо стало живее за эти две недели: в нем появилась какая-то нервная игра, исчезла скованность, делавшая его похожим на маску. «А ведь, пожалуй, зря он хочет сменить лицо, – подумал было Альбер, но, присмотревшись, решил: – Нет, все-таки слишком уж белое и правильное лицо. Никогда оно не будет казаться живым».

– Почему ты все спрашиваешь обо мне, Поль? – спросил Мишель. – Ведь тебе сказали, что операцию Франсуа делал не я. А тебе операцию вообще не будут делать. И Пьеру тоже. Чего ты боишься?

– Ты хочешь сделать мне операцию, – проскрипел Поль, глядя в сторону.

– Я считаю это полезным для тебя, – поучающим тоном сказал Мишель. – Жаль, что ты этого не понимаешь. Ты бы стал сильным и здоровым. А память у тебя сохранилась бы. Ведь у меня она сохранилась, когда мой мозг лежал в термостате...

Альберу показалось, что Поль сейчас бросится на Мишеля. Он поторопился прервать разговор.

– Мишель, вы же знаете, что никакой операции не будет. К чему же разговаривать о таких вещах? Вы видите, что Поль волнуется.

– Это очень глупо, – сказал Мишель и отошел.

Поль проводил его ненавидящим взглядом. Альбер вздохнул. Вся эта история ему очень не нравилась.

Профессор Лоран подозвал Мишеля:

– Попробуй добавить Бисти-1 в питательную среду Франсуа. И витамина В12... Ты не боишься операции? Видишь, как я плохо стал работать?

– Я не боюсь. – Мишель глядел прямо в глаза профессору. – У Франсуа это случайность. Все пройдет.

– Может, все же откажешься от операции?

– Нет! – выходя из-за ширмы, ответил Мишель. – Операцию я считаю необходимой.

Альбер нахмурился, увидев бледное, сосредоточенное лицо Поля; он выглянул при этих словах из своего уголка и сейчас же скрылся. Говорить профессору о своих опасениях не хотелось: уж очень он слаб. Мишель ничего не хочет понимать, твердит с высокомерным видом: «Это глупо, это нелепо, у Поля разлажена психика», – и, сколько его ни проси, не прекращает разговоров об операции... «Надо будет завтра позвонить Шамфору, посоветоваться», – со вздохом подумал Альбер.

...Все началось поздно вечером, часов в одиннадцать. Франсуа не становилось лучше; профессор Лоран, подумав, выписал рецепт и попросил кого-нибудь срочно сходить в аптеку. Пошел Роже.

Мишель включил аппарат для электромассажа. Альбер, уткнувшись в книгу, рассеянно слушал равномерное тихое гудение. Франсуа слегка стонал.

Альбер вдруг ощутил неясную тревогу. Он поднял голову. И в это мгновение мимо него скользнули за ширму к Франсуа две пригнувшиеся, как для прыжка, фигуры. Альбер вскрикнул и метнулся за ширму. Поль навалился на Мишеля и сжимал его трубку, Мишель бился и хрипел. Альбер еле разжал руку Поля, отбросил его в сторону. Потом он увидел, что Пьер замахивается на него табуретом, хотел отскочить, но Поль вцепился ему в ноги. Он успел услышать отчаянный крик профессора Лорана, а потом тяжелая тьма поглотила его.

Раймон и Луиза похолодели, услышав крики и топот наверху. Раймон вскочил, кинулся к двери.

– Я с вами... я с вами... – лихорадочно бормотала Луиза.

– Нельзя! Не смейте! – крикнул Раймон, взбегая по лестнице.

Он ворвался в комнату и на мгновение остолбенел от ужаса. За ширмой Пьер тяжелыми, равномерными взмахами заносил и опускал табурет. Ширма дымила и тлела. Профессор Лоран полз к ширме, беззвучно открывая рот.

– Жозеф... не бейте их... – прохрипел он и упал ничком.

Раймон ударом ноги оттолкнул ширму. Пьер яростно замахнулся на него табуретом, он схватил столик,

выставил ножками вперед. Поль, оскалив зубы, начал подбираться к нему сбоку. Раймон, отступая к стене, быстро оглядел комнату. Тела Франсуа и Мишеля лежали крест-накрест. Голова Мишеля была разбита и изуродована до неузнаваемости, – очевидно, это его Пьер колотил табуретом. Франсуа тоже казался мертвым, но его голову Раймон не видел, ее заслоняло кресло. Альбер неподвижно скорчился на полу у кушетки.

Над опрокинутой ширмой вспыхнули синеватые язычки огня, перебросились на штору. Пьер подходил все ближе, вертя табуретом. В эту минуту раздался душераздирающий вопль. Луиза стояла в дверях, прижав руки к груди. Пьер обернулся к ней, держа табурет над головой, и тогда Раймон изо всех сил двинул его столиком. Пьер свалился. Поль молча прыгнул, оскалив зубы, вцепился в горло Раймону. Раймон, задыхаясь, с трудом оторвал эти липкие пятнистые руки. Поль отлетел в сторону, ударился головой о стену, дернулся и затих. Раймон бросился к Луизе.

– Что вы делаете, уходите! – крикнул он.

– А-а! – закричала Луиза, отшатнувшись.

Раймон быстро обернулся, отскочил, но не успел избежать удара. Правая рука его сразу повисла, как плеть. Превозмогая боль и слабость, он, прислонившись к стене, ударил Пьера ногой в живот. Челове-

ка таким ударом можно было вывести из строя; Пьер пошатнулся, упал и сейчас же опять поднялся. «Теперь все», – подумал Раймон, со странным безразличием глядя на бесформенное темное лицо Пьера. Пьер подходил, угрожающе вытянув короткие могучие руки.

– Луиза, бегите! – крикнул Раймон.

Он не услышал ответа. На столе у окна зазвенело лопнувшее стекло, к потолку взлетел ревущий огненный столб. Раймон увидел, что на него движется облако пламени и едкого дыма, и сполз по стене, потеряв сознание.

Очнулся он от боли. Кто-то грубо тащил его волоком по полу, перебитая рука задевала за стулья. Он оказался на площадке лестницы, рядом с ним кто-то лежал. Раймон с усилием взгляделся сквозь дым, валивший из комнаты, и еле узнал Альбера – лицо его было залито кровью. У самых ступенек лежал профессор Лоран, безжизненно разбросав руки. Цепляясь за стену здоровой рукой, Раймон поднялся, кинулся в комнату. Среди огня и дыма по полу катались, сцепившись, двое. «Это Роже!» – догадался Раймон. Он подобрался к Пьеру, схватил его за трубку, плотно сжал ее. Пьер захрипел, отчаянно забился. Роже с трудом выбрался из-под него.

– Держи трубку, не выпускай! – простонал Роже, по-

тирая горло. – Руку он мне перебил...

– Луиза! – закричал Раймон. – Боже, Луиза!

– Так она здесь! – ахнул Роже. – Какого же ты дьявола...

Он пополз в огонь, прикрывая лицо. Раймон ослабел от боли и удушья, свалился на пол, продолжая судорожно сжимать трубку. Пьер все еще бил ногами и дергался. Огонь уже подбирался к двери, дым ел глаза, Раймон задыхался.

Роже вынырнул из дымного облака, таща за собой Луизу. Волосы ее обгорели, платье тлело. Раймон привстал, рванул уже затлевшую портьеру с двери, они вдвоем плотно укутали Луизу, вытащили ее на площадку, захлопнули дверь: пламя рвалось наружу.

– А они? – Роже указал на дверь.

– Мишель убит, Франсуа, кажется тоже. – Раймон еле шевелил губами. – А из-за этих двух я не полезу на смерть. Да нам их теперь не вытащить, даже если они и живы...

Роже угрюмо кивнул и наклонился над Альбером.

– Слава богу, пока жив, – сказал он. – А Луиза?

– Не знаю. – Раймон с ужасом отвернулся от черного, не то закопченного дымом, не то обгоревшего лица, от волос, рассыпавшихся серым пеплом, подполз к профессору Лорану, взял его безжизненную руку. – Кажется, тоже жив... пока... он в обмороке.

– Надо спускаться вниз, вызывать пожарных, – сказал Роже, кашляя от едкого дыма. – Бери Луизу, я потащу Альбера, потом вернусь за профессором.

Роже обхватил здоровой рукой безжизненно болтавшееся тело Альбера и начал медленно спускаться с лестницы. Раймон с трудом поднял Луизу, неловко прижал к себе. Голова ее свисала на грудь. Раймон жмурился, отворачивался, но эта жуткая, почерневшая голова с остатками волос все качалась перед ним, даже когда он закрывал глаза. Он положил Луизу в вестибюле на диван, вслед за Роже снова поднялся наверх. Вдвоем они снесли вниз профессора Лорана.

– Я вызову пожарных, – сказал Раймон.

Он не был уверен, что дойдет, но не мог больше оставаться здесь. И надо было сообщить шефу. С трудом отодвигая засовы калитки, он обернулся: из окон верхнего этажа вырывалось пламя. Раймон открыл калитку, и навстречу ему бросились какие-то люди.

– Что у вас там? Что это?

– Вызовите пожарных! – прохрипел Раймон.

– Вызвали! Уже вызвали! – кричали ему. – Что там делается?

– Помогите мне добраться до телефона. И позовите врача, скорее врача...

– Полицию! – кричал кто-то.

– Потом полицию, сначала врача, люди умирают, –

срываю голос, хрипел Раймон. – Врача, врача!

Кто-то кинулся в дом, кто-то побежал вниз по улице. Раймона поддерживала чья-то крепкая рука.

– Вы ранены... обгорели... – говорил ему кто-то. – Куда вы?

– Помогите мне добраться до телефона! – иступленно повторял Раймон.

Он почти повис на руках своего провожатого, еле втиснувшись в кабинку. Ничего не видя, ощупью он набрал номер домашнего телефона шефа.

– Катастрофа... приезжайте немедленно... – хрипел он.

– Кто это? Кто говорит? – кричал Пейронель.

– Лемонье... приезжайте, скорее... Луиза... – Он упал, не докончив фразы.

Его провожатый поднял болтающуюся трубку и быстро сказал:

– Он ранен и обгорел. Дом горит. Да, да, это в Пас-си. Да, правильно. – Он повесил трубку. – Вы дойдете? Там сейчас будет врач.

Раймон не отвечал. Он был без сознания. Человек поднял его на руки и понес к дому.

Альбер с усилием открыл глаза. Все плыло и туманилось перед глазами, голова нестерпимо болела, он не мог шевельнуться.

– Что это? – прошептал он. – Что это?

Что-то гремело, звенело, яростно шипело, с гулким грохотом падало и перекатывалось. В дыму и кровавом свете двигались неясные фигуры людей. Наконец он увидел над собой чье-то лицо. «Это Роже», – подумал он.

– Роже... что это? – Он еле шевелил губами.

– Лежи, лежи, не двигайся, – незнакомым хриплым голосом сказал Роже. – Сейчас врач приедет.

– А это кто? Вот эти?

Роже не отвечал – должно быть, не расслышал. Лицо у него было черное, как у негра, губы прыгали. Альбер приподнял голову. Он лежал в вестибюле на полу. Рядом с ним, откинув голову набок и неловко подогнув ногу, лежал профессор Лоран. Альбер опять почувствовал, что все плывет у него перед глазами, его мучила тошнота, в голову будто били тяжелыми молотками, так она болела и гудела.

– Роже... он умер? – Альбер тронул его за рукав, и Роже охнул.

– У меня рука перебита, не хватайся, – прохрипел он. – Профессор? Как будто жив.

– А остальные? Погибли?

– Луиза тут. – Роже кивком указал направо.

Альбер с трудом повел глазами, увидел руку Луизы, беспомощно свисавшую с дивана.

– Размозженная рана черепа. Обломков не вижу, возможны трещины в кости. Тяжелое сотрясение или ушиб мозга, – говорил кто-то. – Что это было? Взрыв?

– Не знаю, – угрюмо хрипел Роже.

– А у вас что? Так... открытый перелом лучевых костей... ожоги... А тут что? Болит? Похоже на то, что ребра сломаны. Как у вас там, Картье?

– Открывает глаза, – отвечал другой голос. – Острая сердечная недостаточность, возможно, нервный шок. Что вы? Да я сам не знаю, что случилось! Пожар уже гасят. Лаборатория? Не знаю. Он спрашивает, где Дюкло. Кто это Дюкло?

– Вот он, – сказал Роже. – Профессор, Дюкло рядом с вами.

Альбер повернул голову к профессору Лорану. На него глянули помутневшие глаза, полные ужаса и боли.

– Они... живы? Дюкло! Живы? – шептал профессор Лоран.

– Живы, все живы, – хриплым голосом сказал Роже. – Все в порядке, слышите?

– Он опять потерял сознание. Несите его в машину. И этого тоже. Что с женщиной?

– Сильные ожоги и, по-видимому, тяжелый нервный шок. Не приходит в себя. Состояние угрожающее.

– Вызвали вторую машину? Хорошо. У этого что?

– Перелом ключицы. Ожоги первой и второй степени. Черт возьми, что тут случилось?!

Кто-то поднял Альбера, положил на носилки. Альбер застонал: голова словно на части раскалывалась. Снова уходя во тьму, он еще услышал чье-то шумное дыхание, тяжелые шаги и потом не то стон, не то крик: «Луиза! Боже мой, Луиза, моя девочка!»

– А что ты хотел? – сказал Роже. – Мы еще легко отделались. Я с самого начала видел, чем это пахнет.

Он сидел на койке Альбера, похудевший, обросший, с красными пятнами ожогов на лбу и на щеках. Левая рука его, в гипсе и бинтах, висела на перевязи.

– Я не о себе, – с трудом проговорил Альбер. – Профессор Лоран...

– Профессор? – задумчиво сказал Роже. – Что ж, он ведь и до этого был тяжело болен...

– Если б лаборатория уцелела... – прошептал Альбер, глотая слезы.

– Да, если б... А после того как погибли все его ребята... Я было соврал ему, но он скоро узнал – и сразу...

– А какой диагноз? Как объяснили врачи его смерть?

– Найдут, как объяснить, не беспокойся. Сказала сестра, что инфаркт. Очень возможное дело, что ж. Да

ты не плачь. Он все равно долго не прожил бы.

Альбер не шевелился: По щекам его катились слезы. Подумать только, все погибло, все, за что профессор Лоран заплатил счастьем, здоровьем и самой жизнью.

– Ну, не плачь. – Роже откашлялся. – Я тебя вполне понимаю, дружище. Но ты сейчас об этом не думай, а то не поправишься. У тебя башка здорово разбита была, уж я-то видел. Это кто тебя трахнул? Пьер? Ну, и меня тоже он, и Раймона. Сильный был, черт! Говорил ведь я: нужно оружие. Раймон говорит: не думал уже, что живым выйдет. Задержался бы я в аптеке еще минуты две-три, и конец.

– Что Раймон?

– Раймон? А чего ему? Выздоровливает. Видал его статьи? И фотографии, подлец, ухитрился сделать. Говорит, теперь они на вес золота. Еще бы, ведь пока пожарники добрались до Мишеля и других, никого узнать нельзя было, все обгорели, как головешки.

– Почему начался пожар?

– Вот уж не знаю. Говорят, короткое замыкание. Наверное, этот чертов Пьер хватил табуреткой по включенной плитке.

– Прибор для электромассажа, – вспомнил Альбер. – Когда они набросились на Мишеля, он делал массаж Франсуа. За что они убили Франсуа, не пони-

маю.

– Психи, что ты хочешь! Наверное, заступился за Мишеля... Да, но кто умер, тот умер. А вот каково бедняжке Луизе!

– А что с ней?

– Как – что? Обгорела вся. Волосы сгорели, лицо все обожжено. И вообще она сама не своя. Врачи говорят – нервный шок, но это по-научному, а попросту это называется: горе...

– Разве она так любила мужа?

– Не в муже дело, чудак. Она не мужа кинулась спасать, а своего красавчика Раймона. А он на нее теперь и глядеть боится. Зайдет, постоит у порога, а сам смотрит в сторону. У него палата вся цветами заставлена, как оранжерея, а любовных записок – полон столик. Каждый день к нему ходит не меньше десятка девочек, да все такие нарядные! Герой, как же! Сегодня одна прошла, блондиночка, с белой кошечкой на руках – все отдай, и мало! Везет человеку, ничего не скажешь...

Альбер отвернулся. Счастливый Роже, ему в общем-то совсем безразлично, что на его глазах погиб целый мир, фантастический, невероятный мир, созданный волей, воображением, нечеловеческой энергией одного гениального человека. «Профессор Лоран умер от горя. Я сам не знаю, что со мной делает-

ся. Я бы тоже хотел умереть, слишком все это тяжело. А Роже думает о том, какие шикарные поклонницы у Раймона. Это проще. Лучше жить проще. Но как же это сделать, если всю жизнь будешь помнить лабораторию профессора Лорана?..»

– Этого нельзя забыть! – сказал он вслух.

– Нельзя, это верно, – согласился Роже. – Я как закрою глаза, так все и вижу перед собой. Умирать будешь – и то вспомнишь.

– А чего ж ты всякую чепуху болтаешь?

– Чудак ты! Чтобы поменьше об этом самом думать! – снисходительно пояснил Роже. – А то ведь и свихнуться недолго.

В палату вошел Раймон. Он побледнел, похудел, глаза стали больше, это ему очень шло, и даже большое красное пятно ожога на левой щеке не портило его, а скорее придавало какой-то романтический вид. Плечо у него было перебинтовано и залито гипсом, но двигался он свободно и, по-видимому, чувствовал себя неплохо.

– Привет, друзья! – сказал он, садясь на табуретку у койки Альбера. – Как дела?

– Ничего дела, – пробурчал Роже.

– Не хотите поговорить с моими коллегами? Они жаждут подробностей, сами понимаете...

– А мы ничего такого не жаждем, сам понимаешь, –

сказал Роже.

– Ну, как хотите, – мирно проговорил Раймон. – Я думал, вам будет интересно поговорить, рассказать людям, что видели...

– Ты лучше расскажи нам, как дела Луизы, – сказал Роже.

– Луизы? – Раймон вдруг заинтересовался своими ногтями. – Что ж Луиза? Она понемногу выздоравливает...

– А дальше как?

– Дальше? Ну, я пока ее не спрашивал. Она столько пережила...

– Вот именно! – сказал Роже. – А все-таки?

– Что – все-таки? – Раймон начал сердиться. – Я не понимаю, чего вы от меня добиваетесь!

– Ничего мы от тебя не добиваемся. Просто жалеем Луизу.

– Я тоже ее жалею, поверьте... – Раймон встал.

Роже посмотрел на него, презрительно хмыкнул и отвернулся.

– Что вы хотите, ребята? – Раймон вдруг заговорил совсем иным тоном, гораздо более серьезным и искренним. – Я понимаю, вы считаете, что я обязан... ну, словом... Но вы можете, меня понять, вы сами все это пережили... Как я погляжу на Луизу, так у меня в памяти встает эта кошмарная ночь, и... ну, просто ужас

охватывает, бежать хочется куда глаза глядят... Вы не можете сказать, Роже, что я себя плохо вел тогда...

– Я и не говорю... – сказал Роже.

– Ну вот, а теперь мне страшно. Меня хватает на то, чтоб, стоя на пороге палаты, говорить с Луизой... и все... Я ничего не могу с собой поделатъ! Неужели вам это непонятно?

– Нам это понятно, – сказал Роже. – И это, и еще кое-что.

– А именно? – уже резко спросил Раймон.

– Именно то, что ты на этом деле хорошо заработал, как и рассчитывал. А накладные расходы никому не по вкусу. Вот и все.

– Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне, – заявил Раймон.

– Нужен ты мне очень, – сказал Роже, не поворачивая к нему головы. – У меня, понимаешь, тоже нет охоты с тобой разговаривать.

Раймон остановился у порога:

– Мне, право, очень жаль, что вы так настроены... Альбер, может, вы объясните Роже, что я...

– Выкатывайся, да поживей, – сказал Роже не шевелясь. – Нечего мне объяснять, я не маленький.

Раймон выразительно развел руками – мол, снимаю с себя вину, – и ушел.

– Чего ты к нему привязался, в самом деле? – мор-

щась от головной боли, сказал Альбер. – Что ты хочешь: чтоб он женился на женщине, которую не любит? Кому от этого будет легче, спрашивается?

– Я хотел бы, чтоб на свете было поменьше сволочей. Вот чего я хотел бы, – сказал Роже. – А вообще мне на него плевать. Пускай делает свой бизнес, как говорят американцы.

– А ты бы мог жениться на женщине не по любви, а из жалости? – спросил Альбер. – Ты считаешь, что это правильно – так поступать?

Но с Роже, как всегда, было нелегко разговаривать.

– Без любви? – спросил он. – Почему это без любви? Да я бы ее любил, вот и все!

Под вечер молоденькая сиделка принесла громадный букет темно-красных роз.

– Это вам посылает мсье Лемонье, из четвертой палаты. – Она сияла. – Он такой добрый, такой милый, этот мсье Лемонье!

Роже встал и, склонив голову набок, с интересом осмотрел букет.

– Дорогая мадемуазель Анриетта, – торжественно сказал Роже, – я рассчитываю на ваше доброе сердце. Если вы действительно хотите осчастливить нас, ваших восторженных поклонников с этой минуты и до самой смерти, то умоляю вас... – он сделал театраль-

ную паузу, – умоляю вас, подметите этим шикарным венком нашу скромную палату!

– Мсье шутит? – пролепетала сиделка.

– Вовсе нет. Просто я всю жизнь мечтал, что буду ступать по розам. Или хотя бы по лепесткам роз. Но все не приходилось, дорогая мадемуазель, поверите ли! – Он нарочито шумно вздохнул. – И вдруг – такой случай! Ну, осчастливьте же нас!

Сиделка начала пятиться к двери. Роже расхохотался:

– Слушайте, Анриетта, вы зря пугаетесь. Возьмите лучше себе эти цветы. А доброму, милому мсье Лемонье передайте, что он просто ошибся адресом...

Раймон натянуто улыбнулся.

– Он большой шутник, этот Роже Леруа. Не обращайтесь внимания, Анриетта. Просто я забыл, что у Альбера до сих пор очень болит голова и такой большой букет он не сможет держать в палате. В самом деле, возьмите себе эти цветы, вы доставите мне удовольствие.

«В сущности, какое мне дело до этого грубияна Роже? – думал он, медленно расхаживая по палате. – Просто нервы растрепались от всей этой истории... Да, но игра стоила свеч! Сенсация на весь мир! Нашу газету из рук вырывают...»

Он взял с подоконника пачку газет, с удовольствием просмотрел заголовки своих статей: «Тайна особняка в Пасси», «Кто они: люди или?..», «Гениальный безумец», «Власть над миром», «Великая мечта гибнет в огне и крови»... Фотографии были очень выразительны. Мишель, склонясь над пробирками, записывает что-то в тетрадь – и тот же Мишель, так удивительно похожий на человека, сам вливает себе в трубку питательную жидкость. Франсуа и профессор Лоран за столиком; Франсуа делает расчеты. Пьер и Поль, обнявшись, сидят на кушетке. Поль и Мишель спорят о чем-то. Профессор Лоран с измученным лицом и лихорадочно блестящими глазами полулежит в кресле. Профессор Лоран и Мишель осматривают Поля. Мишель делает Полю внутривенное вливание; жгут держит Пьер... «Да, слава богу, что заранее удалось передать эти снимки шефу, а то бы и они пропали... последнее свидетельство того, что это было в действительности, память о невозвратно исчезнувшем, странном и жутком мире... А вот и фотография Луизы... Бог мой, какая она была очаровательная, с этими большими лучистыми глазами, с несмелой и грустной улыбкой! Луиза... что же тут делать? Что делать? Пейронель должен понять... да он и понял, сразу же... Впрочем, теперь я и без Пейронеля пробьюсь в крайнем случае. Я не хочу ссориться с ним, избави

бог, – но какие лестные предложения от двух редакций... Не говоря уже о женщинах... те просто с ума сходят... А ведь эта вдова фабриканта духов решительно недурна... положим, ей не двадцать шесть лет, как она уверяет, а тридцать с хвостиком, но это не так уж важно... зато – обеспеченная жизнь, вилла в Ментоне... Право, есть над чем подумать. Но торопиться не стоит. Сейчас надо написать книгу. Назвать ее надо как-нибудь хлестко, ошеломляюще: „Месяц среди чудовищ“... или нет, не то... Лучше так: „Тайна профессора Лорана“ или „Я был в лаборатории чудес“... Впрочем, название – потом. Писать пока нельзя, но можно продиктовать стенографистке. Надо поскорей, а то даже самые крупные сенсации очень быстро гаснут, публика теряет к ним интерес. Сегодня любое издательство ухватится за такую книгу, а завтра о ней и говорить не захотят. – Раймон задумался. – Надо торопиться... Впрочем, все устроится... но вот Луиза...»

– У меня уже ничего не болит, – безжизненным, ровным голосом сказала Луиза, – но мне запрещают вставать.

Она не глядела на Раймона. Ее прозрачная, исхудавшая до невероятия рука спокойно лежала на одеяле. Раймон сидел у кровати, опустив глаза. Он не мог смотреть на эту голову, пятнистую от ожогов, с корот-

кими щетинистыми волосами, на это бескровное лицо, с грубым красным рубцом, наискось идущим по левой щеке от уха к подбородку. Нет, это не Луиза, это чужая, старая, некрасивая женщина. Он старался представить себе ту, настоящую Луизу, – и не мог. полумертвое, изуродованное лицо неотступно стояло перед глазами.

– Луиза, – сказал он, и голос его дрогнул. – Луиза...

Неподвижные светлые глаза Луизы, казавшиеся огромными на этом истаявшем лице, вдруг ожили. Луиза повернулась к нему:

– Раймон...

Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга. Раймон первым отвел глаза:

– Луиза... если вам что-нибудь понадобится...

– Благодарю, – очень тихо, но четко выговорила после долгого молчания Луиза. – Мне ничего не нужно.

Раймон почувствовал, что больше ни секунды не выдержит тут. Он быстро наклонился, поцеловал холодную, неподвижную руку Луизы и почти выбежал из палаты, унося на губах ощущение неживого холодка.

За дверью он остановился и крепко вытер губы платком.

– Двигательное возбуждение... разлад тормозящих центров... э! – Шамфор горько усмехнулся. – Бедняга

Лоран молча принимал эти рассуждения Мишеля просто от усталости... и вообще ему нравилось, что Мишель так уверенно все объясняет: все же существо, которое по его воле возникло из небытия... Нет, мой мальчик, это был бунт людей против людей... пускай нелепый, слепой, несправедливый – и все-таки понятный. Человек есть человек, и чужая, жестокая и холодная воля, управляющая его жизнью, лишаящая его свободы, обязательно станет ему ненавистна, вызовет противодействие...

– Но какое понятие о свободе могло быть у Поля? – спросил Альбер. – Что он видел, кроме лаборатории?

– В лаборатории он тоже кое-что видел. Видел Лорана, вас и других. Видел, что Мишель, существо, подобное ему, пользуется иными правами, чем он, командует им и Пьером. Видел, что от Мишеля во многом зависит его судьба. Разве этого так уж мало?

Альбер долго молчал.

– И все погибло... – сказал он потом. – Нечеловеческое напряжение воли и энергии, жизнь, вытянутая в одну узкую, жестко ограниченную полосу, насильственно изуродованная, – и во имя чего? Если б не фотографии, которые тайком от всех сделал Раймон, никто даже не поверил бы, что существовали Мишель и Франсуа, Поль и Пьер... Такая долгая борьба, такой упорный, ежедневный, ежечасный бой – и полный

разгром... Об этом страшно даже думать. Если б профессор Лоран и остался жить, он не смог бы начать сначала...

Шамфор покачал головой:

– Вы неправы, дорогой мой. Вы, я вижу, безоговорочно согласились с тем, что я сказал в минуту раздражения о работе Лорана. Но гибель Лорана – это гибель в жестоком бою, как вы правильно заметили. Это был неравный бой, тем более что Лоран, сражаясь против ограниченных возможностей человеческого организма, пытаясь расширить их пределы, вызвал на поединок и самого себя, свое тело, свой мозг, свои нервы и сердце. Он не добился полной победы, но разве такой бой можно выиграть в одиночку? Однако и поражением это нельзя назвать. Лорана постигла участь всех первооткрывателей, тех, кто шагает по неизведанным и опасным краям и платит жизнью за то, что первым увидел неведомое и невероятное... тех, чьи могилы, как вехи, остаются на еле намеченном пути. Разве можно забыть, что сделал Лоран? Разве мы с вами когда-нибудь забудем особняк в Пасси, и рассуждения Мишеля, и жалобы Поля? Разве мы сможем забыть смертельно измученное лицо Лорана, лицо подвижника науки? Я все простил ему, увидев его лицо... Я понял, что он сделал с собой...

– Нет, вы не все простили ему...

– Не все? Ну, пока он был жив, я еще пытался переубедить его. Ведь никто не может заранее примириться со смертью товарища, да еще такого гениального ученого, как Лоран! Я понимал, что он в смертельной опасности, что он убивает себя, и все же думал: как-нибудь обойдется, он вытянет, он сможет отдохнуть... Он был жив, и я с ним спорил как с живым... да, признаюсь, иногда слишком резко, слишком горячо, – но ведь речь шла о деле всей жизни, и его, и моей. Но теперь, когда Анри Лорана нет в живых, я могу только преклонить голову перед его подвигом. Он водрузил знамя науки на высоте, с которой открываются новые дали... И самые его ошибки, то, что привело его к жестокой катастрофе, к гибели, – и это поможет другим, тем, кто пойдет вслед за ним. Они увидят: здесь опасность!

– И все-таки странно... – тихо сказал Альбер. – Странно и печально, что даже такое великое открытие, такой героический труд не оставляют следов в жизни...

– Как – не оставляют?

– Ну, я хочу сказать – ничего не изменилось. Жизнь остается все такой же...

– Вы романтик, я вам уже говорил это, – помолчав, сказал Шамфор. – Разве один человек, даже самый гениальный, может изменить мир? Работа Лора-

на – это отчаянный, головокрумный прыжок в будущее. Когда человечество дойдет на своем далеком пути до цели, которой стремился достичь Лоран, тогда... тогда, может быть, ему поставят памятник. А может быть, его и не вспомнят...

– Вам скоро можно будет выписываться из клиники. – Врач отложил рентгеновские снимки. – Организм у вас здоровый, заживление идет нормально. И рука, и ребра в порядке.

– Ладно, – без энтузиазма сказал Роже. – В порядке так в порядке.

– У вас тоже все идет нормально. – Пальцы врача легко и уверенно касались головы Альбера. – Как вы себя чувствуете?

– Неплохо, – сказал Альбер. – Голова болит редко.

– Вам следовало бы после клиники поехать к морю... Могу порекомендовать также курс физиотерапевтических процедур...

– Благодарю, – сказал Альбер. – Это именно то, чем я рассчитываю заняться по выходе из клиники...

Врач уловил иронию и, смущенно кашлянув, ушел. Роже невесело ухмыльнулся, глядя ему вслед:

– Он думает: лежим в хорошей клинике, значит, и всякие процедуры можем себе позволить.

– Кстати, я что-то не понимаю: как мы попали в хо-

рошую клинику?

– А мы сначала и не попали сюда. Это Луиза, когда немного пришла в себя, распорядилась, чтоб нас сюда перевезли...

– И она за нас платит?! – ужаснулся Альбер.

– Она и Шамфор. Я бы не согласился, но ты долго в себя не приходил, опасались за твою жизнь. А там было прескверно, где нас поместили.

Роже прошелся по палате, посмотрел в окно:

– Места в бистро уже давно заняты, Виго приходил ко мне. Что будем делать? Шамфор нас не сможет как-нибудь устроить?

– У Шамфора серьезные неприятности. Фирма прогорает, лаборатория под угрозой. В разгар работ начались увольнения: экономят на жалованье. Уволили двух лаборантов, требуют, чтоб Шамфор убрал еще троих.

– Понятно... Ну что ж, начнем все сначала. Правда, Луиза нас к себе приглашает...

– Куда же?

– У нее еще остались деньги. Хочет снять домик где-нибудь на берегу Сены, под Парижем, пожить там, подальше от людей. Нет, она от души приглашает, не думай, ей с нами будет легче. Только Луиза не скоро выйдет отсюда: врачи говорят, она очень плоха. Когда немного поправится, будут ей делать что-то с лицом.

Обещают убрать все пятна и рубец тоже. В общем, месяца два-три она еще здесь пробудет. Да и все равно: не жить же нам с тобой у бедной девочки на харчах, надо что-то придумывать.

Они вышли по улице д'Обинье на набережную Генриха IV. К вечеру похолодало, дул сильный ветер.

– Ведь это подумать только: даже на ночлежку опять не заработали! – Роже сплюнул с ожесточением. – Что будем делать?

– А что делать? – Альбер невесело улыбнулся. – Вон напротив набережная Сен-Бернар... Тот самый киоск, по-моему, ожидает нас.

Роже с минуту постоял. Потом поднял воротник куртки и молча поплелся к Аустерлицкому мосту. Альбер шел за ним следом, глядя на серо-свинцовую Сену.

Начинал крапывать дождь. Это был уже осенний дождь.